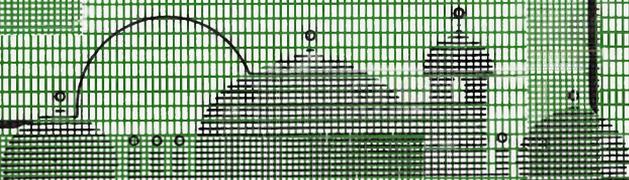

МУХАММЕД ТАГИР

ТРИ ИМАМА

Society for Central Asian Studies
Reprint series № 16

Muhammad TAHIR
al-Karakhi

THREE IMAMS

London

МУХАММЕД ТАГИР

ТРИ ИМАМА

© The Society for Central Asian Studies
Unit 8, 92 Lots Road, Chelsea, London SW10 4BQ
England
1989

INTRODUCTION

Abdurrahman Avtorkhanov

Tri Imama is a unique Mountaineer chronicle, devoted to the Russian Caucasian wars in Daghestan and Chechnia, and their outcome, under the three consecutive imams - Ghazi Muhammad, Hamzat Beg and Shamil. The chronicle was compiled by Muhammad Tahir al-Karakhi. Any Mountaineer who is interested in the past of his homeland will be passionately absorbed by this work. The shortcomings of *Tri imama*, are typical defects of similar chronicles of other nations, and in particular of Russian chronicals - historical facts are often interpreted with fantasy and historical characters drawn according to the sympathies or dislikes of the chronicler. This work is not only a chronicle but the testimony of a contemporary and murid of Imam Shamil. The earlier editions of *Tri imama* carry the subtitle «The Memories of a Murid of Shamil». Despite his personal involvement, the author gives an objective assessment of military operations which is confirmed by the Russian historians themselves. However, the «arithmetics» of casualties of any war are always subjective. It is a common occurrence, as a rule, for warring factions to inflate the casualties of the adversary and deliberately minimise their own. Such «arithmetics» are evident also in Tahir's chronicle.

Russian losses were indeed heavy, if only because the Caucasian war lasted nearly fifty years without interruption (1817-1864). Using a modern comparison, the Caucasus in the 19th century was Russia's Afghanistan. The difference being

that the Afghan resistance enjoys the sympathy and support of the whole free world, while Shamil's murids could only rely on themselves. The geo-strategic position of the Mountaineers was also unique: the North Caucasus -- Daghestan, Chechnia and Cherkessia -- was at the rear of the advancing Russian army and soon surrounded on all sides. Russian garrisons were positioned in Georgia annexed already in 1801. New garrisons were established in Azerbaijan and Armenia, conquered respectively in 1813 and 1828. From the North, almighty Russia was advancing with her famous artillery and infantry, well equipped with rifles from the Crimean war -- a weapon the Mountaineers lacked. In such a situation it is hardly worth mentioning the relative manpower strength of the opponents. Suffice it to say that according to official documents the Russian Caucasian army at the end of the war numbered over two hundred thousand soldiers for twenty thousand murids in Shamil's regular army.

The outside world acclaimed the perseverance of the murids in the face of adversity, their heroism in battle and the genius of Shamil as a military commander and strategist. The Russian classic poets, Pushkin, Lermontov, sung the struggle of the Mountaineers. As for the Mountaineers, during this tragic épopée, they were strengthened by the deep belief of the justice of their cause and the determination to sacrifice themselves. Marx and Engels in their annotations to the «Communist Manifesto» appeal to the European nations to learn from the example of the heroic fight of the Caucasian Mountaineers against the Tsarist giant. Shamil himself was described by Marx as a «great democrat». Stalin and his pupils have turned Shamil into a «Turkish spy» and Soviet Marxist Russia builds statues not to Shamil but to his subjugators. Such is the Soviet monarchic Marxism!

ТРИ ИМАМА

Предисловие

История владычества царской России на Кавказе несомненно страдает однобокостью: она основана, по большей части, на официальных донесениях и отчетах одной из борющихся сторон, не проверенных справками у противной стороны.

Вся военно-историческая литература горцев о Кавказской войне исчерпывалась двумя арабскими рукописями ученых арабистов-мюридов: Курбан-Алия из Ашильты и Магомеда Тагира из Караха. Первая, написанная под редакцией самого Шамиля, отличалась большей достоверностью, точностью и полнотой, чем вторая, но, к сожалению, она была сожжена автором после покорения русскими Дагестана из нелепых опасений преследования со стороны победителей. Последняя (ниже печатаемая), ушедшая с падением имама Чечни и Дагестана в подполье, выплыла на божий свет только после смерти автора.

Несмотря на крупные свои недостатки и неполноту, рукопись эта не лишена некоторого значения в смысле восстановления объективной истины в истории владычества русских на Кавказе. Кроме того, она рисует имама Чечни и Дагестана совершенно иначе — более реально, чем эта история: по русским историческим источникам, Шамиль изображался талантливым и энергичным вождем полчищ фанатиков, узурпировавшим ханскую власть благодаря искусному использованию фанатизма своих сородичей, по сочинению же ученого арабиста дагестанца, он являлся и творцом этого фанатизма, и великим практиком, сделавшим из своего творения гениальное употребление против водворения русского царизма на Кавказе.

Г. Маллачихан

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гази-Мухаммед и его первые действия. Адат — наваждение сатаны, а шариат — божья вера. Принятие шариата в аулах Гимри и Черкес. Гази-Мухаммед и шамхал. Воззвание к народу Гази-Мухаммеда. Принятие шариата в аулах Эрпели, Каранай, Аракань, Унцукуль и Гумбетовском обществе. Насильственное подчинение шариату андийцев.

Аллаху угодно было очистить, обновить и возвеличить свою веру. Исполнителем своей воли он избрал ученого и мудрого мужа — Гази-Мухаммеда из селения Гимри, человека из небольшого и не влиятельного рода. Сейалим¹ собрал вокруг себя народ и стал просвещать его в богоугодных делах. Он потребовал изъятия из жизненного обихода адата² и замены его шариатом³.

Он составил и руководство, в котором доказывал, что первый является дьявольским наваждением, а второй — источником божьей благодати.

По водворении в Гимрах⁴ шариата Гази-Мухаммед отправился в аул Черкес. Черкесцы в один месяц сделались горячими приверженцами его ученья. Шариат мало-помалу стал проникать в народ. Один-одинешенек отправился Гази-Мухаммед на плоскость к Мешхи шамхалу и властно потребовал от него введения шариата среди его подданных. Шамхал струсил и растерялся:

¹ Алим — ученый.

² Адат — обычай.

³ Шариат — кодекс законов ислама.

⁴ Гимри — родной аул Гази-Мухаммеда и Шамиля.

— ”Я твое желание выполню, скоро выполню, непременно выполню”, — сказал он.

Говорят, по уходе богоугодника шамхал обратился к одному из своих приближенных:

— ”Этот человек произвел на меня сильное впечатление; в нем есть что-то неземное, высшее, божественное”.

Затем Гази-Мухаммед обратился ко всем обществам с воззванием такого содержания:

— ”Мы — смиренные божьи рабы, сильные сознанием правоты своего дела и верой в конечное торжество его, неизменно верное, друзья истинноверующих и беспощадные враги безбожников и грешников. Да благословит Аллах всех своих покорных рабов! Затем ставлю вас в известность, что мы твердо решили защищать божью веру и посвятить всю свою жизнь этому богоугодному делу. Наши требования пусть не тяготят вас, совесть нечестивцев да не совратит вас с пути истины. Если вы искренне раскаетесь в своих грехах, ваша жизнь, ваш домашний очаг, ваше хозяйство и все имущество не подвергнутся никакой опасности. Если же будете упорствовать в своих грехах, злых деяниях и заблуждениях, то мы, как только наступит оттепель, нагрянем на вас с несметными силами и сметем вас с лица земли. Мы разорим вас, мы с позором выгоним вас из ваших аулов, из ваших гнезд. Мы, во что бы то ни стало покорим и жестоко накажем вас. Еще раз повторяем вам: мы восстали ради спасения правоверных и на погибель неверным. Дорогие братья, выкажите побольше разума, смирения, твердости, мужества и богобоязни. Мы надеемся победить русских, мы верим, что злоумышленьям гяуров не суждено осуществиться, ибо Бог не на стороне неверных. В заключение предупреждаем вас: если мы найдем между вами людей, не знакомых с алхомом, атихиятом¹ и другими основными молитвами, то назначим им наказание, со-

¹ Алхом и атихият — две основные молитвы исламтян. Первая читается стоя, вторая — став на колени.

ответствующее степени их преступных неведений”.

Вскоре после этого богоугодник сделал клич своим мюридам и собрал их вокруг себя в большом числе. Применение силы оказалось необходимым: одни слабо придерживались ислама, другие совсем забыли его, большинство же народа совершенно безучастно относились к делу спасения своих душ. Находились и такие, которые сочувственно относились к безбожью гяуров. Словом, истинно верующих было мало.

С этой речью богоугодник посетил сперва соседние аулы. Тех, кто встречал его враждебно, он наказывал строго и сурово, применяя телесные наказания, сжигая жилища, забирая их имущество. Тех же, которые искренне радовались его приходу, он вознаграждал всякими милостями.

Покорив себе окрестное население, он пошел на плоскость в Карачай и Эрпели и без труда убедил жителей бросить все противное и ввести у себя шариат. Не сочувствующих этому делу муллу¹ и нескольких кичливых горланов он арестовал и выслал из Гимри.

Затем он неожиданно явился в ауле Араканы. Араканцы также приняли его радушно. Только великий ученый их Саид, не желая подчиняться ему, бежал в подвластную русским кумыкскую землю.

Из Араканы избранник Аллаха направился в аул Унцукуль и без хлопот заставил его жителей покориться шариату.

Собрав на площади унцукульцев, Гази-Мухаммед обратился к ним:

— ”Я знаю, что многие из вас в душе не сочувствуют нам. Вам по-прежнему хотелось бы сбывать русским чабу² и яблоки. Оставьте эту нечестивую богопротивную мысль, иначе вам придется горько раскаиваться”.

¹ Мулла – мусульманский священнослужитель.

² Чаба – вареное вино.

Отсюда он отправился в гумбетовское и андийское общества. Гумбетовцы покорились без всякого сопротивления. Андийцы же отказались от повиновения и, собравшись в ауле Гогатль, решили дать отпор.

Произошел бой. Здесь смертью праведных пали многие из приверженцев шариата, но и у андийцев погибло немало. В конце концов враги все-таки были побеждены и подчинились шариату.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первый поход Гази-Мухаммеда на Хунзах. Отвага защитников. Измена гумбетовцев. Бегство мюридов. Шамиль в ханском дворце и в плену у изменников. Торжество победителей и отчаяние побежденных. Бодрость Гази-Мухаммеда.

Гази-Мухаммед считал Аварских ханов закоренелыми врагами ислама и виновниками разложения народных нравов. Это и было причиной нападения его на Хунзах. Собрав большую партию своих приверженцев, он окружил и осадил нитканскую резиденцию. Сам он предводительствовал койсубулинцами, своего же любимого ученика Шамиля назначил воеводою гумбетовцев. Аул был атакован со стороны кладбища. Град пуль посыпался на храбрецов. Жители упорно защищались. Ханша воодушевляла своих подданных с крыши ханского дворца. Мюриды ворвались в аул. Шамиль с 60 удалцами занял дворец, но защитники неожиданно заперли за ним ворота и с оружием в руках стали сражаться. В это время в партии, предводительствуемой Гази-Мухаммедом, произошла паника вследствие того, что разнесся слух, будто гумбетовцы изменили шариату и вместе с хунзахцами дерутся с койсубулинцами.

Один гумбетовец сообщил об этом осаждавшим Ша-

миля хунзахцам. Те передали эти сведения осажденным и просили их добровольно сдаться. Шамиль не поверил этому. Он думал, что это выдумка хунзахцев, пущенная в ход с целью выманить его из дворца. Поэтому он сидел там до самого заката солнца, не зная о понесенной Гази-Мухаммедом неудаче и ожидая с нетерпением от него помощи. Наконец, обманувшись в этих надеждах, он вышел из дворца. Его сейчас же окружили изменники-предатели гумбетовцы. Посыпались упреки, укоры и ругательства.

—” Ты зачинщик всех этих раздоров, ты виновник постигших нас бед!” — кричали они на него и тут же обезоружили его, с головы его сорвали чалму, хотели даже убить его, но он спасся благодаря заступничеству Дервиша-Мухаммеда из Инхо и Хадиса из Мехелата. Это случилось в первый день Рамазан месяца 1245 года.

После описанной неудачи неверные и их друзья сильно на него разозлились и подняли носы, а истинно верующие упали духом. Но сам Гази-Мухаммед не унывал. Окопавшись под самым Хунзахом, он еще долго держал жителей его в страхе и трепете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поход Гамзата в Закаталы. Радушный прием закатальцев. Блестящие победы и неудачная осада. Доверчивость Гамзата и вероломство русских. Плен и ссылка. Освобождение.

Получив разрешение от Гази-Мухаммеда, Гамзат с многочисленной конницей направился в Загорье и занял Закатальский округ. Закатальцы приняли его сочувственно и присоединились к его вольнице. Гамзат напал на русских и разбил их вдребезги. Много неверных пало тут. Уцелевшие от гибели бежали и скрылись в укреплении, оставив в руках победителей свои орудия и боевые припасы.

Гамзат осадил и это укрепление, но не мог взять его. Тогда он захватил с собою одного провожатого и отправился к русским для заключения с ними мира¹. Но его вероломно арестовали и отправили в Тифлис в качестве военнопленного. Он довольно долго находился в плену. В конце концов за него выдали двух аманатов², и его освободили. Вернувшись домой, Гамзат посвятил себя богословию, но когда получил известие о смерти одного из выданных за него аманатов, то отправился к Гази-Мухаммеду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первый бой с русскими. Заложение укрепления Агач-Кала. Поражение шамхала Осада. Вылазки Али-Султана и бегство русских. Преследование. Атлибуйонская победа и возвращение мюридов в Агач-Калу.

В середине весны 1246 года Гази-Мухаммед, во главе 148 преданных ему мюридов, явился во владение шамхала и укрепился в густой лесной чаще, на расстоянии часовой ходьбы от селения Н.-Казанищи. Сперва на него напал сам шамхал со всей своей милицией. Гази-Мухаммед разбил его наголову, и после этого много кумыков присоединилось к победителям. Вскоре прибыли и русские и окружили укрепленный лагерь мюридов плотным кольцом. Горсть защитников под предводительством Али Султана из Унцукуля сделала вылазку и напала на осаж-

¹ По сведениям из русских официальных источников, Гамзат, не желая возвратиться с неудачей на родину, явился в лагерь своих противников и предложил назначить ему пенсию, обещая взамен этого распустить свое войско и не тревожить их более. Его арестовали как мятежника и под конвоем отправили в Тифлис. Вскоре он был освобожден по ходатайству Аслан-Хана Казикумухского.

² Аманат – заложник.

давших. Русские обратились в беспорядочное бегство, оставив на месте столкновения много убитых.

Неверные отступали по направлению селения Кафыр-Кумух на соединение с сильным подкреплением, шедшим навстречу им. Гази-Мухаммед тоже выступил из укрепления Агач-Кала и преследовал врагов до Алтыбуюнских высот. Здесь русские напали на него с двух сторон и опять потерпели жестокое поражение. Отсюда Гази-Мухаммед сделал нападение на селение Параул и, захватив с собой имущество шамхала и его богатых родственников, вернулся в Агач-Калу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бой под Тарками.

Гази-Мухаммед окружил и осадил укрепление Тарки. Часть его мюридов без труда проникла в осажденное укрепление. Один гимринец доставил вождю эту приятную весть, преувеличенно сообщив, что Тарки уже взяты.

— "Укрепление мы еще не взяли, но Бог даст, возьмем скоро", — сказал Гази-Мухаммед.

Слова эти были заглушены страшным шумом. То был взрыв порохового погреба. От этого взрыва у Гази Мухаммеда погибло 200 человек, а у противника 1000.* Бой в крепости после взрыва закипел еще сильнее. Три раза Гази-Мухаммед с обнаженной шашкой бросался в ряды неверных и раз даже один солдат чуть было не заколол его

* Взрыв порохового погреба, бывшего вне крепостной ограды, произошел от нарочно выпущенной из укрепления гранаты. Поэтому потерпели от этого взрыва мюриды и потеря их доходила до 1000 человек по русским официальным источникам (сильно преувеличенным). Потери же у противников не могло быть.

штыком. Но Нурмуаммед из Цоботля изрубил шашкой дерзкого безбожника.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Защита Андреевского аула и сражение при Акташе. Осада укрепления Андреевского. Прибытие подкрепления к осажденным. Роспуск партии мюридов. Победа их над русскими. Трофеи победы.

Абдулла, из аула Ашильты, с салатавцами осаждал крепость Андреевскую. Гази-Мухаммед прибыл на помощь осаждавшим и около полутора месяцев держал русских в осаде. Скоро к осажденным прибыло сильное подкрепление. Тогда Гази-Мухаммед разрешил желающим разойтись по домам. Трусы и негодяи воспользовались этим разрешением. С оставшимися в его распоряжении храбрецами богоугодник занял крепкую позицию между селением Андреевским и разрушенным аулом Акташ. Говорят, что при защите этого аула два брата погибли смертью праведных и родная мать их громко выражала радость свою по этому случаю. Русские были разбиты и вынуждены были отступить. Гази-Мухаммед бросился преследовать их. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Тут неприятелей пало много. Правверные отбили в этом деле даже одно орудие, которое было отправлено в аул Черкей. Сражавшиеся все это время Андреевцы переселились на новое, купленное им, место. Помогавшие мюридам окрестные жители разошлись по домам. Сам же Гази-Мухаммед с верными своими друзьями вернулся, двинулся в Дербент и около 15 дней осаждал его. Тут также произошло большое сражение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взятие Кизляра. Мир черкесовцев с русскими. Неудачный поход на Барау-Калу¹.

В это время русские занимали аул Гельбок. Гази-Мухаммед через Чечню двинулся на Кизляр и без особого препятствия завладел этим городом. Он забрал в плен много жителей, захватил скот и всякого рода имущество и готовился идти дальше². В это время главнокомандующий русскими войсками³, во главе больших сил, прибыл в аул Черкей. Жители, с разрешения знаменитого шейха Мухаммеда⁴ из Ярагли, заключили с русскими мир и возвратили присланное Гази-Мухаммедом орудие. Сам же шейх, не желая дальше оставаться в этом ауле, перебрался на жительство в аул Агами. Одновременно с этим и андреевцы переселились обратно на места своего первоначального жительства.

Гази-Мухаммед же двинулся в поход на Бурау-Калу, но на пути был контужен осколками орудийного снаряда и вынужден вернуться домой.

¹ Владикавказ.

² Автор записок перепутал местные военные события. Гази-Мухаммед, пробыв в урочище Чумли, решил осадить крепость Внезапную. За 15 дней осады, с лишением воды в летние дни, он довел до последней крайности гарнизон, но защитники были выручены командующим войсками Кавказской армии Генералом Эммануэлем, который, неосторожно увлекшись преследованием неприятеля, потерпел поражение в дремучем лесу аульского общества и потерял одно орудие, отступая в крепость.

³ Генерал Панкратьев во главе 2500 человек пехоты, 500 всадников кавалерии и 22 орудий.

⁴ Шейх Мулла Мухаммед, из Яраглы Кюринского округа, наставник Гази-Мухаммеда и первый проповедник газавата в Дагестане.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Второй бой с русскими под Агач-Калой. Осада русских. Вылазки Шамиля. Отступление русских.

Русские с шамхалом вторично осадили Агач-Калу. Последний занимал Гази-Мухаммед с Гамзатом, Шамилем и Саидом из Игали. Шамиль с товарищами вышел из укрепления и первый начал дело. Мюриды оставили своих вождей с тремя товарищами на произвол судьбы и вернулись в укрепление, но герои и без поддержки трусов разогнали русских. Однако, неверные снова собрались и сделали нападение. Шамиль с Гамзатом опять встретил их и обратил в бегство. С этих пор неприятель, хотя и окружил Агач-Калу, но не смел нападать на его защитников. Наступили сумерки. Русские отступили. Гази-Мухаммед тоже оставил укрепление, сняв с убитых одежду и оружие.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поход Гази-Мухаммеда в Чечню. Блестящая победа над чеченским отрядом. Сожжение и разорение чеченских аулов. Печальная весть из родного аула и возвращение туда.

Весною следующего года Гази-Мухаммед предпринял поход в Чечню. В этом походе принимал участие и знаменитый шейх из Яраглы. Около местечка Гайдур их встретило 500 конных чеченцев. Избранник нанес им такое поражение, что из всего этого числа всадников спаслось бегством только трое. Убитых врагов нашли и взяли у них оружие. Мюриды вторглись в глубь Чечни. Много аулов пришлось сжечь, а еще больше разорить. Но на помощь чеченцам подошли русские и разбили мусульман. Услышав

здесь о приходе гяуров в Гимри, Гази-Мухаммед вернулся домой, чтобы умереть богоугодной смертью в родном ауле.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пребывание Гази-Мухаммеда в ауде Ирганай. Посещение Гази-Мухаммеда племянницами. Сон имама. Прибытие к нему приверженцев из Чечни и Кумыкской плоскости. Весть о предательстве и смерти любимца имама — Гасан Гусейна.

Гази-Мухаммед стал укреплять Ирганское ущелье. Это было в конце весны. Сюда же к нему явились племянницы и другие гимринские женщины. Гази-Мухаммед сказал им:

— "Я должен расстаться с вами, я это предчувствую".

Женщины были сильно взволнованы этой скорбной вестью и воскликнули со слезами:

— "Кто же будет после тебя нашим наставником и руководителем?"

— "Шамиль, — отвечал Гази-Мухаммед твердо и спокойно, — он будет долговечнее меня и успеет сделать гораздо больше благодеяний для мусульман, чем я. Не сомневайтесь в этом. Я видел сон: мы с Шамилем стояли на берегу Койсу. Быстрым течением реки несло два бревна. Одно принадлежало мне, другое Шамилю. Мы оба бросились за ними. Мое бревно унесла река, Шамиль же вытащил свое. Вот откуда моя уверенность в долговечности и благотворности его жизни".

На помощь Гази-Мухаммеду явились в Ирганай и последователи его из Чечни и Кумыкской плоскости. Один из них сообщил ему, что Гасан-Гусейн убит ими за предательство русским. Этот Гасан-Гусейн был из ученых кумыков. Он был оставлен Гази-Мухаммедом в Чечене в качестве на-

местника. Гази-Мухаммед любил его. Шейх Мухаммед из Яраглы всегда также относился к нему с почтением и уважением. Печальная весть произвела на Гази-Мухаммеда тяжелое впечатление. Он заплакал и, обратившись к Шамилю, произнес: — "Друг мой! Заклинаю тебя: убей и ты меня, если я когда-нибудь изменю своим святым обязанностям".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Смерть Гази-Мухаммеда и бегство Шамиля. Движение русских на Гимри. Укрепление Гимринского ущелья. Приход русских. Поражение мюридов. Гази-Мухаммед с Шамилем в башне. Сон Шамиля. Штурм башни. Отчаянное положение защитников. Тщетный вызов охотников. Приготовление имама к смерти. Смерть дяди и племянника на щетине штыков. Приготовление Шамиля к вылету из башни. Львиный прыжок и его жертвы. Камень вдогонку и залп на прощанье. Выход из ада. Обморок. Кровавая рвота. Мучительная ночь. Прибытие в Унцукуль. Изгнание. Лечение и исцеление.

Гази-Мухаммед недолго оставался в Ирганае. Он получил известие, что русские идут в Гимри, и поспешил туда. Мюриды построили башню в самом узком месте Гимринского ущелья и укрепились здесь. Накануне боя Шамиль видел сон. Снилось ему, что русские вблизи, что ружья и пистолеты защитников сломались, а русские пролезли на крышу башни, оттуда угрожали штыками и что он благополучно спасся бегством от неверных. В субботу пришли русские. Бой был с восхода до заката солнца. Мусульмане были разбиты. Гази-Мухаммед с Шамилем и 13 мюридами засели в башне. Русские со всех сторон окружили их. Тут Гази-Мухаммед обратился с вопросом к Шамилю:

— "Чего же ты ждешь еще?"

Шамиль молчал. Неприятель залез на крышу и штыками пробивал ее. Защитники встретили нападающих учащенным огнем. Скоро ружья и пистолеты Шамиля пришли в негодность. Сон наполовину сбылся. В башне было душно и жарко. Гази-Мухаммед вызывал желающих сделать вылазку. Охотников однако не находилось — все только молча переглядывались между собой. Тогда богоугодник горячо помолился и по окончании молитвы приготовился к достойной смерти. Сильным ударом в стену от поломал ружье, пистолет, кинжал и ножны шашки, разрубил на мелкие куски черкеску, бешмет и чалму, подоткнул рубашки за шаровары, засучил рукава до самых локтей и крепко затянулся поясом. Потом, схватив шашку и сильно потрясая ею над своей головой, сказал с улыбкой:

—” Кажется, сила не изменила еще молодцу!”

Мюриды безмолвно глядели на эту жуткую сцену. Богоугодник окинул своих сподвижников последним прощальным взглядом и со словами:

—” Ну, друзья, до свиданья там, перед судом Всевышнего! — ринулся из башни в самую гущу неверных.

Произошло смятение, но скоро богоугодник был поднят на штыки и на штыках погасла его святая жизнь под торжествующий вой осаждавших и душу раздирающее рыдание осажденных. За Гази-Мухаммедом бросился и родной его племянник Мухаммед-Султан. С ним гяуры расправились точно так же.

Шамиль предложил оставшимся последовать за ним. Но охотников и на этот раз не нашлось. Тогда Шамиль сам стал готовиться к вылазке. Он засунул за пояс полы черкески, засучил рукава и, схватив шашку, выбросился из башни с такой силой и стремительностью, что очутился по той стороне живой штыковой изгороди. Ударом приклада ружья с крыши башни с него сбили шапку во время полета.

С обнаженной головой и с шашкой в левой руке, врезался лев ислама в густой неприятельский строй, тесным

кольцом окружавший его. Он хлестнул шашкой по голове первого попавшегося гяура. Тот упал. Он – второго и тот свалился с ног на землю. Кольцо разорвалось, и Шамиль очутился между двумя рядами солдат, стоявших лицом друг к другу по обеим сторонам узкого Гимринского ущелья. Он пустился бежать без оглядки во всю прыть посреди ошеломленных врагов. Впереди против него довольно долго не выступали, сзади не стреляли во избежание попасть в своих. Наконец, один смельчак в бурке и папахе выскочил вперед и, преградив ему дорогу, выстрелил в него почти в упор, но дал промах. Шамиль ударил его шашкой по голове, но тот подставил бурку под удар и остался невредимым. Удары повторялись и ловко отражались буркой. Наконец, ловким отвлечением внимания гяура в сторону от действительного направления удара Шамилю удалось раскроить череп гяуру и продолжить свое бегство. Однако – ненадолго: скоро один солдат, выступивший вперед, преградил дорогу и всадил штык в бок Шамилю. Шамиль, схватившись за дуло ружья, вырвал штык из своей раны и прикладом по голове уложил врага Аллаха на месте. Но опять новая напасть: тяжелый камень, брошенный сзади гяурами вдогонку, падает на его плечо. Он чувствует резкую боль. Дыханье спирается, силы слабеют, но вера в возможность скорого спасения возбуждает в нем бодрость духа и энергию. Делается последнее мучительное усилие, и он вырывается из среды смертельных опасностей, сопровождаемый со стороны неприятеля ружейным залпом, не причинившим ему, однако, никакого вреда. По выходе из этого ада Шамиль оглянулся назад и вздохнул облегченно: вместо врагов он увидел бежавшего за ним своего аульного будуна¹. Оказывается, будун этот выпрыгнул из башни вслед за Шамилем и бежал, все время прикрываясь им. Он не получил ни ушиба, ни царапины в этой горячей перепалке.

¹ Будун – помощник муллы, призывающий правоверных к молитве.

Выбравшись на свободу, Шамиль почувствовал сильное изнеможение. Он прилег за большим осколком скалы под кустом терновника. Будун спрятался недалеко от него. Шамиль просил его не беспокоиться о нем.

— «Оставь мертвого в покое. Я уж не жилец этого грешного мира. Твои заботы и хлопоты меня не спасут от божьего предопределения. Спасайся, пока имеется возможность. Гяуры знают цену нашим шкурам. Они не оставят нас в покое».

Голос его оборвался, он лишился сознания. Неподвижный и смертельно бледный, весь в крови вражеской и своей, он лежал довольно долго без всяких признаков жизни. Будун, низко наклонившись, читал над ним отходную. Раненый пришел в себя только тогда, когда последние лучи заходящего солнца осветили зубчатые вершины окружающих скал.

— «Не пропустил ли я времени вечерней молитвы?» — тихо произнес он, обращаясь к будуну.

Он присел и стал совершать омовение сухой мелкой землей, но не мог закончить его. Руки его беспомощно опустились, голова закружилась, в глазах потемнело. Его тошнило и скоро вырвало сгустками крови. Тогда ему стало лучше и легче, и он закончил свою молитву.

Наступили сумерки. Беглецы поднялись с места и стали тихо подниматься вверх по скату ущелья. Большой опять ослабел. Его начало знобить, он прилег и уже не встал до самого утра. Без шапки, в окровавленной одежде, со сквозной раной в боку, мучимый голодом и томимый жаждой, провел он со своим товарищем длинную осеннюю ночь под открытым небом, на голой каменистой земле.

Ночная прохлада по сквозной ране свободно проходила через его горячее тело.

— «Ах, какой великой божьей благодатью является для меня в эту ночь моя рана! — сказал Шамиль будуну. — Она умеряет мой жар, она освежает все мое раскаленное нутро».

С рассветом товарищи поплелись по направлению аула Унцукуль. В Гимри они не могли идти: там сидели русские. Но и унцукульцы не приняли Шамиля. По требованию аульной власти, кунак был вынужден перевести его из своего дома в куль¹, находящуюся за аулом среди обывательских садов. Его не оставили бы и там в покое, если бы унцукульцы не рассчитывали на его скорую смерть.

Около 20 дней Шамиль провел здесь в сидячем положении, так как рана не позволяла ему лечь. Наконец, был приглашен врач. После первой же перевязки раненый заснул утром и проснулся только на другой день в такую же пору. Рана его зажила через 2 месяца и тогда он отправился в аул Ирганай к временно проживавшему там шейху Мухаммед из Яраглы.

С помощью гимринских нечестивцев русские опознали труп Гази-Мухаммеда. По совету Саида-Араканца они увезли его и похоронили в Тарках, предварительно высушив на солнце. Неверные не без основания опасались, что могила богоугодника в Гимрах будет служить постоянным источником вдохновения его приверженцев к газавату против них. Но праху избранника Аллаха не суждено было остаться долго на чужбине. В дни могущества Шамиля он был привезен обратно и похоронен в родном ауле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Борьба Шамиля с врагами шариата в Гимрах. Бесстыдник среди бесстыдниц. Наказание. Неугомонная грешница и ее муж. Их жалоба и разбор ее аульным муллой. Судебный приговор. Неожиданное открытие. Протест обиженного и

¹ Кульа – купальня – молельня, где правоверные совершают омовение тела и молятся.

оскорбленного. Происшествие в кулье. Предложение старшины и ответ Шамиля на него. Речь Шамиля в мечети. Бегство и торжество мюридов.

В первый день Рамазана Шамиль вернулся в Гимри. Однажды он шел молиться. На улице он застал группу женщин за работой. С открытыми лицами и обнаженными ногами они грелись на солнце и чесали шерсть. Шамиль мимоходом упрекнул их в бесстыдстве и заметил им:

—“Вы, вероятно, думаете, что с уходом Гази-Мухаммеда ушел в тот мир и шариат?”.

Возвращаясь из кульи, он нашел тех же женщин за той же работой, а около них сидел еще и старик с открытым пахом без шароваров. Шамиль разнес старика за такой неприличный вид и побил его бесстыдных собеседниц. Женщины разбежались, за исключением одной. Шамиль побил ее и вторично. Она стала плакать и звать на помощь. Прибежал муж. Узнав в чем дело, обиженный супруг отправился к мулле с жалобой. Он потребовал от аульного судьи немедленного наказания Шамилю, Шамиль же требовал наказания мужа, так сильно распустившего свою жену. Мулла беспрекословно исполнил его требование и подверг злополучного супруга 20 палочным ударам.

По окончании экзекуции осужденный встал и Шамиль заметил на его груди сочившуюся кровь. Он провел рукой по окровавленному месту и увидел зияющую рану. Раненый обратился тут же к своему экзекутору.

—“Ты растравил мою рану, ты ответишь за это мне по адату!”

—“Ведь я не знал, что ты ранен”, — начал было оправдываться чауш.

—“Ты отвечай ему не так, как трус, а как благочестивый правоверный”, — сказал мулла исполнителю своего приговора.

Тогда последний спохватился и заявил жертве своей расправы:

— Мы защитники и охранители святой веры. За нее погибло много святых мужей, плевка которых ты не стоишь. Можешь и ты умереть из-за нее. Знай и поведай своим друзьям, что мы от шариата никогда не отступимся!”

Шамиль вернулся домой, весьма довольный решением муллы. Родовались и все мюриды такому исходу дела. Пост прошел. Накануне Байрама перед рассветом Шамиль встал и пошел купаться в кульбу. Он подошел к дверям, где слышен был веселый говор и хохот. По всему было видно, что кульба битком была набита врагами шариата. Они сидели вокруг большого костра и подтрунивали над отсутствующими мюридами.

— Вот по стойте, — говорит один, — мы завтра напоим мюридов и вдоволь натешимся над ними”.

Шамиль сперва хотел вернуться домой, но потом раздумал. “Какой же я слуга и защитник ислама, — подумал он, — когда избегаю его врагов и хулителей?”

Он выхватил кинжал и с криком:

— “А ну, неверные собаки, посмотрим, кто над кем потешится: вы ли над мюридами или мюриды над вами!” — бросился в кульбу.

Толпа моментально рассеялась. Страх, наведенный на нее Шамилем, был так велик, что многие из веселившихся падали в воду бассейна. Шамиль разбил и разодрал на части найденный на месте увеселения бубен и, бросив его вслед за бежавшими, крикнул:

— “А вот возьмите отсюда прочь и свою ослиную шкуру!”

На другой день беспутники пожаловались на Шамиля старшине, назначенному русскими при уходе. Старшина послал почетных стариков к Шамилю не то с просьбой, не то с требованием заплатить стоимость бубна, который был сделан по заказу муллы на общественный счет, и оставить аульских жителей в покое. Шамиль ответил посланным:

— “Я застал нечестивцев за богохульством и по-

ступил с ними так, как повелевает Бог. Да будет вам всем ведомо, что я не позволю никому унижать и оскорблять святую веру. Да будет вам известно, что в деле исполнения возложенных на меня свыше обязанностей я надеюсь только на самого себя и не жду ниоткуда и ни от кого никакой поддержки. Кто хочет — пусть идет на путь истинный. Кто не желает — пусть отвернется от него. Вы жестоко ошибаетесь, если думаете заставить меня пойти за заблуждениями”.

Этот гордый и самоуверенный ответ был передан старшине в точности и остался безнаказанным. Представитель русской власти в ауле потерял с этих пор в глазах жителей свое значение и вес. На него стали смотреть, как на малодушного труса.

В день байрама Шамиль обратился к народу с грозной речью:

— ”Гимринцы! Вы, кажется, думаете, что с Гази-Мухаммедом погибло и наше общее святое дело, за которое мы так ревностно и усердно боролись? Но я докажу, что вы ошибаетесь. Клянусь вот этой мечетью, клянусь и всеми находившимися в ней божьими книгами, что я подниму святую веру на подобающую ей высоту. Вы отлично знаете, что я превосхожу Гази-Мухаммеда и умом, и ученостью, и силой. Желющие изменить шариату пусть объявят себя теперь же. Я хочу посмотреть на этих молодцов и полюбоваться их мужеством и храбростью!”

Истинные правоверные торжествовали. Вероотступники повесили головы. Ставленник русской власти бежал из Гимр. Шариат водворился вновь в сердце народа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Гамзат в начале своего имамства. Первые жертвы его деятельности. Залог с унцукульцев. Командирование Шамиля

в сел. Мулы. Победа его над хунзахцами перед сел. Гарадириком. Карадах покоряется, но не желает принимать мюридов. Взятие аулов Куялды и Тлетль.

В преемники Гази-Мухаммеда народным собранием и советом ученых был избран Гамзат. Новый имам счел первым долгом объездить все подвластные ему аулы, проповедуя о добрых и богоугодных делах и ратуя против зла и заблуждения. Убедившись в недостаточности действия слов, он, в пример прочим, убил в Ирганае двух вероотступников и временно там водворился на жительство.

Услыхав здесь, что аул Унцукуль не придерживается шариата, он со своими приверженцами отправился туда. Остановившись в садах на окраине аула, он послал туда Шамиля с двенадцатью мюридами с требованием залога в обеспечение верности шариату в размере не менее 600 рублей. Унцукульцы приняли посланника хорошо и объявили, что они желают подчиниться только ему одному. Но один из влиятельных жителей, по имени Китаб Хаджиев, внешним знаком дал понять Шамилю, что в заявлении его односельцев скрывается вероломство. Шамиль поэтому, не обращая внимания на слова унцукульцев, твердо настоял на немедленной выдаче требуемого залога и получил его.

Исполнив это поручение, он, с разрешения имама, вернулся домой, но недолго пришлось ему жить в родном ауле: через нарочного он получил приказание Гамзата немедленно отправиться в аул Мушулы для устранения и усмирения его безбожников, восставших против своего наиба — Саида Игалинского. Шамиль собрал вольницу и выступил с ней в поход. Прибыв в аул Орода, он узнал, что партия хунзахцев овладела селением Гарадириком и, присоединив к себе его жителей, намеревается напасть на него. Усилившись ородинской молодежью, Шамиль сам пошел в наступление. Неприятель спускал на наступавших огромные камни, но мюриды безостановочно продолжали движе-

ние. Пред Гарадириком произошла, наконец, стычка. Хунзахцы не выдержали и бежали. Мюриды далеко преследовали их, то убивая, то забирая в плен.

Водворив порядок и послушание между непокорными противниками шариата, Шамиль вернулся восвояси. Положение дел опять заставило Гамзата объехать Койсубулинское общество и принять строгие и справедливые меры против некоторых богоотступников. За подозрение в сопротивлении святому делу распространения шариата унцукульцы Шагбая Дибир и его товарищи были внезапно окружены и приведены в полное раскаяние. Много гордых жителей Гергебиля были арестованы и отправлены в Гочотль.

Предпринят был также поход в Карадах. Карадахское ущелье мюриды нашли сильно укрепленным завалами. Карадахцы заявили Гамзату, что они признают его власть над собой, но не желают, чтобы он с мюридами вошел к ним в аул. Мюриды желали атаковать аул. Но Гамзат не дал им на это разрешения.

Оставив карадахцев в покое, имам отправился в селение Гоготль. Но тут гоготлинцы и тлитлинцы встретили их перед последним аулом так же неприязненно, за баррикадами. Мюриды атаковали и завладели аулом Тлитль. Глава тлитлинцев, Чупан, и его надменные товарищи были арестованы и под конвоем отправлены в Гимр.

От Карадахского общества к Шамзату прибыла делегация с изъявлением своей преданности шариату.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поход в Ругжу. Победа мюридов на Ругжинской горе. Упорство Андоляльского вождя Султанилава и его участь. Подчинение шариату Годатлинского общества. Разделение мюридов на два отряда.

Гамзат с большими силами двинулся на владения общества Андоляльцев. Андоляльцы встретили его на горе Ругжинской. Горстью мюридов враги были дружно атакованы, и тотчас же мюриды рассеяли их. Победители настойчиво преследовали побежденных и многих перебили. Главный вождь их, Султанилав, заперся в башне и решил защищаться. Шамиль хитростью выманил его к себе и под сильным конвоем отправил в Гимри. Имущество Султанилава обращено в пользу общественной казны, и от всех жителей Ругжи, Сугратль и других аулов Андоляльского общества был взят залог в обеспечение их верности и покорности шариату. Точно такая же гарантия была потребована и от Гидатлинского общества. Затем часть мюридов, под предводительством Шамиля, направилась против общества Карах, часть же, во главе самого Гамзата, против Баголау.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Истребление Аварских ханов. Затянувшаяся блокада Хунзаха. Дезертирство мюридов. Клятва Шамиля. Уступчивость ханши. Выдача Булач-хана. Приезд к мюридам Нуцалхана и Ума-хана. Неудавшаяся попытка подкупа Шамиля. Тяжелые условия мира Гамзата. Замешательство ханов. Кровавая схватка. Смерть ханов. Захват дворца. Казнь ханши. Скупость Гамзата. Мюриды без шароваров.

Шамиль получил от Гамзата приказание двинуться с койсубулинцами на соединение с ним для совместных действий против хунзахцев. В назначенное время друзья сошлись недалеко от аула Хунзаха. Около 15 дней стояли мюриды здесь, стараясь всеми силами привить к местным жителям шариат. Они голодали, роптали на Гамзата и сильно волновались. Были даже случаи самовольного ухода из лагеря. Шамиль собрал мюридов и строго распек их.

— "Истинные мусульмане, — обратился он к ним, — должны иметь терпение и волю. Если мы разойдемся по домам, кто же приведет наших врагов в повиновение нам? Клянусь вам Всевышним, что те, которые осмелятся самовольно уходить отсюда, найдут у себя дома неминуемую смерть!"

Мюриды приутихли и присмирели. Хунзахцы волея-неволей должны были покориться их требованиям. Взятый от них в аманаты младший сын ханши, по имени Булач, был отправлен Гамзатом в аул Харачи.

Согласно желаниям имама, два старших брата его — Нуцал-хан и Ума-хан — с 200 нукерами явились в стан мюридов с изъявлением покорности. Однако под покорностью хунзахцев оказалось одно лицемерие. Один из ханской свиты передал секретно Шамилю от имени своей повелительницы ханши следующее:

— "Ты пользуешься у Гамзата неограниченным доверием, имеешь на него сильное влияние. Он выслушает твои советы и никогда не откажет тебе в просьбе. Отвлеки его от Хунзаха на кумыкскую плоскость против Шамхала, и ты получишь в награду 2000 рублей.

Шамиль тотчас же сообщил Гамзату об этом предложении.

— "Значит, они лицемерили с нами? — заметил Гамзат. — Но мы сейчас убедимся в этом основательно. Ты прикажи хунзахцам, в присутствии Ума-хана и Нуцал-хана, немедленно разрушить все оборонительные башни в ауле Хунзахе. Если они искренне и навсегда покорились своей участи, они исполнят наши приказания. Если же нет, то требования наши возбудят у них неудовольствие".

Шамиль исполнил приказание имама. Хунзах заволновался, посланники жителей засуетились и стали собираться к отъезду. Мюриды постарались задержать их в своем стане до исполнения объявленного приказания Гамзата. Произошла схватка. Хунзахцы первые начали ее. Нуцал-хан и Ума-

хан и их почетная свита пали жертвою своего лицемерия. Несколько мюридов нашли здесь также благословенную Всевышним смерть.

После этой кровавой схватки Гамзат с десятью мюридами отправился в ханский дворец. Но там они нашли одни пустые покои. Дворцовая казна и имущество были спрятаны. Сама ханша находилась в это время в ауле Генечута. Имам потребовал от дворцовой прислуги и от аульских жителей немедленной доставки всего ханского добра, угрожая в противном случае полным разорением и беспощадной казнью. Угроза возымела свое действие. Все имущество было возвращено победителю и отправлено на 8 арбах в аул Гоцатль.

Теперь Шамиль посоветовал Гамзату вернуться в свой родной аул и посвятить себя посту и молитве. Он обещал при этом от себя и от имени других наибов безусловное повиновение и полную преданность. Имам сперва хотел последовать этому предложению, но совет ученых нашел более целесообразным поселиться ему в ханском дворце. Потому и отправленное в Гоцатль имущество было вернуто назад у Хунзах. Баху-бике (ханша) была казнена перед своим дворцом. Здесь же в один день с ней был казнен и ее пасынок — Сурхай-хан.

От продолжительного похода одежда и обувь мюридов сильно обтрепалась. Шамиль передал имаму общую просьбу своих сподвижников о выдаче им пособия хотя бы на покупку шароваров. Гамзат отказал в этой просьбе. На обратном пути Шамиль обратился к своим товарищам:

— ”Мы теперь оставим надолго Гамзата в покое: пусть хунзахцы хотя немного забудут о произведенных нами насилиях!”

Скоро Шамиль был предупрежден родственником Шамхала Тарковского Шамхановым о существовании заговора друзей и приближенных погибших ханов против жизни Гамзата, его самого и Саида Игалинского.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Поход Гамзата против аула Салты и смерть его.

Шамилю было предписано Гамзатом выступить с кой-субулинцами в поход против аула Салты со стороны Куппы. Сам же имам намерен был напасть со стороны Цудахара. Гамзат с хунзахцами и другими соседними с ними обществами остановился в Гергебильской равнине в ожидании подкрепления своего отряда унцукульцами и араканцами. Но последние заставили себя ждать три дня. На пути в Куппу Шамиль узнал, что Гамзат потерпел поражение и вернулся назад. Араканцы и унцукульцы были объявлены трусами и виновниками случившегося поражения. Гамзат, переночевав в Гоцатле на обратном пути, возвратился.

Тем временем имам собрал вокруг себя хунзахцев и старался сделать их истинными мусульманами. Но проповеди его не достигли цели. В глубине души население тайло ненависть и вражду к мюридам.

Скоро распространился слух, что Гамзат будет убит во время богослужения в мечети. Хунзахец Хаджи Ясул Мухаммед предупредил имама об угрожающей опасности и просил принять меры предосторожности. При этом верный мюрид присягнул на коране, что заговор действительно существует и что днем приведения его в исполнение назначена пятница. Гамзат не внял голосу предупреждения. Он пошел в пятницу в мечеть, сделав, впрочем, распоряжение накануне, чтобы никто из хунзахцев не являлся туда при оружии. За имамом шел Хаджи Ясул Мухаммед, вооруженный с ног до головы. При входе имама один из злоумышленников встал и выстрелом из пистолета убил его. Но Хаджи Ясул Мухаммед изрубил убийцу тут же.

Таким образом имамство Гамзата продолжалось только полтора года.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Избрание Шамиля в имамы и его первые действия. Проповедь в Унцукуле. Появление русских в Гимрах. Схватка с ними мюридов. Измена гимринцев и унцукульцев. Неравная борьба. Вызовы врагам Шамиля. Дружеский совет Кебет Ханджиова и Тагира. Несогласие товарищей с Шамилем. Недоразумение между гимринцами и унцукульцами.

После смерти Гамзата в имамы был избран Шамиль. Он долго не соглашался принять предложенную ему честь — имамство. Но просьбы и мольба народа заставили его, наконец, склониться в пользу всеобщего желанья.

Деятельность нового имама началась казнью Султана Ругжинского, находившегося под арестом в Гимри.

Усилия его затем были направлены к тому, чтобы склонить унцукульцев на свою сторону. Он произнес им проповедь, в которой, между прочим, сказал:

— "Ваш аул — глава всего Койсубулинского общества. Между вами много ученых и благоразумных, поэтому вы должны быть на стороне ислама".

Власть его в Унцукуле была единодушно признана. Шамиль хотел было побывать во всех аулах койсубулинского общества, но получил известие, что русские идут в Гимри. Он послал всем аульным старшинам приказание немедленно собраться к месту появления неприятеля и сам поспешил туда с 15 мюридами. Моста на реке Койсу не оказалось. Шамиль переправился вплавь. Перед нападением мюриды разделились надвое: одной частью командовал Шамиль, другой — Черкеевский Роджабилъ Махмуд.

В условленное время правоверные дружно бросились на врагов, убили их начальника и рассеяли их. Но неприятель снова успел собраться и окружить аул прочными завалами из фруктовых деревьев, приготовясь упорно защищаться. К нему присоединились гимринцы, а вслед за ними

и унцукульцы. Горсть мюридов отважно билась с неверными и их союзниками. По Шамилю был сделан залп, но он остался невредимым. Теснимый неприятелем, имам с 13 сподвижниками занял крепостную позицию около старого моста и послал отсюда вызов своим заклятым врагам:

— "Делайте теперь что хотите, — кричал он им, — за сострадание и милосердие не скажу вам спасибо!"

Ночью к Шамилю явились тайком унцукульцы Кебет Хаджиов и Тагир и просили его убираться куда-нибудь в безопасное для себя место.

— "Русские и их друзья решились теперь дружно напасть на вас. Скройтесь отсюда, пока русские уйдут!" — сказали они ему.

Совет этот не был исполнен Шамилем. Шамиль предложил товарищам скрытно пробраться в аул и, заняв несколько саклей, биться до смерти. Товарищи не согласились. Шамиль просил их тогда идти в лес, но и в этой просьбе встретил отказ. Таким образом, имаму волей-неволей пришлось скрываться два дня в пещере над Койсу до ухода неверных.

Когда русские ушли, Шамиль вернулся в Гимри, подчинил опять его жителей себе. В это время между унцукульцами и гимринцами произошло недоразумение, чуть-чуть не окончившееся открытым столкновением. В виду изменчивости и неопределенности положения дел, гимринцы отправили весь свой скот в Унцукуль, во избежание захвата его русскими. Унцукульцы отказались им теперь возвратить этот скот, ссылаясь на то, что насильями Шамиля и Гамзата был забран у них разновременно имущественный залог гораздо большей ценности.

Отказ этот сильно возмутил гимринцев. Они в свою очередь возражали унцукульцам, что они во-первых не ответчики за деяния имамов, во-вторых, что задержанный скот значительно больше стоит, чем изъятый у них залог. По этому случаю Шамиль произнес проповедь своим одно-

аульцам и утешал их тем, что они получают с избытком то, что унцукульцы силой захватили у них. Но гимринцы единодушно поклялись отобрать свое добро назад, и унцукульцы, убедившись, что они рано или поздно должны будут возвратить забранный скот, вернули его.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Генерал Клюки в Гимрах. Прибытие его и приглашение в лагерь депутации от аула. Пьянство депутатов. Требование Шамиля наказать пьянствовавших. Отказ и бегство муллы.

Генерал Клюки три раза являлся в Гимри с провиантом на 60 ишаках. В один из таких приездов он потребовал к себе муллу и почетных жителей. Согласившись на предложение генерала жить с русскими мирно и дружно и приняв от него разные подарки, гимринцы вернулись обратно. Шамилю передали, что не только враги шарията, но и считающие себя мюридами пьянствовали в русском лагере и что мулла был равнодушным зрителем этого грехотворения.

Тогда он немедленно же отправился в мечеть и потребовал от муллы объяснения его бездействия. Мулла стал оправдываться и доказывать, что правоверным разрешается пить чабу, и в подтверждение этого прочел из книги мнение имама Ханапи, оставленное имамом Шапи без всякого возражения. Шамиль, в свою очередь, доказал наглядно из другой книги, что употребление чабы наказуется ударами, и поэтому потребовал немедленного наказания пьянствовавших в русском лагере.

Аульный судья сознался, наконец, в своем заблуждении и обещал исполнить требование Шамиля, но на другой же день бежал из Гимри в свой аул.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Свидание Шамиля с сыном Мехти Шамхала Абу-Муслимом. Приезд Абу-Муслима и приглашение им Шамиля к себе. Вынужденное согласие имама. Предложение Шамхала. Неприемлемые условия Шамиля.

Мехти Шамхал просил Шамиля приехать к нему. С этой просьбой он послал к нему своего сына Абу-Муслима. Абу-Муслим остановился с конной свитой за аулом и попросил к себе имама. Шамиль отказался явиться. Гимринцы же хотели, чтобы он виделся с Абу-Муслимом. Один из мюридов передал Шамилю, что отказ его приписывается чувству трусости. Это задело Шамиля за живое. Без оружия, с нагольной шубой внакидку, он вышел ночью из дома. Поравнявшись с кладбищем, он быстро сбросил с себя шубу и направился к месту стоянки шамхальцев. Некоторые гимринцы, тайно следившие за всеми его движениями, хотели было последовать за ним, но Шамиль предупредил их, что он вернется назад, если они пойдут за ним. Гимринцы вернулись в аул, а Шамиль один пошел к сыну Шамхала.

При появлении имама Абу-Муслим встал и посадил его возле себя.

— "Зачем вы меня звали?" — обратился к нему Шамиль.

— "Отец мой желает, — ответил ему Абу-Муслим, — чтобы ты приехал к нему и наставил бы его на путь истинный. Он намерен со всеми подданными безусловно подчиниться требованиям шариата".

— "Хорошо, я согласен, — сказал Шамиль, — пусть только Шамхал даст мне гарантию искренности этих намерений. Я прошу его послать одну из своих жен Кебет Мухаммеду, пока я буду занят приведением в исполнение его желания".

— "Это невозможно", — ответил хан.

— ”В таком случае и желание твоего отца я не выполняю”, — отвечал ему Шамиль.

Он медленно и спокойно вышел от хана и возвратился домой. За аулом его ждали гимринцы. Они крайне удивились, увидев его без оружия.

— ”Оружия я не взял из досады на вас, — сказал им Шамиль, — но если бы шамхальцы позволили в отношении меня какие-нибудь неприязненные действия, я выхватил бы у первого попавшегося из них кинжал и умер бы с ними в газавате”.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Причины бегства Шамиля в Мишельту и его богоугодная деятельность здесь. Просьба генерала Клюки. Готовность гимринцев к услугам русских. Безуспешный протест. Вызов ашильтинцев. Последнее прощание родному очагу. Мать и сын. Переселение. Борьба с адатными пороками и привычками. Сопrotивление порочных безбожников. Угрозы и их действие. Покорность ашильтинцев шарияту.

Генерал Клюки просил гимринцев о высылке ему виноградных лоз и фруктовых деревьев. Гимринцы собрались в доме дяди Шамиля, Гурта-Хана, для совещания по этому предмету. Шамиль узнал об этой сходке и поспешил туда. Ему объяснили в чем дело и объявили о состоявшемся уже решении удовлетворить просьбу русского начальника.

— ”Позвольте вам предложить два вопроса”, — обратился к собранию Шамиль.

Собрание ответило знаком согласия.

— ”Если собрание решит послать генералу просимое или требуемое им, то найдется ли в ауле хоть один человек, которому было бы по душе это решение?”

– “Нет” – ответило собрание.

– “Если же, наоборот, вы откажетесь удовлетворить требование русского генерала, то найдется ли между вами хоть один смельчак, который, вопреки вашему решению, доставит в Шуру лозы и деревья?”

Опять последовал отрицательный ответ.

– “В таком случае, – заключил имам, – я считаю удовлетворение требования генерала Кюки величайшим грехом. Мы не откажем гяуру прямо, но скажем: в этом году у нас нет ни деревьев, ни лоз. Вы, русские, вырубili недавно наши сады, унцукульцы же dokonчили вашу работу. В будущем году, если Бог даст, мы пришлем их. А что будет в будущем, – dokonчил Шамиль, – то ведает один Аллах!”

Гимринцы не одобрили предложения Шамиля. Имам вернулся домой недовольный собранием.

– “Гимринцы ропщут на тебя, – сказал по дороге ему его родственник Ибрагим. – Они говорят, что ты один хочешь победить русских, до сих пор не побежденных никем”.

С этого времени Шамиль возненавидел людей, служивших гяурам слепым орудием для ослабления и унижения святой веры. Но дивен Бог в своей правосудии! Враги и друзья ислама получили каждый заслуженное: приверженцев русских постигло горе и несчастье – большинство их погибло, меньшинство бедствовало. Их сады, их пашни опустели, их сакли превратились в пепелища. Напротив, Шамиля и его сподвижников счастье никогда не покидало. От Всевышнего они получили долговечную жизнь. Они никогда и ни в чем не нуждались. Их желание всегда осуществлялось. Три раза горел Гимри до тла, и ни разу сакли Шамиля не коснулся огонь. Сгорал также неоднократно и аул Ашильта, но сакля, в которой жил поборник ислама, осталась цела среди всеобщего пепелища. В пепел обратился и замок Ахульги, но каким-то божественным чудом уцелело подземное жилище имама.

Видя себя среди людей, не сочувствовавших его святым стремлениям, Шамиль послал за ашильтинцами, чтобы переселиться к ним из Гимри. Ночью за ним явилось 18 мюридов.

О своем намерении покинуть родной аул имам не сообщил никому, кроме жены, и до рассвета беглецы успели выйти из аула. Двух малолетних сыновей Шамиля — Кази-Мухаммеда и Джемалдина — ашильтинцы несли по очереди на своих плечах. Покидая родную саклю, Шамиль обратился к ней:

— "Прости, родимый приют, что оставляю тебя! У тебя я здесь не могу жить, согласно святому закону. Прости и пойми меня, что по этой же причине покинул и пророк свой родной очаг в Мекке. Предчувствую, что тебя ожидают великие оскорбления и обиды. Неверные, вероятно, не раз оскорбят и осквернят тебя своими извержениями".

В это время вдруг откуда-то появилась его мать. Она бросилась к нему на шею и, припав к его груди, жалобно взмолилась.

— "Куда же ты бежишь, мой ненаглядный, покинув на произвол судьбы свою родную мать?"

— "Иду, родимая, в твой родной аул. Поедем со мной, если ты хочешь поделиться со мной всеми бедами и невзгодами, сопряженными со святыми обязанностями мусульманства".

В Ашильте Шамиль встретил гораздо меньше препятствий в деле водворения шарията, чем в родном ауле.

Впрочем и здесь ему первое время приходилось прибегать к силе. Однажды ночью к нему явился десятилетний мальчик и сообщил, что у одной вдовы собралась помощь из мужчин и женщин для молочения кукурузы. С палкой в руке пошел Шамиль за мальчиком к месту этого сборища. Он подошел к дверям сакли вдовы. Они оказались запертыми. Он стал прислушиваться к веселому говору помощи и улышал голос весельчака, родственника своего, Юнуса.

Последнему имам строго и громко приказал отпереть дверь. Юнус в испуге поспешил исполнить это приказание. Участников мужчин имам поколотил полкой, а женщин осыпал упреками, и все собравшиеся мигом разбежались. Шамиль распек и хозяйку за отступление от правил шариата. Этим он, однако, не довольствовался. На другой день он потребовал от муллы примерного наказания для нарушителей шариата.

Против исполнения муллой этого требования выступили двое ашильтинцев. Они обвинили Шамиля в самоуправстве и своеволии и в свою очередь требовали удовлетворения им несправедливо обиженных. Большинство жителей поддержало протестантов. Шамиля известили о встретившемся препятствии и сопротивлении. В полном вооружении, с книгой в руках, вышел он на площадь к шумевшей толпе и обратился к ней:

—”Сегодня мы узнаем врагов и друзей шариата, ашильтинцы! Я требую от вас наказания вчерашних нарушителей божьего закона и этих двух болтунов горлодеров, сочувствующих их безобразиям, иначе я собственной властью накажу тех и других. Если же я встречу сопротивление с вашей стороны, то я немедленно призову для усмирения вас жителей всех окрестных аулов. Вы, вероятно, думаете, что шариату неоткуда ждать помощи и поддержки? Заблуждаетесь! Святая вера всегда и везде найдет достойных себя защитников!”

Угрозы помогли: некоторых бунтарей и смутников сперва заставили таскать на себе земляные мешки, а затем подвергли телесному наказанию. И с этих пор шариат упрочился в Ашильте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Набеги унцукульцев на Ашильту. Домогательства унцукульцев. Смелый ответ и отважный отпор Шамиля. Аульский мулла и имам. Шамиль — Султан, а Ашильта — Стамбул Дагестана.

Унцукульцы три раза совершали набеги на Ашильту и каждый раз они терпели позорные неудачи. Раз даже все койсубулинское общество скопом пошло на этот аул с требованием немедленного изгнания оттуда Шамиля. Ашильтинцы отвечали, что они скорее готовы погибнуть до единого человека, чем исполнить такое постыдное требование. Шамиль также послал сказать им, что он ради них не только не уйдет из Ашильты, но и не шевельнет пальцами своей ноги. Затем он в кольчуге и во всеоружии вышел из аула с десятью ашильтинцами и направился к неприятелю. Поднявшись на холм, с которого была видна партия противников, он крикнул: что им нужно?

Тогда враги ислама послали к нему одного из его хороших знакомых с просьбой, чтобы он временно оставил Ашильту и вернулся после их ухода.

— "Мы волей-неволей должны исполнить данное нам Ахмед-ханом приказание изгнать тебя оттуда и поэтому надеемся, что ты не заставишь нас прибегнуть к силе и не откажешь нам в этой просьбе", — передали они ему через своего посланца.

Шамиль резко отклонил это предложение и повторил сказанное им раньше:

— "Кто осмелится и отважится — пусть явится сюда и силой выгонит меня из этого аула. Тебе же, дружок, советую больше не являться с такой просьбой, если тебе только жаль свою бедную головушку!" — ответил он посреднику.

После передачи этого совета по назначению Шамиль во главе своих сподвижников-мюридов быстро спустился с холма и стремительно направился на врагов.

Неприятельское скопище не выдержало этого натиска и обратилось в бегство. Мюриды долго преследовали бегущих и многих захватили в плен.

Другой раз унцукульцы нагрянули на ашильтинцев, разрушили их хутора и стали вырубать их сады. Это сильно ожесточило потерпевших против их соседей, но между ними находились и такие, на которых это насилие действовало иначе: они, хотя робко и нерешительно, стали говорить о необходимости удалиться Шамилю из Ашильты во избежание всех этих неприятностей. Между ними был и аульный мулла. Однажды Шамилю передали, что последний агитирует в пользу его удаления. Шамиль потребовал его к себе и спросил:

— "Правда ли это?"

— "Да!" — ответил смельчак.

— "Почему же это?"

— "Потому что ты являешься прямым и единственным виновником всех постигших нас бедствий и несчастий! В последнее время с одной стороны нас беспокоят гумбетовцы, с другой — нас разоряют койсубулинцы, с третьей на нас косятся хунзахцы, и все это из-за тебя, из-за одного человека. Мы до сих пор терпели твои капризы и причуды, но теперь стало невмоготу!"

— "Значит, если Стамбул окружат русские и потребуют удаления оттуда Хункара, правоверные должны удалить последнего в угоду врагам Аллаха?"

— "Нет, я так не думаю: тот Хункар, этот же пришелец из Гимри!"

— "Знай же ты, глупый болтун, что Ашильты — это Стамбул Дагестана, а я Хункар его! И если ты позволишь себе распространять такую богопротивную ересь среди моих верующих, то я отсеку тебе голову во спасение и славу ислама!"

Мулла вышел от Шамиля весь бледный, дрожа от страха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Набег унцукульцев на Гимри. Мирные переговоры. Драка, перешедшая в кровавую схватку. Поражение унцукульцев. Упреки унцукульцев своим односельцам.

Потерпев в Ашильте неудачу, унцукульцы бросились на Гимри. Остановившись на окраине аула в садах, они потребовали жителей к себе для переговоров. Гимринцы, устрашенные численным превосходством нападающих и желая отделаться мирно, без кровопролития, явились к ним. Во время переговоров мулла в ауле прокричал полуденную молитву. Часть унцукульцев стала молиться во главе с одним из своих муталимов, часть же продолжала беседовать с гимринцами. Несколько человек ходили даже в аул к своим кунакам. Беседа, наконец, перешла в спор и в драку. Произошел переполох. Один гимринец был убит. Другой, родственник Шамиля, Барты хан — взят в плен. Один из унцукульцев громко предупредил своих односельцев, отлучившихся в Гимри, о том, что произошло и советовал им спастись бегством. Муталим прервал богослужение и пустился бежать по направлению к мосту. За ним последовали другие. Гимринцы погнались за ними. Один из них прибег к хитрости: он громко крикнул своим:

— "Наседайте, бейте, друзьям русских некуда спастись. Мост уже занят Шамилем и мюридами!"

Унцукульцы рассеялись во все стороны, разбрасывая свои кожаные мешочки с провизией. Их горячо преследовали, многих убили, многих забрали в плен. Только немногим удалось спастись от смерти и позора. Но эти немногие явились в аул мелкими кучками, горя от стыда за постигшее их несчастье.

За аулом одна унцукулька, шедшая на полевые работы, встретила одну из этих кучек и спросила:

— "Ну как — посчастливилась ли дорога?"

Те прошли молча. Она спросила вторую — те тоже не удостоили ее ответом. Третья ответила ей на такой же вопрос гробовым молчанием. Тогда она не выдержала и крикнула:

— ”Эх вы, богатыри, вояки на боях с врагами! Вам только воевать в постелях со своими женами! Для чего вы носите усы и папахи, раз вы не умеете носить их как ваши отцы и деды?”

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Подчинение шариату общин Чиркат, Инхо, Ората, Харахи и Унцукуль. Муллой аула Ашильты признается божественность миссии Шамиля. Посольство Игалинского Саида в Чечню. Прибытие из Чечни Тауша-Гаджи с 40 мюридами. Взятие аула Чиркаты и Инхо. Сопrotивление аула Ороты. Упорство безбожника Дибера Хаджиова. Взятие аула Харахи и Унцукуль.

Наконец, в Ашильте мулла перешел на сторону Шамиля. Однажды, во время отлучки последнего в Гимры, он сказал ашильтинцам:

— ”Относительно Шамиля я до сих пор заблуждался. Теперь я верю в его святое назначение. Не приписывайте эту происшедшую во мне перемену чувству страха или каким-либо другим низменным побуждениям. Я говорю вам это от души, по глубокому искреннему убеждению. Этот человек создан для священной войны и для возвеличивания и прославления ислама. Я каюсь перед Богом за свои прежние заблуждения и прошу у вас прощенья за распространение их среди вас. Я вам больше не мулла, ибо не достоин им быть. Ищите для себя священнослужителя более меня прозорливого и мудрого. Я же отправлюсь в свой аул”.

Ашильтинцы единогласно просили его остаться, но он был непреклонен в своем решении. После этого случая все ашильтинцы признали над собой власть Шамиля.

Из Ашильты Шамиль послал в Чечню Саида Игалинского для вербования добровольцев в свою вольницу для окончательного покорения шариату соседних аулов. Но Саид умер во время исполнения этого поручения. Говорили, что он был отравлен врагами ислама. Тем не менее, из Чечни прибыл к Шамилю Тауш с 40 мюридами-чеченцами.

Тогда Шамиль, во главе соединенных сил чеченцев и ашильтинцев, неожиданно явился в аул Чиркаты и привел его обывателей в полное повиновение. Из Чиркаты Шамиль направился в аул Инхо и без особых хлопот подчинил его себе. Усиленные приверженцами этих двух аулов, мюриды двинулись к аулу Ората, жители которого решили оказывать наступавшим самое упорное сопротивление. Для подавления этого сопротивления имам отрядил часть своей партии под командой Али Качил Гусейна. Противник, воодушевляемый своим вождем Дибир Хаджиовым, дрался с ожесточением, но был вынужден отступить в аул, потеряв 12 человек убитыми и многих ранеными. Ожидая встретить в ауле еще более ожесточенный отпор, Шамиль, во главе 120 отборных сподвижников, двинулся туда, но на пути движения встретился со своим приятелем Нур-Мухаммедом, высланным навстречу ему жителями с изъявлениями покорности. Задержав в качестве заложника посланного и приняв все меры предосторожности, Шамиль вошел в аул. Оратинцы, действительно, встретили его дружелюбно и признали над собой его власть.

Только Дибир Хаджиов с немногими отверженцами ислама заперся в башне и защищал свое безбожие и заблуждение. На помощь безбожнику неожиданно появились было хунзахцы, но мюриды дружной атакой рассеяли их.

Подчинив себе таким образом аул Ората, Шамиль направился на селение Харах. Здесь, кроме харахинцев, его

встретили соединенные силы хунзахцев, андаляльцев и ун-кратлинцев. Послав Тауша с чеченцами на андаляльцев, Шамиль со своими мюридами атаковал остальных. Скопище малодушных безбожников сочло благоразумным вовремя улетучиться и аул Харахи сдался имаму без кровопролития.

Счастливый поход был закончен приведением в повиновение аула Унцукуль. Появившись неожиданно со стороны Харачи, мюриды заняли унцукульские сады и пригрозили унцукульцам вырубкой их, если они добровольно не покорятся им. Унцукульцы покорились и муллой в Унцукуль и набом Койсубулинского общества был назначен Сурхай из селения Кало.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Борьба мюридов с хунзахцами и андаляльцами. Муллы Буцра и Караха — противники шариата. Взятие аула Сугратль. Письмо генерала Клюки имаму и ответ последнего на него. Покорение Хунзаха. Месть за убийство имама Гамзата. Пощечина имама ученому арабисту.

Покорив койсубулинцев, Шамиль задался целью привести в повиновение шариату хунзахцев и андаляльцев. Он направился на селение Буцру, но жители его решились на отчаянное сопротивление. Не считая целесообразным ослаблять свои силы борьбой с этими безумцами, Шамиль через селение Оркачи и Гоцатль спустился к Карадахскому мосту, захватив рогатый скот карадахцев, послал к ним с предложением ввести у себя шариат, угрожая в противном случае уничтожить захваченное добро. Карадахцы отклонили это предложение. Тогда Шамиль предложил им прислать за сиротским скотом. Те отказались исполнить и это требование. Раздосадованные таким упорством, мюриды на виду у хозяев вырезали весь их скот.

Из Карадаха мюриды пошли на Сугратль. Андаляльцы, хунзахцы и шамхальцы встретили их перед этим аулом. Тут же недалеко от них стоял и генерал Ключки с войсками. Мюриды дружно пошли на андаляльцев и рассеяли их. В это время к имаму прискакал посланный с письмом от русского генерала. В письме генерал упрекал Шамиля за нарушение мирной жизни, спрашивая:

— "Чего ты хочешь, чего ты добиваешься?"

Шамиль ответил:

— "Ничего больше не желаю и ни о чем больше не помышляю, генерал, кроме как о том, чтобы ввести шариат среди своих мусульманских братьев. Тех, которые его добровольно принимают, я оставлю в покое. Тех же, которые отказываются от него, я силой заставляю принимать его. Надеюсь, генерал, что ты сочувствуешь моему домогательству и вполне одобряешь мои смиренные благонамерения, но если я ошибаюсь в своих надеждах на тебя, то вынужден буду ссориться и сражаться с тобой".

Письмо это, говорят, привело генерала в исступление: он разорвал его в клочки и, бросив на землю, истоптал ногами.

Но имам не обратил внимания на гнев генерала. Рассчитавшись с андаляльцами, он обратился к хунзахцам и нанес им тяжелое поражение. Мюриды не щадили своих закоренелых врагов и убивали без всякого милосердия. Они утоляли свою жажду мести за смерть Гамзата. Около ста человек легло их на месте битвы. Один Гази-яву с товарищами убил их более 30 человек. Восемь почетных ахалчинцев были тут же казнены.

Муллу их Омар Дибар был взят в плен. Шамиль дал ему сильную пощечину, сопровождая удар вопросом:

— "Неужели ты не знаешь, что каждый мусульманин должен строго придерживаться шариата?"

После такой неудачи Ключки вынужден был оставить Сугратль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Утверждение русских в Хунзахе. Приглашение русских в Хунзах. Неудачное движение мюридов на Гидатль. Предложение Шамилю мира Мухаммед Мирза-ханом Казикумухским.

Хунзах с чувством страха и трепета смотрел на усиление мюридов. Опасаясь подпасть под власть имама, жители пригласили русских к себе в Хунзах и предложили им построить здесь укрепление. Убедившись, что гяуры, действительно, намерены устроиться в Хунзахе, Шамиль оставил свою семью в Ашильте и выступил в поход. Он рассчитывал, усилив сперва свою вольницу, присоединить к ней унцукульцев и, заняв узкое место на пути наступления противника, дать ему отпор.

Желанию его не суждено было осуществиться. Жители селения Аса отказались подчиниться шариату и присоединиться к нему, а потому ему пришлось взять этот аул силой. Затем, в селении Зоно мюриды замешкались около 20 дней, добывая себе продукты и продовольствие, а за это время русские беспрепятственно прошли в Хунзах и укрепились у него.

Узнав об этом, Шамиль направился на Годатль. Перед аулом Цена гидатлинцы встретили мюридов враждебно. Они заняли мост и не позволяли пришельцам переправляться через Койсу. Мюриды вынуждены были вернуться назад и укрепиться в ущелье перед аулом Телитлем. В то же время Мухаммед Мирза, хан Казикумухский, во главе противников шариата, занял аул Чирах, недалеко от стоянки мюридов. Хан прислал Шамилю предложение мира, но потом, услышав о появлении русских, отказался от этого предложения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Оборона аула Сугратль от нападения русских. Роспуск мюридов по домам. Кадр мюридов во главе с Шамилем защищает аул Телитль. Неудачный штурм русских. Запрос Тавды Хаджи и ответ на него Шамиля. Последний штурм. Падение аула. Выдача Шамилем аманатов и возвращение его к семье.

Шамиль с преданными ему сподвижниками вошел в Телитль и укрепился здесь, большая же часть его мюридов, будучи не в состоянии вынести труды и невзгоды продолжительной боевой жизни, разошлись по домам. Русские окружили со всех сторон аул и держали его в строгой осаде. Им с особенным усердием помогали куяндинские и андаляльские вероотступники. В состав русского отряда входили и Мухаммед Мирза хан Казикумухский, и Ахмет хан Мехтумышский со своими конными милициями. Русские начали осадную операцию нападением со стороны аула Гоцатль, кончившимся полной неудачей. Нападавшие были перебиты и только немногие из них спаслись бегством. Эта неудача привела противника в сильное ожесточение. Сильным огнем из орудий он разрушил оборонительную башню, занятую мюридами, а потом произвел атаку за атакой. Защитники стали падать духом. Если бы не страх, внушаемый имамом, они давно разбежались бы.

Тавуш Гаджи прислал Андийского Газиява с запросом: когда он думает покинуть аул и можно ли желающих распустить по домам.

— "Я не покину аул и никому не позволю покинуть его, — ответил имам. — Того же, кто решится уйти самовольно, я убью собственной рукой, как изменника".

Затем Шамиль посетил всех защитников, ободряя их и вызывая к терпению, мужеству и самоотвержению.

Русские делали отчаянное усилие, чтобы завладеть

аулом. Усилия эти отчасти увенчались успехом: половина аула уже находилась в руках неверных. За другую половину крепко держались мюриды, но и ее они были вынуждены уступить, согласившись на предложенные условия мира. В качестве заложника Шамиль выдал им своего племянника, Мирзу из Тлетля и сына Абдурахмана из Караха.

Мюриды разошлись по домам, а Шамиль вернулся к своей семье, находившейся в это время в Чиркате вследствие занятия Ашильты русскими войсками¹.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Взятие русским аула Ашильты.

При приближении русских к Ашильте жители этого аула удалились в Ахульго. Но когда русские выказали намерение взять и последнее, то ашильтинцы бежали в аул Чиркати. Ашильта и Ахульго были сожжены. Там и здесь уцелели только сакли, в которых жила семья Шамиля.

Враги Аллаха недолго хозяйничали здесь. Хириясул Алибек из Хунчак во главе уркатлинцев постоянно беспокоил и тревожил их. Скоро они вынуждены были убраться отсюда. Шамиль в Тлетле получил сведения об этих событиях, но он, занятый обороной этого аула, ничем не мог помочь ашильтинцам.

¹ Описание этих событий совершенно согласуется с русскими источниками. Действительно, ночью 6-го июля 1837 года в русский лагерь явился посланник от Шамиля с предложением вступить в переговоры. Начальник отряда, генерал Фрезе, охотно согласился на это предложение, не желая жертвовать напрасно людьми. Шамиль взамен свободного выхода из осажденного аула обещал клятвой на Коране не тревожить более русских и выдал аманатов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Первое время пребывания Шамиля в Чиркате и свидание его с генералом Клюки. Своевременно открытый заговор. Наказание заговорщиков. Посланец генерала Клюки — Михаил и его миссия. Встреча имама с Клюки на Гимринском спуске. Предложение генерала и игнорирование его имамом. Магома и смущение Клюки. Инцидент.

К Шамилю со всех сторон стали собираться мюриды. Это обстоятельство возбудило сильное неудовольствие и беспокойство у чиркатонских вероотступников. Они, в числе 23 человек, стоворились между собой снять мост и воспрепятствовать притоку мюридов к имаму, объясняя свое решение желанием обеспечить аул от вторжения русских. Узнав об этом, Шамиль отправился в мечеть и, остановившись у порога ее, вызвал к себе аульного муллу. Последний вышел, дрожа и трепеща от страха. Имам объяснил ему в чем дело и потребовал безотлагательного ареста и наказания палками заговорщиков.

— "Если ты не сделаешь этого, я сам расправлюсь с ними беспощадно, с их родителями, женами и детьми!"

Мулла просил его успокоиться и зайти в мечеть, чтобы сообщить ему имена врагов шариата, заслуживших наказание. Шамиль тут же во всеуслышание назвал имена злоумышленников и настоял на исполнении своего требования. Только после этого вошел он в мечеть и произнес собравшимся на молитву людям горячую проповедь об общих обязанностях мусульманина строго исполнять все требования шариата. В заключение своего обращения он поклялся собственноручно убить того, кто хоть пальцем коснется до моста с преступным намерением.

В Чиркаты к Шамилю прибыл посланный от генерала Клюки, некий Михаил, с предложением приехать на Гимринский спуск для совещания по одному делу очень серьез-

ного значения. Некогда взятый русскими в плен, Микаил сделался горячим поклонником и усердным слугой своих пленителей. Обе стороны должны были съехаться на месте совещания со свитой в 15 человек. В качестве посредников здесь присутствовали и гимринцы. Имам согласился на предложение генерала.

Со своими верными сподвижниками он поехал на Гимринский спуск. Ключи приехал с таким же числом свиты. Противники обменялись рукопожатиями. Русский генерал просил Шамиля о прекращении неприязненных отношений и о мирном дружном сожительстве. Затем предложил принять к себе на службу Микаила, как человека усердного и способного. Первую часть предложения генерала Шамиль обошел молчанием, вторую же решительно отклонил. К концу совещания прибыл Ахвердил Мухаммед¹ со своими товарищами. Русский генерал несколько смутился:

— "А вы, конечно, помните наш уговор и что я ваш гость?" — обратился он к родственнику Шамиля Бартихану.

Последний уклонился встревоженного генерала. Поговорив без всякого толку с Ключи, Шамиль пустился в обратный путь. Генерал на прощанье подал ему руку, но Ахвердил Мухаммед грубо оттолкнул ее своей:

— "Имаму Дагестана не подобает принять руку гяура!"

Ключи взбесился и резко протестовал. Шамиль тоже пришел в негодование:

— "Убейте, ради Аллаха, поскорее эту свинью!" — обратился он к окружающим².

¹ Ахвердил Мухаммед, сын племянника прозелита-мусульманина, из армян Ахвердовых, друг Шамиля и впоследствии один из его талантливых наибов.

² Описываемое свидание действительно произошло по предложению генерала Ключи-фон-Клюгенау. Генерал уговаривал Шамиля отправиться во Владикавказ для принесения верноподданнической покорности царю Николаю I, возвращавшемуся из Грузии. Однако, передаваемые здесь подробности с другими источниками не вполне сходны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Приведение Ахульго в оборонительное положение. Совет ученых и почетных лиц. Шамиль на стороне меньшинства совета. Решение укрепить Ахульго. Наступление русских, прерванное метелью. Заносчивость вероотступников. Казнь главаря их — Игалинского муллы.

Прочно утвердившись в Хунзахе, русские заняли и укрепили аулы Ахалчи, Моксок, Гоцатль, Зерины, Гергебиль, Балахуны и Гимри. Враги шариата радовались, друзья повесили головы. Шамиль же страдал.

Наконец, он собрал большой совет из всех ученых и почетных людей для обсуждения создавшегося положения. Большинство подало голос за огульное переселение в Чечню для ведения оттуда дружного наступления на врагов Аллаха. Шамиль же с меньшинством не согласился с этим мнением и находил более целесообразным, прочно укрепившись в родном крае, предаться газавату с неверными. Совет вынужден был согласиться с этим мнением поборника ислама.

Пунктом для кровавого отпора гяурам был избран Ахульго. Его стали укреплять завалами и баррикадами, окопами, оборонительными валами и канавами. В земле устроили лагерь и подземные жилища для защитников и их семей, соединив их крытыми ходами между собой и с главными оборонительными пунктами укрепления.

Когда все это было сделано, мюриды со своими семьями переселились сюда и заняли назначенные им места и помещения. Узнав об укреплении Ахульго и о намерении правоверных защищаться в нем до последней возможности, русские двинулись против них.

Однако, застигнув на пути своего движения снежную метель и сильные морозы, они вынуждены были вернуться назад и на время отказаться от нападения.

С ухудшением положения сторонников шариата дерзость и наглость его врагов дошла до крайнего предела. До имама постоянно доходили слухи о вопиющих нарушениях многими аульными общинами основных догматов ислама. Особенно много говорили о преступном поведении Игалинского муллы и его присных. Опасную заразу нужно было в корне уничтожить. В глубокую полночь Шамиль с 40 своими сподвижниками подошел к аулу Игали. Часть мюридов он направил в аул с севера, часть с юга, сам же направился прямо в мечеть. Мулла с товарищами по распутству был захвачен врасплох, арестован и расстрелян.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Бой с русскими в ауле Ингали. Наступление русских на аул Карати. Движение Шамиля навстречу им. Усиление мюридов партией ункратлинцев Баксанил Мухаммеда. Энтузиазм и преждевременное вступление в бой ункратлинцев. Их паническое бегство. Русские узнают Шамиля и сосредотачивают на нем огонь. Дружный натиск мюридов и бегство русских.

Шамиль получил сведения, что русские из Хунзаха движутся в аул Ингали; он тоже выступил против них. При речке Зора к мюридам присоединились ункратлинцы, предводимые Баксанил Мухаммедом. Ункратлинцы рвались в бой с русскими. Шамиль сдерживал их порыв, ссылаясь на несвоевременность нападения. Но они не послушались и ринулись на врага, так как были сильно возбуждены к газавату проповедью одного из своих ученых. Шамиль спросил этого ученого: какой проповедью он так сильно возбудил своих слушателей. Ученый отрицал свое воздействие на них. Шамилю волей-неволей пришлось принимать участие в бою, дабы поддержать своих союзников и собратьев.

Спустя немного времени ункратлинцы позорно бежали, оставив Шамиля с мюридами без всякой поддержки. Русские, пользуясь своей подавляющей численностью, вошли в аул Ингали. Шамиль предложил ункратлинцам соединиться с ним и совместными силами выбить гяуров из аула. Но те наотрез отказались: пыл газавата у них надолго остыл. Совершив полуденную молитву, Шамиль с мюридами атаковал Ингали. По шашке, висящей на правом боку, русские еще издали узнали Шамиля¹. Град пуль посыпался на него. Но он каким-то чудом остался цел и невредим. Второй залп был сделан по нему, когда он успел уже скрыться за толстым стволом орешника. Пользуясь безопасным моментом заряжения ружей гяурами, мюриды быстро пробежали в аул и укрылись в нем. Русские сейчас же стали отступать, терпя тяжелые потери от мюридов, преследовавших их до самого их лагеря.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Взятие русскими аула Аракани. Наступление русских на Ахульго. Призыв Шамиля к газавату. Укрепление и оборона аула Аракани. Первый штурм русских. Сбывшийся сон генерала "Понтулани". Непослушание мюридов и повторение битвы. Ожесточенное наступление русских и паническое бегство мюридов.

На втором году по укреплении Ахульго Шамиль узнал, что русские собираются идти на него через Салатавский горный хребет. Поэтому он отправился в аул Аракани и отсюда разослал по всем аульным общинам призыв к газавату с неверными. С явившимися на этот зов мюридами он двинулся навстречу русским, но, потерпев под Бар-

¹ Шамиль был левша и потому шашку носил с правой стороны.

тунаем поражение, вынужден был вернуться в Аракани. Он прочно укрепил этот аул завалами и разрушил все ведущие к нему дороги. Русские преследовали его все время по пятам и энергично начали штурмовать аул. Мюриды с утра и почти до заката солнца отчаянно отбивали вражеские приступы и причинили им страшные уроны. Штурм повторился и на другой день. Кончился он, однако, так же неудачно, как и накануне.

Русские, говорят, предвидели свои неудачи и потери. Об этом свидетельствует Исмаил, сын черкесского старшины Джамала, служивший у русских и считавшийся другом начальника отряда генерала Пантулани¹. Утром первого дня боя генерал рассказал своему другу виденный им ночью сон.

— "Мне снилось, — говорил он, — будто бы весь наш отряд уничтожен, и что грудь моя пронизана градом пуль насквозь".

— "Вечером того же дня, — рассказывал Исмаил, — я встретил генерала, несомого на носилках солдатами. Почти половина его отряда была уничтожена в тщетных попытках овладеть аулом"².

Убедившись в тщетности своих надежд взять аул открытой силой, враги Аллаха, по указанию одного мехельтинца, по имени Гулли, отошли к околице аула и заняли командующую над всей окрестностью возвышенность. Шамиль, понимая всю важность боевого значения занятой неприятелем позиции, предложил мюридам немедленно сбить оттуда русских. Но мюриды его не послушали. Тогда имам с упреком обратился к ним:

¹ Пантелеева.

² Потеря русских в этом бою, по официальным сведениям, состояла из 30 офицеров и 611 нижних чинов. Отрядом же командовал не генерал "Понтулани" (или Пантелеев), а граф Граббе, не получивший в этом деле ни раны, ни контузии.

— ”Оходская битва кончилась¹ для правоверных печально вследствие того, что они не послушались мудрого совета и приказа пророка. Теперь вы не хотите исполнить мое требование. Посмотрим, чем кончится и во что обойдется ваше преступное слушание!”

С новой позиции начались новые штурмы. Три раза русские бросались и наседали на аул, но каждый раз терпели тяжелое поражение. Наступила тишь. Шамиль стал было успокаиваться. Он даже вознесся благодарной молитвой к Аллаху на ниспосланное им благословение на свое святое дело. Но то оказалась тишь перед бурей: русские сильным орудийным огнем сперва разрушили аул, а потом со всеми наличными силами бросились на штурм. Защитники встретили атакующих сильным ружейным огнем, но это не остановило натиска: через трупы передовых рядов смело шагали и напирали сзади идущие. Мюриды дрогнули, ими овладела паника. Одни из них легли от пуль и штыков, другие бросились в кручи. Тут в числе праведных пало много ученых и отважных мужей, но Шамиль не получил ни ушиба, ни царапины, хотя вся его одежда была изрешечена пулями и снарядами осколками.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Блокада Ахульго. Совет мюридов и разногласие их. Грозная реплика имама по адресу малодушных. Занятие мюридами Ахульго. Шулатлулгох и его защитники. Прибытие русских. Их осадные работы и хитроумные выдумки. Геройская защита Шулатлулгоха. Ожесточенные штурмы рус-

¹ Оходская битва происходила у холма Оходы, в 6 милях от города Медины, между правоверными приверженцами пророка и арабскими язычниками. Она была проиграна мусульманами вследствие неисполнения приказа Мухаммеда не сходить с позиции на холме Оходе.

ских. Адский огонь орудий. Гибель героев Шулатлугоха. Отчаянное положение защитников Ахульго. Несбывшиеся надежды и упования Шамиля.

После падения аула Аракани, Шамиль сошелся с многими оставшимися в живых своими мюридами на Судунском поле, между Агачали и Чиркате для обсуждения создавшегося положения. Так как на пути отступления не было ни одной подходящей оборонительной позиции, то было решено занять и защищать Ахульго до последней возможности. Среди испытанных бойцов газавата находилось и несколько малодушных, считавших это решение бесполезным для святого дела и погибельным для себя: араканские неудачи убили у них мужество, энергию и божью веру. Им хотелось вернуться к домашнему очагу, к спокойной мирной жизни.

Шамиль не хотел и слышать об этом. Он заговорил с ними властно повелительным тоном:

— "Вы, вероятно, хотите предать нас врагам Аллаха, передать им и все наши планы и секреты относительно изгнания их из нашей родины, помогая им в борьбе с нами. Этого вы не дождетесь. Мы клялись умереть в борьбе с безбожниками, каковы бы они ни были: тайные или открытые и исполним свою клятву, не отступая ни перед какими обстоятельствами и соображениями".

После этой речи охотников уклоняться от защиты Ахульго не оказалось и мюриды в числе 500 человек со своими семьями и убогими пожитками окопались и заперлись здесь для борьбы с неверными не на живот, а на смерть.

Русские явились с двух сторон: со стороны Хунзаха и Чиркаты. Их сопровождали шамхальцы и унцукульцы. Шамиль послал сто отборных мюридов для занятия скалистого утеса Шулатлугоха¹, высоко возвышающегося над

¹ Известного под именем Сурхаевской башни.

Ахульго и его окрестностями. Около месяца отважные поборники шариата отстаивали этот важный пункт, не позволявший противнику отрезать от Ахульго пути сообщения с окрестностью и дававший возможность свободно снабжать его защитников съестными продуктами и боевыми припасами. (Существенную помощь теми и другими оказывал для осажденных аул Чиркей).

Убедившись в важности для осажденных Шулатлулгоха, русские сосредоточили на нем все свое внимание и все свои силы: его бомбардировали из десятка орудий и привели в полное разрушение. Из ста праведных удальцов осталось в живых только 7 тяжело раненых, все же остальные были убиты и похоронены под развалинами башни и обломками скал.

На другой день мертвый уже утес был взят штурмом.

С падением Шулатлулгоха положение Ахульго резко изменилось к худшему: неприятель, никем более не обеспокоиваемый, занял легко и беспрепятственно все важнейшие позиции вблизи Ахульго и постоянным огнем из орудий не давал покоя защитникам. Осаждавшие днем разрушили завалы и подземелья, осажденные ночью восстанавливали их. В подземные жилища, занятые малолетними детьми, постоянно влетали орудийные снаряды, которые разрывались и производили ужас и смятение.

Русские все ближе и ближе подступали к Ахульго и скоро окружили его тесным неразрывным кольцом, прибегая к разного рода выдумкам своего хитрого дьявольского ума. Они строили деревянные домики и спускали их на железных цепях, устраивали ходы из корзин, наполненных землей и покрытых дощатой крышей.

Присутствие в такой близости гяуров в такой замысловатой броне производило на обороняющихся подавляющее впечатление: все повесили головы и упали духом. Шамиль вызвал охотников для уничтожения этих неприятельских сооружений. Их не оказалось. Тогда он поклялся, что

в эту ночь не будет или его, или этих сооружений. Клятва произвела свое действие. Нашлись удальцы, которые ночью напали на заседавших гяуров, уничтожили их и сбросили в пропасть их защитные сооружения.

При всякой своей неудаче или успехе наших русские сосредоточивали огонь из 24 своих орудий на пунктах наибольшего скопления защитников. Результаты этого многоорудийного залпа были до невероятности ужасны; страшный рев и гул громом повторялись окружающими скалами и заглушали вопли и стоны раненых; знойный летний воздух, густо смешанный с пороховым дымом, действовал удушливо; ураган из свинцовых пуль и осколков снарядов, камней и скал производил страшное опустошение; земля дрожала, как при страшном землетрясении; везде валялись гниющие трупы павших славной смертью праведных; оставшиеся в живых защитники бродили как тени, изнуренные бессонницей, томимые жаждой и мучимые голодом.

Шамиль не думал, что осада Ахульго продолжится так долго, он рассчитывал на выручку своих единоверцев и единоплеменников. Он надеялся на их сочувствие и сострадание, на их помощь и поддержку. Но его правоверные сородичи оставались глухи и слепы к страданиям мучеников за веру — приверженцам газавата: помощи ниоткуда не поступало, поддержки никто не оказывал. А между тем ряды праведников все таяли и сами они почти до невозможности ослабли физически и морально.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Свидание Шамиля с генералом Пуллоу и выдача им в аманаты русским своего сына Джамалэдина. Предложение русским мира на условиях выдачи аманатом старшего сына Шамиля. Вынужденное согласие Шамиля на это предло-

жение. Свидание и переговоры с генералом Пуллоу. Безволосая свита Шамиля. "Свободные уздени и рабы русского царя". Новое неприемлемое условие русских. Неловкое положение. Находчивость Бартихана. Преждевременный призыв к молитве муллы.

Потеряв надежду взять штурмом Ахульго, русский сердар с главнокомандующим прибег к другим мерам: он предложил Шамилю мир на условиях выдачи ему в аманаты своего сына. Имам хорошо знал, что неверные не оставят его в покое и не выполнят своего обещания, поэтому он хотел отклонить требование. Но изнуренные защитники, всюду и везде искавшие спасения, усиленно просили Шамиля пожертвовать общему благополучию своим сыном и он не мог отказать им в этой просьбе. Предложение русских было принято и Джамалэддин был выдан врагам.

Расставаясь с любимым сыном, Шамиль распростер руки кверху и произнес со слезами:

— "Тебе одному, о Боже, поручаю его!"

После этого сердар выразил желание вступить с Шамилем в переговоры через генерала Пулло. Шамиль долго не соглашался на это, зная заранее, что из этого ничего не выйдет, но, мюриды, жаждавшие конца своих бесконечных мук и страданий и надеявшиеся на возможность мирного соглашения, просили Шамиля принять приглашение русского военачальника. Отчасти вследствие этого, отчасти же из опасения, что его отказ припишут чувству трусости, Шамиль, наконец, согласился.

Переодев всех женщин в мужской костюм и вооружив их оружием павших славной богоугодной смертью мюридов, он пошел на свидание в сопровождении всех оставшихся в живых без различия пола и возраста. Этим он хотел показать русским, что он еще не так слаб, как они думают и что, в случае чрезмерных их требований, он может причинить им не мало хлопот и забот. Враг видно понял эту

хитрость. По крайней мере черкеевец, вероотступник Чаландар, находившийся на стороне неприятеля, с усмешкой спросил своего односельца Юнуса, друга и сподвижника Шамиля:

— "Откуда у вас набралось столько безволосых пожилых мужчин и почему они не носят чалмы по примеру своих волосатых и бородатых товарищей?"

— "Мы обращаем внимание на сердце верующих наших братьев, а не на наружность и заняты исполнением требований святой веры, а не ее обрядами", — ответил Юнус.

Пулло явился к месту свидания во главе тысячи вооруженных воинов. Он предложил Шамилю сесть возле себя. Имам сел, захватив за собой, как бы ненароком, полы его шинели. Он решил в случае измены со стороны русских, убить генерала, а потом броситься в рукопашную с его свитой.

Пулло пустился в длинный разговор. Шамиль отвечал ему кратко и ясно тоном воздержанного противника.

— "Вы — свободные уздени, — начал генерал. Каждый из вас свободен распоряжаться собой и может делать, что он хочет. У нас такого адата нет. Мы рабы своего царя и он распоряжается нами. Мы беспрекословно исполняем только его волю, передавая ему сообщения через его верных избранных слуг. Здесь таким слугой является сердар. Поэтому, если между нами состоится соглашение, то для закрепления его тебе придется поехать с нами к нему".

— "Слышите, братцы, единоверцы? — обратился Шамиль к своим. Нам предлагают доверчиво вложить шею в ярмо русских и их царя. Я вам говорил, что из этих переговоров ничего не выйдет, вы мне не поверили. Теперь хотя уверьтесь и убедитесь в том, что видите своими глазами и слышите своими ушами".

Затем, обратясь непосредственно к генералу, он сказал:

— “Хорошо, я согласен на свидание с сердаром. Пусть он явится на место переговоров с тысячей своих телохранителей, я же возьму с собой только сто мюридов”.

— “Сердарю не подобает являться на свидание с кем бы то ни было. Придется ехать тебе или твоему дяде Бартихану к нам в лагерь”, — ответил Пулло.

В разговор вмешался Бартихан и нашел выход из неловкого положения.

— “Ты верно сказал, что мы вольные уздени и не подчиняемся воле одного человека. Мы прислушиваемся и покоряемся воле большинства, — большинства почтенных и почетных, старых и умудренных опытом долгой жизни. Этих стариков у нас здесь нет: они остались в ауле. Мы спросим их, и если они посоветуют, я или Шамиль явлюсь к вам в лагерь для выслушаний требований сердара”.

В это время невдалеке раздался голос Ибрагим-муллы, преждевременно призывавший к полуденной молитве. Шамиль встал и заявил, что настала пора молитвотворения. Обе стороны расстались, не достигнув никакого результата от своего свидания и совещания.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Юнус в русском лагере в роли невольного посредника между обеими сторонами. Прибытие Юнуса в русский лагерь с сыном Шамиля Джемалэддином. Беседа его с сердаром. Поручение к Шамилю. Резкий ответ последнего сердарю. Возмущение Юнуса и утешение Чаландара. Новое безрезультатное поручение.

Имам вызвал из среды своих мюридов охотников для сопровождения его сына в русский лагерь. Вызвался только один черкеевский Юнус, личный друг и боевой товарищ имама. Он отправился к русским в полном вооружении,

был принят с почетом и отведен в палатку односельца своего черкеевца. Скоро его потребовали к сердарю. Русский главнокомандующий высказал сперва по адресу гостя много лестного и похвального, а затем обратился к нему со словами:

— "Я слышал, что Шамиль слушается твоего совета. Уговори, упроси его явиться лично ко мне. Эта явка ему принесет большое счастье на всю жизнь".

Затем генерал стал распространяться о тех выгодах, которые Шамиль получит от исполнения его желания.

Юнус ответил:

— "Прямодушный мюрид Шамиль никогда не согласится на ваше предложение, а если и согласится — народ никогда не позволит ему приехать к вам".

— "Но ты все-таки отправляйся и передай ему все, что я тебе говорил", — настоятельно требовал генерал.

Юнус вернулся в Ахульго и передал Шамилю все, что видел и слышал в русском лагере.

— "Пусть делают, что хотят, но от нас они больше ничего не получают, кроме работы шашкой", — ответил Шамиль.

Этот твердый внушительный ответ пришелся не по душе изнуренным долгой обороной мюридам. Они просили Шамиля смягчиться и быть уступчивее в отношении могущественного врага. Шамиль резко оборвал их и сказал:

— "Слабость и трусость никогда и никого не спасала".

— "Что же мне передать русскому сердарю?" — спросил его Юнус.

— "То, что я тебе только что сказал", — ответил ему лаконически Шамиль.

Мюрид вернулся в русский лагерь. На другой день утром, на рассвете, его и Джемалэддина потребовал к себе сердар. Когда солнце стояло высоко над горизонтом, их проводили между рядами выстроенных во всеоружии солдат под звуки музыки.

Они вошли. Генерал встал и торопливо направился к ним.

— "Что ответил Шамиль на мое предложение?" — с заметным волнением спросил он.

— "Имам решил бороться с вами не на жизнь, а на смерть, — ответил прямо и чистосердечно Юнус". — Он больше вам не верит. Вы обещали заключить мир, если он выдает в аманаты своего сына. Требование ваше исполнено, но обещанного нет. Вы дали слово снять осаду, если семейства осужденных будут выпущены на свободу из осажденного укрепления. Желание ваше исполнено, но обещания остаются пустыми звуками. Вам, русским, имам больше не верит: он считает вас народом лицемерным, не заслуживающим доверия".

Генерал пришел в сильное волнение и заговорил скороговоркой:

— "Мне нет дела до Шамиля: приказано взять его в плен, и я его возьму! Но пусть он тогда не ждет пощады или снисхождения: он будет казнен или сослан в Сибирь".

Юнус побледнел, как полотно, и лоб его сморщился. Глаза поблескивали зловещим огоньком. Жажда мести, видимо, томила его. Но он скоро пришел в себя, успокоившись: он вспомнил о Джемалэддине. Сострадание к малолетнему сыну пересилило вождение принести себя в жертву ради блага его отца. Русский военачальник, видимо, угадал происходившую в душе мюрида борьбу. Он приказал присутствующему тут же переводчику провести его в палатку Чаландара.

Когда Юнус с Джемалэддином вернулись в палатку к Чаландару, последний курил из длинной трубки. По приходе гостей хозяин из уважения к ним потушил огонь в трубке. Затем, видя Юнуса чем-то озабоченным, он стал утешать его:

— "О чем, земляк и брат мой, тебе печалиться и заботиться? Ты верный и преданный слуга Аллаха. Ты всецело

посвятил себя служению ему. Тебя и тебе подобных своих рабов он охранит от всяких бедствий и невзгод”.

— ”Да, правда твоя, Чаландар, — ответил односельцу своему Юнус, — я твердо верю в божье предопределение. Ни один лист не спадет с дерева без Его ведома и желания, — говорится в наших книгах. Все, что придется нам теперь терпеть и выносить, то уже занесено Аллахом в книгу судеб своих рабов. Ни сила, ни хитрость твоих друзей не в состоянии изменить волю Всевышнего”.

Однажды Чаландар после утренней молитвы подошел к Юнусу и завел беседу о разных предметах, затем искусно перевел разговор на отчаянное положение осажденных.

— ”Я уважаю и люблю тебя, — заговорил он, — и потому советую тебе взять из Ахульго свою жену и детей, семейство нашего односельца Муртузали, а также жен и детей своих родственников и хороших знакомых. Этим, во-первых, ты спасешь их от неминуемой гибели, во-вторых, они получают от русского царя богатые милости. Ахульго скоро будет взят: ты должен спасти кого можешь”.

По заискивающему голосу собеседника и по смыслу этой речи Юнус предугадывал намерение русских: они, очевидно, хотели обезоружить Шамиля изолированием его от друзей и сподвижников и лишить его всякой связи с ними.

— ”Я не могу явиться в Ахульго к имаму, оставив здесь одного Джемалэдина. Мне строго-настрого приказано находиться безотлучно при нем”, — возразил Юнус.

— ”Во время твоей отлучки при нем будет находиться наш односелец Муртузали”.

— ”Да мне бесполезно идти туда. Шамиль, вероятно, больше не пустит меня сюда”.

— ”Посланных не задерживают”, — упорно настаивал на своем Чаландар и Юнус волей-неволей отправился в Ахульго с данным ему поручением.

Оставив у передового завала своего русского спутника, он явился к Шамилю, но не в силах был сообщить ему

о возложенной на него гяурами миссии. Имам, однако, понял, что верного его друга тяготит что-то непомерно мучительное. Скоро Юнусу передали, что Чаландар просит его к передовому укреплению. Он пошел и застал его разговаривающим с Бартиханом о необходимости Шамилю явиться к сердару для личных переговоров.

Чаландар предложил Юнусу вернуться в русский лагерь. Юнус сказал, что придет, когда стемнеет.

— "За семейством завтра можешь пойти, а сердар хочет теперь видеть тебя и поговорить с тобой".

— "В таком случае, я пойду за ружьем".

Чаландар долго ждал своего земляка и, не дождав-шись, вернулся восвояси. Юнус уговорил Шамиля разрешить ему неотлучно находиться при нем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Последние дни обороны Ахульго. Физическое и моральное переутомление защитников. Смерти не избегают, а ищут ее. Шамиль с сыном в аду неприятельского огня. Молитва Шамиля.

Положение осажденных в последнее время было отчаянным. Русские три дня подряд непрерывно бомбардировали Ахульго. Башни были разрушены, завал был снесен, жилища превращены в пепел. Громадное большинство защитников было истреблено, а меньшинство — изнурено и доведено до последней степени изнеможения жаждой, голодом, отсутствием сна и отдыха, напряженно тяжелой боевой жизнью. Жизни больше не берегли: она потеряла уже свою ценность, свой смысл. Смерти больше не избегали, а искали, как высшего блага, как окончания всех мук и пыток, — все ее ждали, как желанную гостью, о ней молились с тоской, как о спасительнице от тяготы сего грешного мира.

Шамиль не был исключением из этих живых мертвецов, из этих бродячих человеческих теней. Он работал, думал, волновался и изводился более всех. Он страдал и мучился не за себя, не за своих, а из-за общего дела, за всех своих правоверных сородичей. Поэтому малодушие, изнеможение и уныние овладело и им. Он так же желал избавиться и от постоянных спутников этой жизни: страданий, мук и пыток, — войти смертью в газавате в настезь открытые двери рая. Со своим младшим сыном Гази-Мухаммедом он не раз выходил на открытую площадку, заливаемую непрерывным потоком осколков орудийных снарядов, и долго стоял здесь в ожидании смерти для обоих. С распростертыми кверху руками он молил Бога:

— "Аллах! Мне мнилось, что ты дал мне жизнь для возвеличивания и прославления святой веры. Ты не раз спасал мне ее, и это еще более укрепило во мне веру, что таково именно мое божественное назначение. Теперь же, по ходу и обороту столь самонадеянно принятого на себя дела, вижу, что я только жалкое беспомощное существо, недостойное такого высокого назначения. Избави, о Боже, мою душу от этого никудышнего тлена, от этой земной гнили и плесени, в которых она обретаётся и разлагается. Святое же дело газавата возложи на могучие плечи более сильного, способного и вполне достойного твоего благословения раба".

Так роптал и молил Шамиль в этот критический момент своей многострадальной жизни. Но Аллах не снизошел к мольбе своего верного раба. Он не отнял у него жизнь: Он сберег ее для славы и величия ислама. Он избрал Шамиля орудием осуществления своей воли — вознести ислам на головокружительную высоту и водворить между его приверженцами мир и согласие — и остался верен своей святой воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Бегство Шамиля, его семьи и друзей из Ахульго. Смятение и отчаяние Шамиля. Утешение мюрида Тагира. Слуга и лошадь Шамиля. Кошмарный сон наяву. Наказ Шамиля перед бегством. Путь через неприятельский огонь и штыки. Угрозы Шамиля своим односельцам. Голод и жажда. Обещание и исполнение. Послание Аллаха и его услуги.

Аллаху было угодно, чтобы сбылось то, что начертано в его великой книге судеб человечества и потому произошла кровавая битва, небывалая до сего времени и вряд ли возможная в будущем. После этой страшной войны все упали духом. Никто не заботился ни об укреплении завалов, ни об исправлении укреплений и восстановлении их от разрушительного действия огня.

Шамиль уже более не руководил, не поучал, не воодушевлял на дальнейшее сопротивление своих сподвижников. По временам его вдохновляла мысль броситься в единоборство с врагами и умереть славной смертью, го всякий раз приближенные с большим трудом удерживали его от этого безумства.

Его с семейством почти силой увели вниз в пещеру под рекой Койсу. С ним и тут произошли припадки вождения смерти: он хотел со скалистого обрыва броситься в бушующую реку, но друзья, следившие за каждым его движением, удерживали его все время от этого сумасбродного поступка.

Покидая Ахульго, Шамиль захватил с собой только оружие и книги. Своего любимого серого коня он приказал убить слуге Салиху, чтобы он не достался гяурам. Салих вошел в конюшню, чтобы привести это приказание в исполнение. При виде его лошадь заржала, плдошла и стала ласкаться к нему — и у верного слуги не хватило сил, чтобы так жестоко расправиться с умным животным.

На берегу Койсу в пещере Шамиль долго не мог остаться. Он взял с собой десять сподвижников и пошел с ними в ближайšie к неприятелю завалы.

Тагир из Унцукуля спросил его:

— "Что ты думаешь здесь и что нам тут делать?"

— "Умрем, а не отступим отсюда никуда", — ответил Шамиль.

— "Смерти твоей только обрадуются враги и вероотступники наши. Шариат же и ислам от нее не выиграют. Не лучше ли побережь себя для более богоугодного дела?" — возразил Тагир.

Бартихан и другие поддержали Тагира и почти силой увели имама в пещеру, уходившую в скалистый массив Ахульго. Три дня имам провел здесь со своим семейством и сподвижниками.

Внизу под ними, на берегу Койсу, и наверху над ними, на Ахульго, стояли русские и сторожили их. У уходящих не было ничего съестного. Жажда томила и голод мучил их.

Утомленный сильно постоянным напряжением и возбуждением, имам слегка вздремнул и видел сон, что его жена Джаварат споткнулась и упала и что сын его Саид рылся на земле около матери. Шамиль тут же объяснил этот сон, что мать с ребенком должны непременно погибнуть. Его предсказание сбылось: раненая в голову Джаварат не могла следовать за ними. После трехдневных жестоких пыток от жажды, голода и тяжелой раны она не выдержала и умерла в пещере. Ребенок пережил мать на несколько дней, то жадно присасываясь к холодной груди материнского трупа, то нарушая глубокую мертвую тишину криком:

— "Мама и папа!"...

Спустя год после этого, Шамиль посетил место, где скончалась его любимая жена: труп был завален обломками камней и обливался пенистыми волнами Койсу. Он сохранил свою первоначальную свежесть. Уцелел и платок, в

котором умерла Джаварат. Тело было предано земле с подобающими почестями.

Перед бегством из пещеры вниз по течению Койсу, густо занятому неприятелем, Шамиль приказал бороться с русскими до последней возможности всеми средствами и ни в коем случае не сдаваться в плен. Раненых и изнуренных до невозможности бросали в Койсу или в кучу.

Была глубокая ночь. Шамиль приставил балку к наружному краю свода пещеры, чтобы по ней подняться вверх к тропе. Путь спасения пролегал по этой козьей дорожке, занятой неприятелем и его постами. На спасение ни у кого не было надежды. Но все пожелали умереть от пуль, чем от голодной смерти. Шамиль привязал к спине своей сына Гази-Мухаммеда и первый поднялся вверх. Там он, ухватившись, держался за верхний конец балки, пока все находящиеся внизу не поднялись по очереди наверх. Здесь ашильтинец, отрок Ахмед, принял к себе на плечи Гази-Мухаммеда. И, таким образом, последние защитники покинули Ахульго. Тихо и осторожно шагали они по узкой тропинке, стараясь всеми силами не нарушать глубокой полуденной тишины и тем не навлечь на себя внимания врага. Шамиль шел впереди с обнаженной шашкой в руке и с ружьем за плечом.

Что-то зачернело впереди. Путники остановились и вперили взоры в черное пятно. То был неприятельский сторожевой пост. Мюриды во главе с имамом двинулись на него. Раздалось 5 выстрелов, не причинивших имаму вреда. Пост рассеялся, но шум поднял тревогу и взбудоражил врагов. На всех впереди стоящих постах запылали огоньки, местами ярко засветились и костры. Неприятель сосредоточился в одном узком месте пути. Мюриды спрятались за обломками скал и дали врагу время успокоиться. Ночной мрак опять покрыл окрестности. Только место, где скопился противник, слабо освещалось догорающим костром, а между тем его-то во чтобы то ни было приходилось прой-

ти. Обойти его нельзя было, так как это был единственный выход из ущелья, а о возвращении назад ночью нечего было и думать: вся местность позади была занята неприятелем после происшедшей тревоги. Общим совещанием беглецы решили: подойти как можно ближе к врагу и, спрятавшись за камнем, громким дружным гиканьем голосов всех присутствующих произвести у него переполох и разрядку ружей, а затем, в момент заряжения ружей, броситься в шашки и прочистить себе дорогу.

Как было решено, так и было сделано.

Беглецы дружно крикнули и сейчас же укрылись за камнями. Только один Султан бек из Селима стал перед Шамилем, защищая его от выстрелов. Раздался залп. Самоотверженный мюрид свалился как сноп. Мюриды кинулись на врага и раскинули его во стороны. Шамиль хотел его преследовать, но Ахверды Магома бросился на шею и удержал его.

— "Клянусь тебе Аллахом, — воскликнул он, — ты не умрешь в эту ночь!"

— "Почему же ты так уверен?", — спросил его Шамиль.

— "Я видел недавно во сне, что Ахульго и защитники его снесены потоком полой воды и что мы с тобой и немногими товарищами перелетели на чиркатинскую сторону. Я убежден, что сон этот — предвестник нашего спасения".

В одном месте огромная глыба земли упала на Шамиля, но он остался невредим и, встряхнув головой, пошел вперед. Врагов встречали еще в нескольких местах, но и от них отделявались благополучно.

Миновав все опасные места, защитники сели на берегу реки отдохнуть. Тут только вспомнил Шамиль о своей семье. Ее не оказалось в числе присутствующих. Имам собрался идти назад, чтобы справиться о ее участи. Но всегда готовый к услугам Юнус вернул его и пошел сам. Вскоре он вернулся и принес радостную весть: Гази Мухаммед и его мать спаслись от смерти и вражеского плена и шли

вслед за ними. Во время прорыва неприятельской сторожевой цепи один солдат ранил штыком в колено Гази-Мухаммеда.

— ”Бросай же меня в реку, бросай скорее”, — упрасивал мальчик несшего его ашильтинца, — ”разве ты не слышал приказания отца?”

Из пещеры вышло 30 человек. Теперь, по произведенной проверке, оказалось на лицо только 24, — значит на пути бегства погибло шесть. В числе их была и старшая сестра Шамиля. Будучи не в силах идти от изнурения, она, во исполнение наказа брата, закутала лицо платком и бросилась в Койсу. Трагическая смерть любимой сестры сильно потрясла и привела имама в малодушие.

Он заплакал.

— ”Зачем, зачем вы помешали умереть мне в свое время смертью праведника! — обратился он с упреком к товарищам. Куда мы теперь пойдем, где скроемся от врагов? Ведь они всюду и их видимо-невидимо”...

Защитники продолжали путь вниз по Койсу. Скоро стало рассветать. Они совершили омовение, горячо помолились и снова поплелись, — усталые и изнуренные. Недалеко от места слияния обеих Койсу — Аварского и Андийского — они перешли через реку на левый берег по двум перекинутым через воду жердям. Тут, поднимаясь по скату скалы, они заметили гимринцев, охранявших мост. Поставые стали стрелять в них. Шамиль вынул шашку и, потрясая ею, крикнул своим односельцам:

— ”Если Аллаху будет угодно — моя левая рука вот этой штучкой месяца через три потреплет и пощиплет вас, рабов русских!”

Гимринцы струсили: между ними, действительно, было много врагов шариата и друзей русских. Они знали, что у Шамиля слово и дело одно и то же.

Беглецы поднялись вверх до половины ската хребта Салатава и направились к аулу Атлук. Они заметили вбли-

зи себя милицию Ахмедхана и Хаджимурата, посланную для поимки их. Но Аллах просветил ум и смягчил сердца преследователей: они притворились слепыми и не причинили беглецам никакой неприятности.

Голод и жажда страшно мучили путников. Шамиль разделил партию на две части и направил ее в разные стороны для разыскания воды. С одной частью он пошел сам, в составе другой отправил Гази-Мухаммеда. Первой партии посчастливилось: она нашла воду и Шамиль, набрав ее полный кувшин, догнал сына и спросил:

– “Ну как себя чувствуешь, сынок?”

– “Папа, хочу пить!” – едва слышно произнес ребенок.

– “На, друг мой, пей! Бог даст, скоро и покушаешь досыта”.

Шамиль дал сыну напиться и принял его себе на спину. Путники брели молча и медленно, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу. Шамиль шел впереди. Голова сына покоилась на голове отца.

– “Друг мой, обратился Шамиль к своему любимцу, – шея с трудом носит и свою голову, а ты своей головой давишь ее, горемыку”.

Шли машинально, шли целую ночь. Больше всех изнемогал Шамиль. Он был весь в ранах и потому ослабел сильно от потери крови. Гази-Мухаммед плакал и просил есть. Шамиль, указывая ему на силуэт горной вершины, окутанной ночным мраком, сказал:

– “Сын мой, когда мы будем вот на той, чернеющей вдали, горной макушке, я тебя накормлю и напою”.

К восходу солнца они поднялись на эту многообещающую вершину и свалились с ног.

– “Папа, кушать хочу”, – заплакал опять за спиной Гази-Мухаммед.

Шамиль вздрогнул и вспомнил свое обещание. Ему хотелось сказать что-либо в утешение сыну, но в горле его

что-то застряло, язык не шевелился. Он нервно покачал головой, словно отмахиваясь от роившихся в ней черных и злых мыслей.

— "Вот кто-то едет по дороге!" — крикнул один из путников.

Все оглянулись в указанную сторону. Ехал всадник с объемистыми переметными сумками за седлом. Он ехал прямо к ним, но затем в нескольких шагах от них повернул лошадь и хотел ехать в сторону. Шамиль приказал товарищам остановить его. Услышав это приказание, всадник спросил: кто они такие? Ему ответили, что они выходящие из Ахульго, спасающиеся от преследований русских. Незнакомец слез с коня и, подошедши к ним, крепко пожал руку Шамилю и его товарищам, а потом, сняв с седла сумки, осторожно опорожнил их от содержимого: чурков, сыра и жареной баранины. Всадник оказался чиркеевским Иса Хаджи, везшим провизию в Чиркаты для Ахмедхана Мехтушинского. Подкрепив себя едой, мюриды тронулись опять в путь. Иса Хаджи посадил на свою лошадь Ахвердил Мухаммеда и еще одного тяжело раненого и доставил их до места ночлега.

Великодушие и сочувствие шарияту чиркеевским Хаджи не ограничивалось этими истинно мусульманскими подвигами: он доставил к месту ночлега 4 баранов и 1 мешок пшеничной муки.

Впоследствии русские узнали от вероотступников о благородных подвигах Хаджи, арестовали его и сослали в Сибирь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Потери наши при обороне Ахульго и их значение для шарията и всего мусульманского мира. Синодик праведников, павших на Ахульго. Жертва Ахульго — основа счастья

и могущества шариата и Шамиля. Молитва бухарского хана. Светоч мусульманского мира.

Выше мы сделали только краткое и сжатое сообщение о событиях, совершившихся в Ахульго. Подробное же описание обороны укрепления потребовало бы нескольких объемистых томов. Осада Ахульго стоила русским несметного числа солдат и офицеров. Джаватхан и Дарго, служившие у них, уверяли, что по сведениям, полученным тогда в Кизляре, пало русских 33 тысячи. Думаем, что это не преувеличение, если принять во внимание правдивое показание очевидцев, что в один день у русских выбыло 5 тысяч человек и однажды, после неудачного штурма, генерал Пулло вернулся в лагерь с двумя солдатами¹.

Но и у мюридов пало немало: на долю трехсот бойцов выпала славная завидная смерть праведных. В числе их были и Муртузали и другие ученые мужи из Чиркаты; храбрейший из храбрых Алибек из Хунзаха; родной дядя имама — Бартыхан из Гимри; ученый, мудрый и отважный Сурхай из Кало; такой же бравый и неустрашимый вояка, убивший в один день сто русских, Бабал Мухаммед из Игнала; другой такой же поразительно храбрый молодец и его односелец — Мухаммед Султан; два удальца молодца из Аракани — Гусейн и Магомай; почтенный ученый, племянник первого имама, Осман из Балахуны; Ибрагим Гусейн из Гимри; Алихан из Арчи; Оцау из Гародарика; Муртузали Мухамед из Ораты; Омар Хаджи из Сугратля, Васиялау из Тажды и, кроме вышеприведенных, много почтенных и ученых храбрецов.

Да простит им Аллах все их земные грехи!

¹ По официальным русским сведениям в осаде и блокаде Ахульго принимали участие 11 батальонов пехоты, 1 рота саперов, 2 сотни конных и 3 сотни пеших казаков, 2 сотни горской милиции при 20 орудиях. По этим сведениям 80-дневная осада Ахульго осаждавшим стоила 150 офицеров и 2919 нижних чинов убитыми и ранеными.

Взято было русскими до 300 душ, считая в том числе мужчин, женщин и детей.

Умер в этом плену достоуважаемый Цилякумил Мухаммед, из Тинуса; пропал без вести Ибрагим из Мехельты; Ахмед старший и Ахмед младший и Хаскил из Харачи были убиты при попытках к бегству. Неизвестно куда исчез Джабраил Мухаммед из Ахкенты. Был возвращен из плена Далгат из Буцры.

Так дорого стоила правоверным кровавая и славная защита Ахульго, но зато она оказалась чревата и великими благими последствиями для мусульман: бедствия и несчастья, понесенные на Ахульго, послужили основанием для будущего счастья, благополучия и могущества имама. Сила и мощь его стала с тех пор вырастать. Божья благодать полностью снизошла на него. Счастье человечества заключается в богоугодии. Благодать богоугодных подвигов и жертв самоотверженных и праведных защитников Ахульго наводнила весь мусульманский мир до Мекки и Медины, до Хивы и Бухары.

Али Хаджи Закатальский рассказывал мне, что он на обратном пути из Сибири заехал в Бухару и был свидетелем святых зрелищ: бухарский хан, во главе своего народа, горячо молился за здоровье и благоденствие Шамиля шейха и его славных мюридов.

Такое же молебствие совершалось и местными шейхами муллами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

По пути в Чечню. Сочувственный прием у атлухцев. Глашатай безбожник и его оповещение. Восторженная встреча у чеченцев. Плач и соболезнование чеченца. Рождение сына Шамиля Мухаммед-Шафи. Новые соратники имама Шуаи-

**ба и Джават хан. Резиденция имама в Чечне. Приказ имама
наибам. Невольница Газиз.**

При приближении к Селевтлуху мюриды застали молодого чабана за работой. Он резал стадо овец недалеко от своего хутора. Он оказался сыном убитого на Ахульго отца. Согласно завещания покойного, чабан зарезал для дорогих гостей рослого барана и мило и радушно угостил их.

Здесь вечером Шамиль увидел новорожденный месяц Раджабо 1225 года (около 24 августа 1839 года).

Переночевав у гостеприимного хозяина, мюриды двинулись дальше. Узнав о приближении Шамиля, атлухская молодежь вышла к нему на встречу и тут на одном из хуторов тайком от власти своей общины угостила его и соратников.

В это время на ближайшем бугорке появился один из черкатинских богоотступников и оповестил во все горло атлухскую общину:

— "Слушайте, эй, вы! Шамиль позорно бежал из Ахульго. Его мюриды частью перебиты, частью захвачены в плен. Успевшие спастись рассеялись во все стороны и больше не соберутся и не покажутся нам на глаза. Если у кого из вас находится на хранении их скот или иное имущество, тот может присвоить его себе и распоряжаться им, как своим, как своей собственностью".

Шамиль по голосу узнал кощунствующего крикуна. Впоследствии глашатай этот был казнен по приказанию наиба Гитинова из Данука.

Отдохнув и поужинав сытно на хуторе, мюриды выступили в путь-дорогу по направлению к аулу Алмаку. Не совсем доверяя жителям этого аула, они остановились на приаульной речке и стали молиться. Но алмакцы, заранее оповещенные об их приближении, вышли им навстречу во главе муллы и почетных стариков. Они горячо и сердечно обняли мучеников святой веры и просили к себе в гости.

Тронутый сердечным приемом истинных мусульман, Шамиль от души поблагодарил их и уверил, что он всю жизнь будет помнить это теплое сочувствие к себе и к своим товарищам, идти же к ним в аул отказался, ссылаясь на обстоятельства особой важности. Однако, из аула им принесли много различных кушаний для угощения дорогих гостей.

Подкрепив себя здесь едой и крепким сном, бездомные скитальцы направились в аул Зандиб.

Шамиль с Юнусом шли далеко вперед остальных в качестве разведчиков. Они набрали на спящего. Товарищи сели возле него в ожидании его пробуждения. Это спал косарь на сенокосе. Иمامу хотелось познакомиться с настроением местных жителей и их мнением о нем. Труженик проснулся, поздоровался с неожиданными гостями и, узнав откуда они, спросил: как идут дела под Ахульго?

— "Мюриды перебиты или забраны в плен. Ахульго взят" — ответили ему.

— "А Шамиль?" — спросил чеченец.

— "Убит!" — сказали ему.

Косарь побледнел и задрожал, а затем, сделав несколько шагов в сторону, свалился на живот и громко зарыдал. Оставив сердобольного чеченца оплакивать здравствующего покойника, друзья двинулись вперед. Шедшие позади мюриды застали косаря, снедаемого только что сообщенной ему грустной вестью о смерти имама.

— "Итак Шамя нашего нет уже больше в живых?!"

— залился он горячими слезами, здороваясь с мюридами.

— "Нет, он жив и здравствует!" — ответили ему.

— "Да где же он?"

— "Ты, должно быть, его видел. Ведь двое же прошли мимо тебя. Один из них и есть Шамиль".

Чеченец побежал за обманщиками во всю прыть. Он еще издали узнал Шамя, отдохавшего на траве с товарищами. Он судорожно схватил и стал обнимать его колени. Шамиль не выдержал, заплакал и горячо обнял сердечно и

столь пламенно любящего его незнакомца и при том ино-родца.

В сумерках скитальцы прибыли в аул Татихупи и были приняты очень радушно его жителями. Один из них, оказывается, обещал зарезать быка, если Шамиль благополучно выберется из Ахульго. Три дня мюриды питались мясом этого животного, а затем, сопровождаемые кунаками Шамиля, отправились в аул Бояны, который оказал им также радушное гостеприимство.

Здесь у Шамиля родился сын Мухаммед-Шафи.

Из Бояны они пошли на Ойданы. Оставив здесь свою семью, Шамиль с товарищами отправился в поиски подходящего места для своего окончательного поселения.

Место это было найдено. Это был аул Шароит, недалеко от Шатая.

Здесь Шамиль остановился у своего верного кунака. Этот последний отправился в Ойданы за семейством имама, привез и его туда.

Здесь Шамиль распустил свою партию, оставив при себе только 8 человек: Юнуса, Самада, Худаинатиль, Мухаммеда из Гопатля, Балада и Гимбета из Гарадарика, Муртузали и Мусу' из Балахуны. Кроме того при нем остались 2 местных жителя, присоединившихся к нему во время пребывания его в Ойданы и Бояны. Это были известные во всем округе своим мужеством Шуайб из Цамуторы и Джават-хан из Дарго.

Джават-хан при первой встрече сказал Шамилю:

— "Я очень и очень скорблю, что ты лишился в славных боях своих славных товарищей. Но даю тебе слово, что найду взамен их для тебя более тысячи таких же самоотверженных бойцов. Сам же я с этого времени твой послушный и готовый ко всем услугам раб".

Имам тут же назначил их обоих наибами: одного в Цамутори, другого в Дарго (Ведено), при этом он строго приказал им обоим обирать всякого пришельца аварца,

явившегося в Чечню за чем бы то ни было. Если он окажется из ученых, то лишит его жизни.

Согласно этому приказанию, у всех выходцев из Аварии, Анди и Гумбета, являвшихся в Чечню за кукурузой, отбирались вьючные лошади, ослы и оружие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Первый урок в Чечне.

Однажды к Шамилю явилась чиркеевская женщина по имени Газиз. Она жаловалась ему, что была похищена и продана в рабство каким-то неизвестным ей человеком и просила освободить ее. Имам ответил ей, что он, к сожалению, ничего не может сделать ей в помощь.

Был последний день Рамазана месяца. Имам читал коран в мечети. В это время туда к нему прибежал сын его Гази-Мухаммед и, остановившись у дверей мечети, крикнул:

— "Папа, женщину, которая недавно приходила к тебе, ведут куда-то. Она горько плачет и не хочет идти, но ее силой влекут".

Шамиль прекратил чтение и вышел: чиркеевку действительно волокли куда-то. Она сопротивлялась, плакала и жалобно вопрошала окружающих:

— "Боже мой! Неужели между вами нет ни одного истинного мусульманина, чтобы выручить меня из этой беды?"

Шамиль поспешил домой. Он приказал вооружиться своим товарищам, сам также вооружился. Затем бросился за толпой, догнал ее и, преградив ей путь, приказал оставить женщину в покое, угрожая вооруженной силой в случае невыполнения его требования.

Решительный и властный тон произвел впечатление на

окружающих. Безобразники, после некоторого колебания, отпустили женщину и разошлись. С этих пор их односельчане слушались Шамиля.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Признание Чечней власти Шамиля. Постепенное увеличение приверженцев имама. Их желания и вожделения. Равнодушные к ним имама. Посол от Центральной Чечни и его миссия. Сочувственный ответ имама. Письма Шамиля к Ахвердил Мухаммеду. Обращение к шатоевцам. Его поездка по всей Чечене. Военно-административные меры и распоряжения. Бунт в Ойдани. Смертная казнь 10-и бунтовщиков. В Харачи. Депутация от племен Нагорного Дагестана. Роспуск по домам шатоевцев. Их наказ своим сородичам-мюридам.

После освобождения от насилия чиркеевской женщины влияние имама стало быстро распространяться и на соседние аулы. Много чеченцев приходило к нему с заявлениями о своем желании находиться при нем в качестве телохранителей. Являлись они и по одиночке и партиями с предложением своих услуг в его ратных делах против русских. Но Шамиль не высказал особенного желания принимать к себе кого-либо или начинать враждебные действия против русских. Он обычно говорил, что ему опротивели земные дела и постоянная возня с закоснелыми в грехах людьми.

Тем не менее число его приверженцев от таких его отношений к ним не уменьшалось, а постоянно возрастало. Причиной этого явления нужно считать явное неудовольствие местного населения распоряжениями русских властей. Еще до прихода сюда Шамиля русские обложили чеченцев подушной податью в 1 рубль и обезоружили их через де-

сятый на одиннадцатый. Упорно ходили еще слухи, что неверные собирались лишить женщин панталон также через десять саклей на одиннадцатую.

Причиной отклонения Шамилем боевых услуг добровольцев нужно считать просьбы и советы шатоевцев не доверять таким охотникам и вообще всем чеченцам. Они уверяли его, что люди, являющиеся к нему с такими предложениями, предатели и шпионы, подкупленные русскими, чтобы погубить его.

Однажды из средней Чечни приехал в Шатой один чеченец и, прежде чем явиться к Шамилю, вызвал в сторонку Газиява из Анди и вступил с ними в тихую интимную беседу.

— "Слышишь ты, что говорит этот чеченец?" — обратился андиец к стоявшему тут же недалеко имаму.

— "А что?" — спросил Шамиль.

— "Он уверяет, что ввиду твоего отказа в просьбах и увещаниях мужчин принять их услуги в борьбе нашей с русскими, сюда в скором времени явится все женское население, чтобы вернуться отсюда только с тобой".

Шамиль прослезился:

— "Слава Аллаху, слава и его пророку!" — произнес он, проводя медленно рукой по лицу и бороде.

Он сказал чеченцу-посланцу, что желание его народа будет исполнено, и отправил его с письмом в Кеха к Ахвердил Мухаммеду.

Имам писал своему закадычному другу и боевому товарищу:

— "Чеченцы, как мужчины, так и женщины, приглашают нас к себе. Я буду там со своими тогда-то. Явись и ты туда к этому времени со своими товарищами".

Перед своим выступлением из Шатоя он созвал всех жителей на сход, чтобы проститься с ними. После горячей проповеди о священных обязанностях мусульман, он обратился к ним с нижеследующими словами:

— ”В предстоящих мне бедах, несчастьях и невзгодах, при всяких тяжелых и крутых обстоятельствах я, дорогие друзья и братья мои, буду обращаться к вам за помощью и поддержкой. Бог и вы свидетели, что я не напрашивался на эти тяжелые обязательства, а был вынужден принять их божьей волей и волей наших одноверцев. От души желал бы, чтобы и все приняли участие в этом богоугодном деле и тем стяжали бы себе право на благо рая. Я люблю вас всеми силами своей души и потому молю Бога избавить вас от соблазна и искушения врага человечества — сатаны, слящегоса настроить вас против меня и моего настоящего предложения. Если же, вопреки моего чаяния, вы послушаете этого дьявола и откажетесь принять участие в общей нашей борьбе с неверными, я, скрепя сердце, вынужден буду прибегнуть к силе и тем спасти вас от ожидающих вас мук в аду”.

— ”Мы рады исполнить твою волю, только просим, чтобы при наступающей весенней оттепели распустить нас на время для производства пахотьбы”, — ответили ему шатоевцы.

По прибытии Ахвердил Мухаммеда с 15 своими сподвижниками, Шамиль, во главе их и шатоевцев, выступил в поход.

Шатоевцы приняли на себя охрану Шамиля. Они все еще не верили своим сородичам и советовали имаму не особенно полагаться на них.

Шамиль объехал вдоль и поперек всю Чечню. Он везде и всюду вводил шариат, просвещал население сведением о божьих законах и делах. Настраивал его против врагов Аллаха. Чеченцы принимали его радушно и оказывали ему всевозможные почести и знаки уважения. К нему явились даже обласканные и благодетельствуемые гяурами туземцы; приезжали офицеры и, сняв тут же погоны и кресты, топтали их ногами в доказательство своего полного разрыва с прошлым.

Жителям больших аулов, расположенных на открытых и доступных нападению врагов местах, имам приказал переселиться с их семействами и с имуществом в леса, предав огню прежние дедовские жилища. Чеченцы, хотя и неохотно, но беспрекословно исполняли эти требования. Пограничному же с русскими населению (чеченцам) был дан строгий приказ отражать мужественно и самоотверженно всякие попытки и нападения врага, а их соседям было вменено в обязанность оказывать им всевозможную помощь и поддержку.

Из чеченцев Шамиль сформировал три отряда. Командование первым из них было возложено на Ахвердил Мухаммеда с назначением штаб-квартиры в ауле Кехи. Начальником второго отряда был назначен Шуайб со сборным пунктом в ауле Мешке. Третий же отряд был вверен Джаватхану с штаб-квартирой — Шали-Герменчик.

Вскоре до имама дошли тревожные сведения, что в сел. Ойдона происходит брожение против его владычества. По пути туда он узнал, что ойдонцы решили отразить силу силой.

Не желая подвергать опасности свою малочисленную рать во избежание кровопролития, имам остановился в селении Харачи, которое тоже волновалось по подстрекательству нескольких богоотступников. В 3 дня Шамиль казнил здесь 10 человек, высказавших явное неповиновение Джаватхану.

Сюда к имаму явилась депутация от укратлинцев для выражения ему покорности и преданности. Шамиль жестоко разнес ее за равнодушие к пережитым им бедам и невзгодам при обороне Ахульго.

— "Теперь мы в ваших в пустых и лицемерных чувствах не нуждаемся, — сказал он ей, — можете отправляться по той дороге, по какой и пришли сюда".

Вслед за ней прибыла сюда с той же миссией группа посланников от андийцев и ушли также несолоно хлебавши.

— "Чувствам, для выражения которых вы пришли сюда — не верю, — сказал им Шамиль. Их вы мне не высказали тогда, когда я нуждался в них, тогда, когда я к вам за ними обращался. Держите их про запас, пока не найдется дурак, который им поверит".

Приближалась весна. Шатоевцы просили у имама отпуска и получили его. Перед своим уходом из отряда они обратились к оставшимся со следующими советами-предостережениями:

— "Имам Шамиль — наш святой гость, мы охраняем и должны охранять его, как зеницу ока. Теперь, уходя на короткое время домой, мы вверяем его вам, вашей чести и совести, вашей отваге и мужеству. Вместе с этим гостем к вам переходят и тяжелые обязанности и ответственность честного и добросовестного хозяина. По возвращении нашем сюда, вы должны передать его нам в ореоле его настоящей святости и боевой славы. Иначе вы ответите перед Богом и перед нами за нарушение святых обязанностей истинного узденя.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Призыв Шамиля к обывателям аула Чакли-Киле о помощи против русских. Просьба к имаму этой аульной общины избавить их от разбойника. Тщетное воздействие добрым словом. Слепление и заковывание. Разбитые колодки и убитый сторож. Вторжение разбойника в комнату мюридов. Бегство последних. Схватка Шамиля с разбойниками. Тяжелая борьба. 2 убитых мюрида и 12 ран. Счастливая развязка. Взаимные комплименты.

Скоро и сам имам вернулся в Шатой, но ему недолго пришлось отдыхать здесь. Было получено сведение о дви-

жении русских по направлению к аулу Гергери. Шамиль выступил, чтобы встретить врага из засады.

В этой поездке ему сообщили, что тут вблизи находится мечеть, в ней хранится коран и что в это хранилище никто не может войти.

По приближении к Чакли-Киле Шамиль потребовал к себе всех местных жителей и обратился к ним с очень ласковой речью:

— "Мы пришли к вам, — сказал он, — без всяких злых или корыстных замыслов, с предложением только братских услуг для совместного и дружного действия против нашего врага. Мы не тронем вашего имущества, не учиним вам ни малейшего насилия. Мы только будем просить вас содействовать нам освободиться из-под власти и от притеснений русских!"

Жители мирно покорились и обещались исполнить предъявленное к ним требование. Между мюридами и местным населением возникло было столкновение по пустячному поводу, но оно было ликвидировано усилием имама.

Община этого аула обратилась к Шамилю с просьбой казнить одного из ее членов, — Губашина, занимавшегося разбоями и грабежами по дорогам и державшего весь округ в трепете и страхе. Шамиль отклонил эту просьбу, обещая исправить разбойника добрым назидательным словом. Он потребовал к себе Губашина и долго беседовал с ним, уговаривая бросить свои богопротивные и позорные проделки. Разбойник молча выслушал его и вышел, не говоря ни слова.

На второй или на третий день по бытности на исповеди у имама, он убил одного туземца, возвращавшегося домой из какой-то поездки.

Тогда Шамиль приказал схватить его и выколоть ему оба глаза. Семь человек мюридов исполнили это приказание с большим трудом после долгих хлопот и возни, на которые пошла целая ночь. Лишенный обоих глаз и закован-

ный в колодки, Губашин был брошен в саклю, отделяющуюся от комнаты мюридов узким коридорчиком. К дверям был приставлен часовой.

Шамиль и мюриды, прошедшие всю ночь в хлопотах и распоряжениях по приведению в исполнение приговора над разбойником, легли спать, на рассвете совершив утреннюю молитву. Имам лег на высокой деревянной полке, товарищи его расположились на полу в разных углах. Одни дремали, другие заснули. Вдруг уже охваченному дремотой Шамилю послышались какие-то жалобные звуки, походившие на собачий писк. Имам крикнул товарищам, чтобы кто-нибудь из них вышел и узнал в чем дело. Но в это время в саклю ворвался громадного роста великан с кинжалом в руке. Он метался по комнате, видимо, отыскивая жертву для своей кровавой работы.

Шамиль еще раз крикнул, чтобы мюриды схватили свирепого незнакомца.

Сделав бешеный прыжок по тому направлению, откуда раздался голос, делавший приказание, бесноватый стал с остервенением рубить деревянное ложе имама. Ошалевшие от испуга мюриды выскочили из сакли и были таковы. Положение имама было критическое: он был покинут товарищами, у него не было при себе никакого оружия. Но Шамиль, всегда верный себе, не растерялся. Он бросился на гиганта и крепко схватил его руку.

Произошла жестокая схватка, — схватка не на живот, а на смерть. Шамиль старался прижать врага к стене и обезоружить его. Но это оказалось не так легко сделать: враг был силен, упрям и хитер. Он не выпускал кинжала из руки, крепко сжатой в кулак, и наносил им противнику рану за раной ловким и искусным сочетанием движений рук, ног и всего тела. Казалось, счастье покидало имама. Он уже имел 12 ран, хотя и несерьезных и неопасных, и, истекая кровью, слабел все больше и больше. Тщетно имам призывал на помощь своих мюридов:

— ”Поспешите же, — кричал он, — я изнемогаю и погибаю ни за что, ни про что в когтях и зубах бешеной собаки, или подайте сюда какое-либо оружие”.

Спустя некоторое время на зов этот явился Шагман из Шатоя и стал помогать Шамилю в обезоруживании силача-сумасброда. Но он скоро получил смертельную рану в живот и тут же испустил дух. Тогда Шамиль вызвал Магомата из Заноды и его тоже постигла та же участь.

Не надеясь уже больше на постороннюю помощь, Шамиль сделал последнее усилие и, опрокинув великана навзничь, сел ему на грудь, захватив его руку с кинжалом под свое правое колено. Лежачий вцепился зубами в руку сидячего. Последний тоже пустил свои зубы в ход и впился ими в лицо первого.

В этом положении застали бойцов Зирар из Шагады, явившийся на продолжавшийся шум. Шамиль просил его вырвать из руки оружие его соперника. Тот тщетно старался разгибать крепко стиснутые пальцы.

— ”Разруби же пальцы! Ты видишь, что они не поддаются твоим слабым силам”, — крикнул ему имам.

Последний мощный удар, пальцы разлетелись во все стороны и кинжал выпал со звоном из куцой окровавленной руки сумасшедшего.

Общими силами великана связали по рукам и ногам и бросили в угол.

Шамиль только после всего происшедшего узнал, что этот страшный непрощенный гость был ослепленный ночью по его приказанию разбойник Губашин, который разбил вдребезги деревянные колодки, обезоружил и убил стоявшего в дверях сторожа и ворвался в помещение мюридов, чтобы свести с ними свои кровавые счета.

— ”Жаль, что я не узнал его в свое время: я покончил бы с ним, не сходя с полки”, — сказал Шамиль.

— ”Ну, приятель, скажи откровенно: кого ты нашел во мне?” — обратился Губашин по прошествии некоторого времени к своему кровному врагу.

— "Истинного молодца, настоящего джигита, который заслуживает другой участи, чем он себе заготовил. Жалею очень, что он умрет не смертью праведника, а как грязная, нечестивая свинья, утопившаяся в нечистотах тяжких грехов против Бога и людей. Но и ты сознайся, безбожный людоед и божий враг, не нашел ли и ты мне достойного соперника в только что прошедшей между нами схватке?" — ответил ему Шамиль.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Взятие аула Шаботль. Признание власти имама чиркеевцами. Бой с русскими под Ишкарты. Вступление мюридов в Эрпели. Уллубий и его преступники. Присоединение к мюридам карнаевцев. Разоренное имение Ахмет-хана в Тлазлуке. Приезд к Шамилю ханского нукера Тедурила Магомета из Мушилы. Взятие Янги-юрта и Чир-юрта. Переход гимринцев на сторону имама. Шамиль в Ахульго на похоронах своей жены Джанхараты. Нападение унцукульцев на мюридов. Приход русских в Гимри. Бой с несчастным для мюридов исходом.

От нанесенных разбойником Губашиным ран Шамиль не мог подняться с постели около 20 дней. А между тем мюриды, жаждавшие шариата и скучавшие без дела, просили его начать военные действия скорее.

— "Если ты не в состоянии сесть на коня — мы понесем тебя на себе", — говорили они ему.

Ввиду этого, еще не оправившись как следует от ран, Шамиль выступил в поход, оставив семью у кунака в ауле Димшизе. Мюриды сперва пошли на аул Цоботль. Цоботлинцы, усиленные богоотступниками Андреевских и других аулов, решили оказать сопротивление. На аул мюриды напали с трех сторон. С одной стороны руководил опера-

циями сам Шамиль, с другой Амирхан из Чиркея, с третьей Мамедхан из Андры. Соппротивление было сломлено, цоботлинцы разбиты и рассеяны и Джамаат их явился к Шамилю с изъявлением своей покорности шариату.

Отсюда имам направился на аул Чиркей, расположил-ся на горе, недалеко от аула и потребовал от аульной общины принятия шариата. Между сторонниками шариата и врагами последнего возникли разногласия. В конце концов первые взяли верх.

Присоединивши к своему отряду чиркеевцев, Шамиль двинулся на аул Ишкарты. Здесь Шамиля встретили русская, кумыкская и мехтилинская милиция во главе Шамхала Абумуслима и Ахмедхана. Шамиль начал бой. Чиркеевская молодежь стремительно бросилась на врага, частью же обратила его в бегство.

Отсюда победители двинулись на Эрпели. Жители его не оказали никакого сопротивления. Тем не менее, Шамиль приказал сжечь дом их владетельного бека Уллубия. Этим имам хотел отомстить беку за его закоснелую вражду к шариату и его вероломство: по взятии Ахульго русские назначили его наибом Койсубулинским. Занимая эту должность он, от имени русских, объявил по подчиненному себе району, что выдаст целую мерку серебра тому, кто доставит Шамиля; когда такого безбожника среди местного населения не оказалось, он нанял горского еврея для приведения в исполнение этого злодейского замысла. Наймит прибыл в Чечню для исполнения этого поручения, однако при виде имама его охватило раскаяние, — он показал ему полученное от Уллубия средство для смерти (яд) и тут же перешел в ислам.

Потерпев неудачу в своем позорно безбожном деле, Уллубий однако не переставал вредить Шамилю всякими способами и средствами. Он послал сказать гимринцам, что в случае, если они безотлагательно не вернуться в свое родное селение, имущество их будет конфисковано, в Анди и

Ботлихе русские возведут укрепления, в Дагестане будут брать людей в солдаты для того, чтобы послать их в действующие против султана войска.

Такое поведение, такие действия и угрозы причиняли делу распространения газавата немало вреда и за все это имам приказал при занятии Эрпели сжечь дом Уллубия.

Из Эрпели имам вернулся в Каранай. Здесь, в виду наступления страдного времени жатвы и покосов, он отпустил черкеевцев по домам. Сам же с андийцами отправился в Чечню.

Отсюда, присоединив к отряду чеченцев, он через аул Ансалты и Тохиди появился в имени Аварского хана в Тлозмуке и разрушил здесь ханскую усадьбу и сад. Этим он хотел вызвать на себя из Хунзаха недавно назначенного русскими на Аварское ханство Ахмедхана Мехтулинского. Но он ошибся в своем расчете. Хан не двинулся с места.

В Игали к Шамилю явился ханский нукер Тедурил Магомат из аула Машулы и заявил:

— "Хан прислал меня сюда сказать тебе, что он дарует тебе лошадь и ружье, захваченные твоими мюридами из его дома в Глазмуке; но сам я к хану не вернусь, так как желаю остаться при тебе и послужить делу богоугодному".

— "Ты лжешь, — возразил ему Шамиль: никто из моих мюридов ни ханской лошади, ни ружья не видел. Поищи, разузнай и если ты их у кого-нибудь найдешь, возьми и убирайся вон отсюда. Ты нам не товарищ: мы тебе не верим. Ты холоп ханский, присланный сюда для того, чтобы проведать, что делается у нас здесь".

Тедурил Магомат стал клясться и уверять имама, что он глубоко сочувствует святому делу шариата и чистосердечно хочет служить ему.

— "Если так, — сказал Шамиль, — вернись назад, убей самого преданного хану слугу и вернись с поличным сюда. Тогда мы поверим тебе и охотно примем в свою среду".

Тедурил Магомат уехал и уже больше не вернулся на-

зад в стан мюридов. Впоследствии Хаджи Мурат, по переходе на сторону Шамиля, заявил, что мушулинец действительно был послан ханом, чтобы убить Шамиля.

В Игали мюриды не долго отдыхали. Они выступали отсюда в поход по направлению кумыкской плоскости.

Заняв Чир-Юрт и Янги-Юрт, они выслали свою конницу для захвата овечьих стад с зимних пастбищ на кутанах. Во время отсутствия конницы в этой командировке, русские напали на пехоту, остававшуюся в названных аулах, и рассеяли ее, причем захватили и аманатов, взятых Шамилем от различных обществ в залог верности шариату. Однако, имаму снова удалось собрать своих пеших и присоединить к конным. Три дня мюриды отдыхали и управлялись на горе "Пировозе" от нанесенного им неверными поражения. Затем они снова напали на Чир-Юрт и Янги-Юрт, взяли их обратно, захватили здесь богатую добычу, сожгли оба аула и выселили жителей отсюда в более безопасные места.

Вскоре после этого Шамиль послал в Гимры карнаевцев и чиркеевцев уговорить жителей добровольно перейти на сторону мюридов. Посланные выполнили с честью возложенное на них поручение.

С гимринцами и другими приверженцами Шамиль через Ащильту пошел на Ахульго. Здесь он разыскал труп своей жены Джавхарат и предал его земле, потом вернулся в Гимри.

На пути на него врасплох напали унцукульцы и нанесли ему сильное поражение. Зачинщики этого безбожия предводителем имели Шагман муллу. Почти в одно время с этим в Гимринском ущельи появились и русские. Оставив Шамиля в мечети, мюриды пошли навстречу врагам. Произошел бой. Правоверные обратились в бегство. Шамиля кто-то известил об этом. Он выскочил босиком из мечети и увидел бегущих в панике мюридов. Тщетно он кричал и убеждал их, чтобы они собрались и до появления русских

укрепились и заняли узкий проход перед аулом. Мюриды рассеялись во все стороны. Поэтому и имам вынужден был оставить аул и с немногими своими приверженцами идти в Сугратль.

Здесь он опять собрал своих. В наказание отобрал у нескольких слишком трусливых мюридов оружие и бросил его в Койсу.

В этом несчастном деле пал и личный закадычный друг и боевой товарищ имама Тагир из Унцукуля. Труп его оставался на месте схватки с русскими до ухода последних из Гимри никем не тронутый, ничем не прикрытый. Его нашла родная мать, долго искавшая его. Она подошла и припала к нему, говоря:

— "Счастливым путь, мой дорогой сыночек, в тот прелестный край, по которому ты тосковал всю свою жизнь и которого ты достиг наконец!"

Она произнесла это без скорби и печали, тихо и спокойно.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Переход Хаджи-Мурата на сторону Шамиля. Удачный бой с русскими под Сагит-Юртом. Новая поездка Шамиля по Чечне. Молодецкие набеги Ахвердил Мухаммеда на русские владения. Красавица пленница армянка. Ее переход в ислам и бракосочетание с имамом.

В Сугратле имам получил сведения о появлении русских в Сагит-Юрте. Имам поспешил туда на помощь правоверным. В Гельденгине к нему приехал Хаджи-Мурат, бежавший из русской тюрьмы. Русские при первой встрече дали тягу. Мюриды энергично преследовали и истребляли их.

До половины зимы имам разъезжал по аулам, пропо-

ведущая шариат и газават против неверных. По окончании этой поездки, он вернулся к своей семье после годичной разлуки с ней.

Пока имам отдыхал от тяжелых невзгод долгой боевой жизни, его храбрый и доблестный наиб — Ахвердил Мухаммед делал молодецкие набеги на русское притеречное население: брал города и села, забирал в плен неверных и захватывал их богатства. Между прочим, он громом нагрнул на Моздок и в числе множества пленных привез оттуда одну красивую армянку.

Мюриды застали ее молящейся в церкви, когда все жители в панике бежали из города по направлению к Ставрополю. Ее пленные спутники сообщили Ахвердил Мухаммеду, что она была невестой одного старого русского генерала. Девушка скоро перешла в ислам, получила имя Шуанат и сделалась женой Шамиля.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Взятие Чир-Юрта в третий раз и набег Шамиля на Терек.

Чир-юртовцы самовольно вернулись на старое место, выстроили заново аул, обвели его крепкой стеной с башнями и бойницами. Имам выступил против них, чтобы наказать строго заслушание себе. Аул был окружен со всех сторон и взят без особенных потерь и хлопот. Часть провинившихся была истреблена, часть спаслась бегством. Многие добровольно сделались верными осаждавшим.

Наказав, таким образом, за неповиновение чир-юртовцев, имам налетел на Терских казаков. Он сжег множество сел и забрал богатую добычу скотом и другим имуществом. Казаки, сперва слабо сопротивлявшиеся, перевезли в укрепление свои семейства и вступили в бой. Мюриды не

выдержали и в беспорядке разбежались. Имам, наблюдавший за боем с командующего над полем сражения бугра, насилиу собрал бежавших вокруг себя. Он упрекнул своих в трусости, пригрозил им строгим наказанием, под своим личным начальством повел их на врага и заставил последнего укрыться в укреплении.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Постройка русскими укрепления Евгеньевского.

В 1256 (1841) году до сведения Шамиля дошло, что русские подходят к аулу Чиркей. Было предписано набрам явиться со своими ополченцами на помощь чиркеевцам. И сам он с немногими, находившимися при нем мюридами, поспешил иуда. Русские наступали на аул по берегу реки Сулака. Жители энергично задержали их и заставили отступить.

Тогда неприятель, совершив обходное движение, явился со стороны местечка под названием "Гусейнова мельница". Имам попытался было дать ему отпор из прочных завалов, но это ему не удалось, потому что наибы не подспели вовремя к нему на помощь. Шамиль с мюридами оставил аул и тогда им беспрепятственно овладели русские. Тут же они приступили к постройке укрепления на правом берегу Сулака перед самым аулом.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Смещение с должности наибов Шуайба Басулова и Галбац-Дибера. Казнь Басулова. Занятие Анди. Бегство Галбац-Дибера. Вторичное отступление русских от аула Ауха.

Другой русский отряд наступал, направляясь к аулу Ауха.

Навстречу ему были посланы мюриды под начальством своих наибов. Сам имам наблюдал с небольшой возвышенности за ходом военных действий. Скоро он заметил, что мюриды бегут в беспорядке и без оглядки. Шамиль стал спрашивать: в чем дело? Ему сказали, что мюриды отступают по приказанию своих наибов Галбаца Каратинского и Гехула Андийского. Русские, однако, почему-то не заняли аула и ушли назад. Шамиль тоже вернулся домой.

За это дело наибы были смещены со своих должностей. Шамиль даже не пощадил и храброго Шуайба для примера другим.

Однажды Лабазан из Анди передал Шамилю, что он слышал своими ушами, как Басул говорил мюридам:

— "Я от вашего имени попрошу имама назначить снова Галбац-Дибера наибом и, если он откажет в этой просьбе, мы сами назначим его".

Вскоре, когда Басулов пришел к нему, Шамиль убил его тут же.

Имам получил сведения, что в Анди растет и крепнет партия, враждебная шариату. Поэтому он со своими мюридами отправился туда. Андийцы не хотели его пустить к себе. Затем за ним приехал сын Лабазана со своими приверженцами. В сопровождении их мюриды пошли в аул и тут же Лабазан был назначен наибом.

В Карату для приема наибства, общественных сумм и имуществ от Галбаца Дибера был послан Яхия из Чиркея. Но Галбац-Дибера там не оказалось. Он бежал оттуда с общественной казной. Каратинцы сообщили Яхие, что Галбац-Дибир давно готовится к борьбе с Шамилем и писал мужественные воззвания к Гидатлинскому обществу. Новый наиб обо всем донес подробно имаму.

В это время имам с мюридами шел на помощь Аухцам против наступающих русских. Однако последние при его появлении повернули назад.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Взятие аула Унцукуля второй раз.

Осенью этого года имам тяжело заболел. Тем не менее, он послал Абакара из Аракани с мюридами для взятия Унцукуля. В глубокую ночь мюриды тихо и незаметно вошли в аул и, заняв крышу мечети, оглашали всю ночь воздух криками "Ляиль-лаха-иль-Аллах". Охваченная трепетным страхом часть богоотступников бежала, часть была захвачена в плен, часть же вынуждена была сдаться на милость мюридов. Наибом в Унцукуле был назначен один из ученых, а в помощники ему Раджабиль Магома из Черкея. В залог верности шарияту взято много было аманатов, в числе коих был и известный Кибит Хаджиов.

Скоро новоназначенный наиб и его помощник стали отбирать в общественную или государственную казну имущество бежавших унцукульцев. Это не понравилось многим из них. Они возненавидели шарият. Масло в тлевший огонь тихонько подливал отпущенный Шамилем домой Кибит Хаджиов. Он потом и открыто стал руководить заговором. Улучив удобное время отсутствия имама, бывшего в Казикумухе, унцукульцы через главаря оповестили, чтобы каждый домохозяин задержал своего кунака и учинил над ним строгий надзор. Во время оглашения этого приказа, наиб находился в мечети, а мюриды у своих кунаков. Правитель бежал босиком, а мюриды были пойманы и брошены в ямы.

Этим богоненавистничеством злодеяния унцукульцев не ограничились: они пригласили к себе русских, те построили для себя укрепление и водворились в качестве их защитников и друзей.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Покорение Джаватханом Куяндинского и Карадахского обществ.

Тлетлинский наиб Кебет Мухаммед явился к имаму с просьбой покорить шариату Куяндинское и Карадахское общества и назначить его над ними наибом. Шамиль возложил эту миссию на Джаватхана во главе андийцев.

Куяндинцы оказывали в первое время серьезное сопротивление. Каждый поселок, каждый хуторок приходилось брать открытой силой, но Джаватхан делал свое дело решительно, смело и успешно. Когда к нему с предложением своего посредничества между ними и куяндинцами явился Омарил-Мухаммед из Карадаха, наиб охотно принял это предложение, сделанное с ведома и одобрения противной стороны. Соглашение с куяндинцами состоялось, и они выдали аманатов в залог своей верности шариату.

Когда Джаватхан спросил одного из упорных противников и виновника сопротивления: почему он так упорствовал в своей непокорности имаму и тем заставил без пользы пролить кровь правоверных, тот ответил, что кровью этой необходимо было окрасить Куяндинское ущелье, дабы оно не видело еще более ужасающих зрелищ.

Джаватхан, по приведении в покорность куяндинцев, послал Нур-Магому из Инхо в Карах с поручением привести это общество в повиновение шариату и взять от них тоже заложников. Карадахцы беспрекословно исполнили его требование и аманаты от обоих обществ были посланы на жительство в аул Чиркей.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Присоединение к шариату аулов Чох и Сугратль. Посол от Кази-Кумухского шейха Джамаэдтина. Взятие Кази-Кумуха и ханского дворца. Казни. Очищение аула Гоцатль от русских.

В 1258 (1842) году русские, заняв аул Чох, явились и у Кародинского моста, покоряя себе окрестные аулы. Имам собрал своих мюридов и пошел на них. Неприятель поспешно отступил и имам, преследуя его по пятам, пришел в аул Чох. Отобрав от чохцев оружие в залог верности их шариату, Шамиль двинулся на Сугратль и подчинил его себе. Только один мулла, не желая покориться шариату, бежал в Казикумух к русским.

Из Сугратля имам перешел в покорный ему аул Тлетль. Здесь к нему явился один казикумуховец и заявил:

— "Я посланец шейха Джамалэдтина. Вместо письма он послал тебе в подарок три финика и приказал тебе передать вот что: если ты думаешь когда-либо осветить Казикумух светом шариата, то переживаемое ныне нами время самое благоприятное для этого".

Имам принял совет шейха и пошел на Казикумух. На пути его туда мюриды просили отпустить андаляльских заложников, но встретили решительный отказ:

— "Мы идем на Казикумух, — заметил от мюридам, — чтобы установить шариат, уготовить себе место среди похороженных там мусульманских угодников Аравии и сделаться праведниками рая. В чем же наши Андаляльские друзья провинились так сильно, чтобы лишить их Божьей благодати?"

Имам временно остановился в ауле Бухти. Сюда к нему пришел Джамалэдтин с просьбой не въезжать в Кумух.

— "Как, — вскипел Шамиль, — через посланного ты

просил меня поспешить сюда, а теперь просишь поскорее удалиться отсюда?”

— “Никого я к тебе не посылал и никогда я об этом не просил!” — смело отвечал тот.

Но Шамиль все-таки решительно отказал ему в просьбе и приказал взять аул силой, если он мирно и добровольно не примет его. Произошла схватка, кончившаяся в пользу Шамиля и мюридов. Жители окрестных аулов, пришедшие на помощь своим сородичам, при первом же атакующем разбежались по домам. Члены ханского дома скрылись в укреплении. Мюриды сделались полными хозяевами города и богатой добычи. На другой день сдалось и укрепление, тесно охваченное кольцом мюридов. В числе пленных оказался один важный русский военачальник,¹ Яхия-Будуя-Оглы из Джунгутая, Сугратлинский мулла и другие.

Из числа пленных имам приказал казнить 15 человек, между коими был и Яхия. Важная русская персона была отправлена в Дарго,² а остальные были отпущены в Кюринский округ.

Назначив наибом новопокоренного края сугратлинца Алия и захватив с собой много заложников, имам двинулся в аул Гоцатль, который, по дошедшим до него слухам, был занят неожиданно пришедшими туда русскими. Могучим и дружным натиском мюриды здесь рассеяли врагов Аллаха и забрали в плен много солдат.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Яхия Хаджи и его неправильные действия: Взятие русскими аула Шуракли. Прибытие Шамиля в Кази-Кумух. Послание имама к Даниель Султану. Бой под Кюлюлей. Смертная

¹ Полковник Снесарев, управляющий Самурским округом, назначенный сюда для наблюдения за поведением Казикумухских ханов.

² Ведено.

казнь, совершенная Ахверди Мухаммедом над крикуном. Попытки Шамиля снова занять Кумух. Нападение на мюридов. Растерявшийся Баширхан. Очищение мюридами Казикумуха.

Имам предписал Карахскому наibu Абдурахману оказать в Кумухе деятельную поддержку Яхия Хаджи, принявшему добровольно сторону мюридов. Абдурахман предоставил в его распоряжение в качестве телохранителей несколько конных мюридов. Но Яхия Хаджи оказался плохим администратором: он не придерживался никаких порядков, никаких правил, никакой дисциплины. Он все делал самовольно, хотя в душе и враждебно к русским, но без всякого согласования своих действий с общей целью мюридов. Пришли русские и без боя заняли Шуаркю. Яхия Хаджи бежал. Его приверженцы рассеялись.

Имама сообщили об этих печальных событиях. Он двинулся в Кумух. После переправы через Койсу у аула Унчугатль, мюриды были остановлены ружейным огнем неприятеля. Проведав, что среди русских находится Даниель Султан со своей конницей, имам послал ему сказать:

— "Ты оставайся там, а я через три дня водружу знамя шариата на крыше твоего дома".

Это была только хитрость с целью отвлечения неприятеля в другую сторону.

Шамиль во главе мюридов занял аул Кюллю. Русские подошли и остановились прямо перед носом. Произошел отчаянный бой, окончившийся поражением мюридов. В этом бою особенно пострадала сугратлинская молодежь. Много мюридов, в числе их Абдурахман Хаджи, было взято в плен и отправлено в Тифлис. Имам получил известие, что русские отступают в Шуаркю. Он выступил ночью в Кумух. Один кюлюлинец стал кричать и оповещать во все горло, что мюриды бегут. Ахверди Мухаммед отыскал крикуна и собственноручно убил его.

Чтобы доказать местному населению, что он не бежит, а наступает на врагов, имам хотел переправиться по ту сторону реки и разрушить мост, но это ему не удалось вследствие некоторых неблагоприятных обстоятельств.

Тогда он остановился около Кумуха. Ночью на мюридов было устроено нападение и они обратились в бегство.

Имам и Ахвердил Мухаммед спешили и с конными и пешими двинулись далее в аул Дучи. Дучинцы встретили их несколькими ружейными выстрелами. Находившийся среди мюридов Башир-Хан пришел в замешательство, которое могло повлиять весьма дурно на всю рать мюридов. Имам приказал передать хану, чтобы он не волновался, иначе он не призадумается пустить ему пулю в лоб. Вместе с тем он приказал ему передать своим сородичам кази-кумухцам на их родном языке, чтобы они прекратили бесцельную стрельбу. Башир-хан беспрекословно исполнил волю имама и казикумухцы прекратили пальбу впустую. Здесь Ахвердил Мухаммеду пришлось бросить свою вьючную лошадь и быть вожаком русским солдатам.

Имам остановился на горе и потребовал к себе местных жителей, сказав им:

— "Если вы окажете мне помощь — я останусь здесь".

В это время к нему подъехал мюрид и сообщил радостную весть о происшедших в Кучуме¹ событиях. Имам вернулся в Дарго, но не застал там семьи: она при приближении русских бежала в Анди.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Выступление русских в поход на Дарго. Сказание Шахмирзы из Делима о настроении наибов Уллубия и Шуайба. Советы Хасай Мусая из Яксая русскому военачальнику гра-

¹ Ичкерии.

фу. Насмешка последнего над этими советами. Бой в Кучуме и поражение русских. Богатая добыча мюридов. Награждение Шуайба знаменем Аслан Хана казикумухского. Послание графа Шуайбу и ответ последнего первому.

Получив известие о движении Шамиля к Кази-Кумуху, граф¹ решил сделать на Дарго набег с целью захватить семью имама в плен. Многочисленный отряд русских двинулся в поход по границе между наибством Уллубия и Шуайба.

Шахмирза из Делима передавал интересные сведения о настроении этих двух наибов перед началом встречи с русскими войсками. Уллубия он нашел в удрученном состоянии духа и в заботах о своей семье. Шуайба же — завалами на пути движения гяуров. Он был похож на льва, готового броситься на верную добычу.

— "Ну как себя чувствуешь, наиб, и что думаешь делать теперь?" — спросил Шахмирза его.

— "Я себя никогда не чувствовал так хорошо и весело, как теперь, и я, не думая, решил бесповоротно не показать спины своей врагу, пока не отдам свою грешную душу", — ответил тот ему.

— "А товарищи твои, мюриды, как относятся к твоему решению?"

— "Они-то меня и вдохновляют. Они говорят, что лягут костями до единого в этом лесу и пропустят врага только через свои трупы".

Шахмирза опять явился к Уллубию и сообщил ему о том, что видел у его соседа соратника. Уллубий вознесся духом и просиял. Чувство самолюбия и соревнования совершенно преобразило его.

Шуайб секретно посоветовал семейству имама заблаговременно переселиться в Анди, захватив с собою все, что

¹ Граббе.

возможно, и сжечь дом при вести о приближении гяуров. Открыто же он говорил всем:

— "Пока я жив, русские не возьмут Дарго".

Перед выступлением в поход русских, Хасай Муса из Аксая¹, говорят, убеждал графа отказаться от предпринимаемого им похода. Он говорил русскому военачальнику:

— "Что ты затеваешь, граф? Разве ты не знаешь, что в обширном и дремучем лесу Ичкерин много львов, жаждущих русской крови. В отряде имама много отчаянных удалцев-молодцов. Не одевай мюридов, оголив своих солдат. Не корми их, собак, мясом своих подчиненных!"

Граф не обратил внимания на это мудрое предостережение. Он гордо и самоуверенно выступил в поход. Русские шли целый день и не встретили никого. Граф насмешливо спросил Хасай Мусая:

— "Ну где же твои Ичкерманские львы?"

— "Завтра увидишь их, граф", — ответил ему Муса.

На другой день в лесу, действительно, показались мюриды. Началась редкая перестрелка, продолжавшаяся почти весь день.

— "Это так всегда дерутся твои львы?" — поднял на смех граф Мусая.

На третий день произошел ожесточенный бой. Два отважных наиба, во главе жаждавших газавата мюридов, окружили неприятеля со всех сторон. Мюриды дрались самоотверженно. Джаватхан был смертельно ранен. Умирая, он кусал себе пальцы от досады и сожаления, что уходит на тот свет, не утолив своей жажды русской кровью.

Враги защищались слабо, ибо они, кроме всего, были бессильны от жажды и голода: два дня они питались листьями и травой. Недалеко от Гульдара русские пришли в полное замешательство и повернулись назад. Ими овладела

¹ Ташкичу.

паника. Они обратились в бегство, бежали они в беспорядке, бросив на добычу мюридов раненых и отсталых, огнестрельные припасы, обоз и много иного имущества. Бесчисленное множество погибло их в этом бою¹. Мюридам досталась масса добычи, между прочим огнестрельные припасы и 2 орудия.

Шамиль, по возвращении в Дарго, подарил Шуайбу в награду за его поразительную храбрость, находчивость и распорядительность любимое свое знамя, расшитое золотом и принадлежавшее раньше Асланхану Казикумухскому.

Граф послал нарочного сказать Шуайбу:

— "Ты не особенно кичись, дружище, что убил двух моих солдат, отправившихся в лес за дровами!"

Уллубий ответил ему:

— "Я не кичусь и не имею основания кичиться. Ты, граф, напраслину на меня возводишь. Я гораздо раньше тебя слышал, что два русских, отправившихся в лес за дровами, убиты двумя чеченскими малютками, ходившими туда за ягодами".

Граф с остатками своих войск вернулся в Шуру, но через месяц опять двинулся в Игали, где был встречен имамом во главе его мюридов и потерпел поражение.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Решение имама искать поддержки у султана. Услуги Юсупа-Хаджи в деле сношения имама с султаном. Депутация Шамиля. Прибытие ее в Абхазию. Неудачная попытка к отъезду в Константинополь. Поездка одного из членов депутации (шейха из Чиркея) в Турцию и возвращение остальных ее членов домой.

¹ Потеря отряда, по официальным данным, состояла из 66 офицеров и 1469 нижних чинов.

Сподвижники часто советовали имаму искать помощи у Хункара. Шамиль долго не обращал внимания на эти советы, говоря, что он ищет помощи только у Аллаха.

Однажды имам получил письмо от черкеса Юсупа-Хаджи, служившего при султани. Он, между прочим, писал ему:

– "Если желаешь переписываться с Хункаром, то можешь это делать через меня".

О своем желании послать письмо султани, Шамиль сообщил своему ученику, – чиркеевскому Амирхану. Последний вызвался доставить это письмо по назначению. В помощь ему Шамиль назначил еще трех мюридов: его же односельца шейха, Балаханца Мусу и Иса-Хаджи. Депутация была возглавлена Амирханом и остальным членам ее было строго приказано во всем слушаться его. Депутации также была внушена мысль, что ее миссия заключается только в доставке по назначению письма и что она не уполномочена вступать в переговоры с Хункаром.

Посланные прибыли в Кехи и остановились у выходца из Абхазии Султан-бека. Они жили здесь, – не показываясь никому и никуда, – до возвращения имама из Казикумуха.

Между тем кем-то до сведения русской власти уже было доведено, что имам послал депутацию из четырех своих сподвижников в Стамбул. Последовало приказание занять все дороги усиленным караулом. На один из таких караульных постов наехало несколько черкесов, принятые караулом за Шамилевских депутатов, они были уничтожены. Этот несчастный случай повел к тому, что сторожевые посты упомянутого назначения были сняты и совсем упразднены.

Тем не менее, депутация при этой поездке соблюдала все меры предосторожности. Днем она скрывалась, ночью продолжала путь.

Она благополучно прибыла в Абхазию и передала

Юсуп-Хаджи письмо от Шамиля. Шамиль писал ему, что он отправляет четырех мюридов, согласно письменного предложения его и просил направить их по назначению.

Несколько времени депутация оставалась у Юсуп-Хаджи. Хозяин свободно сообщал каждому о цели пребывания у него его гостей. Амирхан потребовал у него объяснения по поводу такой невоздержанности его языка. Юсуп уверял его, что он вполне надеется на своих сородичей и ни в коем случае не допускает с их стороны предательства.

Депутация выступила и скоро прибыла к той части морского берега, которая находилась между Анапой и Сухумом. Между этими крепостями русскими построены и другие укрепления. Наши враги боролись в это время с здешним населением.

Мюриды остановились у своих кунаков в ожидании прибытия турецкого судна. Прибыло одно судно, но сесть на него депутации не удалось, так как оно зорко охранялось русскими. Прибыло другое — и оно оказалось пробитым насквозь ядрами русских орудий.

В это время к берегу пристал сын одного из влиятельных Крымских ханов. Депутаты тут же познакомились с ним и тот говорил Амирхану, что он в качестве заложника находится у русских около 10 лет, основательно знает их язык и все науки и что в одной из книг говорится так:

— "Для водворения хороших порядков хотя бы в одном селе необходимо сильное ослабление русского могущества"

Амирхан спросил его:

"Когда же именно это будет?"

Он ответил:

— "Через 7 месяцев"

Прибыло наконец и третье судно. Немного спустя по прибытии его, раздался страшный треск и шум. Депутаты спросили о причине этого шума. Им отвечали, что это русские взорвали турецкое судно.

Депутация дождалась прибытия четвертого судна.

Амирхан сказал одному из своих хороших знакомых — Гассан-бею, — что он с товарищами желает отправиться в Мекку и не находит подходящего судна для выезда. Тот предложил придти к нему с товарищами и обещал помочь в этом деле. Но, оказывается, вскоре после такого обнадеживания, их местный русский начальник потребовал его к себе и спросил: не проживают ли у него посланцы Шамиля из Дагестана в Стамбул к турецкому султану?

— "Если скрываются у тебя, — сказал он, — пусть они поселятся тут: им нельзя рассчитывать на благополучную поездку в Стамбул".

Гассан-бей спросил затем их:

— "Не вы ли Шамилевские депутаты? Скажите мне правду!"

Депутаты сознались ему чистосердечно.

— "В таком случае, — заявил им кунак, — не могу я исполнить вашей просьбы. Если русские узнают, что я скрывал вас и помог вам выехать в Стамбул, то они живьем сожгут меня на костре и конфискуют все мое имущество".

Убедившись, что вследствие своевременно принятых русскими строгих мер, нельзя рассчитывать на достижение поставленной им имамом цели, депутаты долго совещались между собой и решили: шейху отправиться к Хункару с письмом от Шамиля при первом представившемся благоприятном случае, всем же остальным членам вернуться назад.

Амирхан и Муса считали Юсупа виноватым в их неудаче и решили покончить с ним по дороге, если он поедет с ними вместе в Дагестан для свидания с Шамилем, снисходя к их настоятельной просьбе. Хотя Юсуп-Хаджи и поехал с ними вместе, но решение свое, по независимым от них обстоятельствам, они не могли осуществить.

Депутаты вернулись домой, подвергаясь по дороге всякого рода опасностям, через страны, занятые русскими. Шейх выехал, благополучно прибыл в Стамбул и вручил письмо имама султану.

Хункар сказал посланному, что он через 7 месяцев даст ответ Шамилю.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Кузнец Джабраил. Его сон о святом его назначении. Его явка к Шамилю с предложением своих услуг. Первый неудачный опыт отливки орудия. Второй — давший блестящие результаты.

В Унцукуле был кузнец, очень хорошо знавший свое дело. Звали его Джабраилом. Джабраил отправился в Мекку с разрешения имама. В Египте ему снилось, что ему повелевалось Аллахом вернуться в Дагестан, чтобы помочь святому делу шариата. На обратном пути из Мекки он остановился в Константинополе. Египетский сон здесь повторился и Джабраил, по прибытии на родину, поспешил к Шамилю.

Он повел с ним разговор, что хорошо было бы иметь орудия собственного производства из лома чугуна, доставшегося в Чечне в добычу от русских. Окружающим имама эта мысль очень понравилась. Сам же Шамиль сперва выразил сомнение в возможности осуществления этой затеи. Главным препятствием к этому он считал недостаток материала для такого производства. Тем не менее попытки были сделаны.

Первый образец орудия не выдержал испытания: орудие разорвалось пополам при первом же выстреле. Эта неудача сильно повлияла на отношение к этому делу Шамиля. Он поклялся тут же, что добьется своего и не пожалеет рас-

ходов, если даже придется продать лошадь и ружье, лишь бы ненавистники веры не имели основания радоваться неудаче и поднять ее на смех.

Второе орудие хорошо выполнило свое назначение и оказалось годным к употреблению в деле. В прислуги для этих орудий Аллах дал русских солдат дезертиров. Порох тоже был своего производства. Чугун и свинец приобретались в Ашильте, в окрестностях Ахульго и в других местах, где происходили битвы с русскими.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Усмирение общества верхнего (горного) Буртуная. Свято-татственные насмешки над имамом и шариатом. Убеждения и угрозы Шамиля. Поход. Ночное нападение повстанцев и полное поражение их.

По дурному и богопротивному примеру казикумухцев и унцукульцев, население верхнего Буртуная возымело желание отложиться от имама и жить в разврате, произволе и своеволии. Насмехаясь над имамом, оно прислало ему сказать, чтобы он снова явился к нему, так как данный им шариат улетел от них куда-то в небытие.

Шамиль послал к ним мюридов для образумления и обращения их на путь истины, но посланные вернулись несолоно хлебавши. Имам опять предупредил через посланных, что в случае упорства в ереси и сопротивления шариату он пойдет на них со всеми силами, собранными против неверных. Но и на это мудрое предостережение они опять ответили глупой насмешкой:

— "Приди и возьми от нас свой шариат. Мы его положили в кожаный мешочек и крепко зашнуровали".

Имаму, волей-неволей, скрепя сердце, пришлось идти на богоотступников со всеми своими силами и артиллерией.

Чеченцы ожидали его на одной высокой горе. Шамиль остановился недалеко от них на ночлег. В полночь повстанцы с двух сторон напали на него. Мюриды мужественно отбили это нападение и сами перешли в наступление. Вероотступники бежали и заперлись в своих башнях. Но это их не спасло. Аллах парализовал их волю и всеми ими овладел страх и ужас. Их башни и сакли были разрушены и имущество захвачено. Это случилось весной 1259 (1843) года.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Взятие аула Унцукуля с русским укреплением. Жажда мюридов к газавату и старания имама умерить ее. Донесение Хаджи-Мурата о сносе водой мостов. Сон Шамиля и толкование его. Собрание мюридов на Игалинском поле. Предложение шпиона хунзахцев и ответ на него Шамиля. Поход мюридов против аула Унцукуля и истребление русских, спешивших на помощь своим и унцукульцам. Молитва имама к Аллаху и ответ последнего стихом из Алкорана. Взятие аула и укрепления. Трофеи победы.

Мюриды, видя, что Аллах помогает им в борьбе с неверными, жаждали новых стычек и столкновений и выказывали нетерпение. Они горячо и настойчиво просили имама выступить в поход. Шамиль указывал на свою малочисленность в сравнении с громадной численностью врагов и на недостаток огнестрельных припасов, в особенности оружейных снарядов, которых было только около 1000 штук.

Так обстояло дело, когда имам получил от Хаджи-Мурата донесение о сносе полой дождевой водой мостов, за исключением одного, во вверенном ему районе. Шамиля это донесение глубоко опечалило. Он видел в этом бедствии предвестник своего несчастья. Он был задумчив и угрюм. Личный его друг и любимый ученик, Амирхан Чир-

кеевский, советовал ему не поддаваться настроению, которое может быть и результатом дьявольских ухищрений и козней. Он предложил своему учителю просить Аллаха показать ему в сновидениях ближайшее будущее. Шамиль послушался своего любимца: горячо помолвившись Богу, он лег спать.

— "Я видел себя сидящим на высочайшей горе Эльбрусе, — сказал он на другой день своим близким. — Этот сон я считаю предвестником предстоящих нам в ближайшем будущем блестящих подвигов. Теперь я вполне надеюсь, что мы скоро покорим непокорных хунзахцев и возьмем ряд русских укреплений, связывающих этих вероотступников с гяурами".

Тут имам разослал свое приказание ко всем наибам, чтобы они, с подчиненными им боевыми силами, собрались на Игалинское поле, захватив с собой, кроме огнестрельных припасов, и трехдневный запас пищи. Туда он выехал и сам. Здесь к нему явился шпион, посланный хунзаховцами, который просил его приехать к ним в Хунзах для введения шариата.

— "Я никогда не начинаю своего дела из середины в сторону, — ответил имам спокойно шпиону, — я всегда иду от одного конца к другому и иду упорно, настойчиво, пока не дойду до намеченной цели. Очередь дойдет и до вас. Ждите спокойно и терпеливо".

По прибытии гумбетовцев с чиркеевскими бойцами на сборный пункт и по обсуждении настоящего дела на общем собрании, Шамиль направился с наличными силами на сел. Унцукуль. Унцукульцы двинули против него одну конную сотню. Большая часть их была уничтожена при первой же встрече в жесточайшей схватке, а жалкий ее остаток, бежавший и скрывшийся в одном из хуторов, был добит там же на месте.

На другой день после этой кровавой стычки с унцукульцами, имам получил известие, что довольно сильный

отряд русских, пройдя селение Харачи, направляется на унцукульскую местность Миткаль, с намерением выручить унцукульцев и свой гарнизон из беды. Шамиль хотел сам пойти с мюридами против этого отряда, но совет старейших мюридов нашел целесообразным дать это поручение Тлетлинскому наibu Кебет Магоме, и Кебет Магома, захвативший быстрым и решительным движением русский отряд, застрявший и блуждавший в Микатле, уничтожил его совершенно. Из 600 бойцов спасся бегством только один. В снятую с погибших русскую одежду Шамиль одел своих русских солдат, дезертировавших к нему временно из своих частей.

Горячо помолился имам за дарованную ему великую победу и после молитвы распростер свои руки кверху и дрожащим от волнения голосом воскликнул громко:

— "О Боже! Мне кажется, мне думается, мне верится, что унцукульцы находятся в заблуждении! Если это так, то помоги мне обратить их на путь истины. Если же я ошибаюсь, — отведи меня отсюда прочь с моими мюридами"

По окончании молитвотворения имам лег спать и заснул крепким и глубоким сном. Во сне ему приснилось громкое чтение стиха из Алкорана следующего содержания:

— "Сколько городов сметено Аллахом с лица земли, когда их обыватели погружались в заблуждение!"

Имам встрепенулся и проснулся. На душе его стало ясно и светло. Он рассказал своим приближенным о том, что ему слышалось и чудилось во сне, и это явление он объявил предтечью великих событий, чреватых благими последствиями для шариата и его поборников.

Перед атакой Унцукуля он приказал наibaм выстроить своих подчиненных в указанном им заранее порядке для собеседования с ними о важности и серьезности предстоящих им подвигов. Воодушевив всех горячей проповедью и благословив их на святое дело, он затем обратился к

наибам и указал каждому из них на его задачу и ответственность за ее плохое выполнение. После этого он дал знак к общему штурму аула.

Штурм продолжался недолго. Аул был взят дружным порывом атакующих. Защитники рассеялись во все стороны. Часть их с семьями и имуществом скрылась в укреплении и смешалась с его гарнизоном.

Укрепление также было окружено и затем атаковано небольшой частью мюридов. Сперва последовал залп, потом учащенный ружейный огонь. Мюриды не выдержали, дрогнули и отступили в беспорядке.

Эта неудача деморализовала всю осаждающую рать. Ряды ополченцев стали редеть вследствие бегства малодушных. Шамиль слез с коня, подбежал к отступающим, стал упрекать их в трусости, некоторым пригрозил смертью и снова повел их на штурм и сам близко подошел к укреплению. Это подняло дух у осаждающих и убило у осажденных. Бой загорелся с новой силой, но оборвался скоро решением защитников сдаться на милость победителя.

Кебет Хаджиов, во главе с гарнизоном укрепления, явился с повинною к Шамилю, и в добычу мюридам досталось орудие, огнестрельные припасы и прочее имущество укрепления. Аул с укреплением был сожжен дотла.

В этом бою было убито 180 мюридов и ранено 1500¹

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Взятие укреплений: Балахуны, Максака, Цатаниха, Ахачи и Гоцатля. Мнение ученого Заголова о выселении хунзахцев. Мнение других ученых и мудрых. Разрушение аула Хунзах.

Разрушив до основания аул Унцукуль и заставив его жителей в третий раз подчиниться шариату, Шамиль дви-

¹ Гарнизон укрепления Унцукуля состоял из 2 офицеров и 58 рядовых, при трех разнокалиберных орудиях.

нулся на Балахуны и легко завладел укреплением, гарнизоном, оружием, огнестрельными припасами и всякого рода имуществом.

Поблагодарив Аллаха горячей молитвой за новую победу и не теряя времени, он поспешил в Цатаних, взяв попутно и маленькую крепость в Моксаке¹.

Русские строили к Цотанихе большое укрепление, но в это время оно не было окончено, поэтому гарнизон его защищался частью в возведенном укреплении, частью в ближайших к нему саклях, и защищался неимоверно мужественно. Предложение сдаться было отвергнуто. Укрепление пришлось взять силой. Мюриды бросились дружно на орудие и солдат. Защитники были истреблены до последнего. Укреплению было сожжено. У Шамиля было правило: защищавшихся офицеров и солдат убивать; сдавшихся без сопротивления — щадить. Начальником русского отряда был приезжий офицер². Когда солдаты хотели сдаться, то он разнес их и заявил, что он без боя царское имущество никому не отдаст. Поэтому русские защищались так упорно и отчаянно.

В добычу мюридам достались пороховой погреб, склад огнестрельных припасов и многое множество иного имущества. Все это было частью продано, частью оставлено про запас на будущее время.

¹ Укрепление Моксака состояло из одной оборонительной башни с одним орудием и 25 штыками.

² Начальником гарнизонного укрепления Цатаниха состоял капитан Дементьев, выслужившийся из нижних чинов, человек преклонных лет, нерасторопный и нетрезвый, но в виду опасности совершенно преобразившийся и защищавший укрепление в высшей степени мужественно, энергично и самоотверженно. Во время пребывания командующего войсками генерала Клюгенау в Цатанихе еще до его осады в его личной свите состояло 5 гвардейских офицеров, присланных из Петербурга для выслуживания чинов и орденов. Они были прикомандированы к части, отправленной для занятия сел. Харачи, где и пали. Очевидно, о них здесь идет речь.

Из Цатаниха мюриды двинулись в Танус и отсюда одна партия их пошла на Ахалчи, другая на Гоцатль.

В Ахалчах русские хот.л и сделали для видимости несколько выстрелов, но сдались без всякого сопротивления.

В Гоцатле они оказали сильный отпор, который, однако, был сломлен. Орудие имама сбило с места русское орудие и убило 5 человек его прислуги. Укрепление, наконец, было взято силой. Пленные солдаты на месте были распроданы по дешевке (по 50 коп. человек).

Обо всем этом имам подробно сообщил в Хунзах в надежде, что все это устрашающе подействует на его жителей и заставит их отвернуться от русских. Одновременно с этим он обещал хунзахцам всевозможные льготы и выгоды, если только они добровольно подчинятся ему и проведут у себя шариат. Но все это ни к чему не привело: хунзахцы остались слепы и глухи ко всему тому, что истинные мусульмане должны были видеть и слышать.

Когда, Божьею милостию, Хунзахская земля была впоследствии очищена от неверных, имам завел речь с учеными о выселении жителей куда-нибудь. Он прежде всего обратился за мнением по этому предмету к высокоуважаемому всем населением ученому старцу Заголову¹

— "Сын мой", — ответил он Шамилю, — "я очень хорошо знаю, что ты не нуждаешься в моем мнении и одобрении своих действий кем бы ты ни было. Ты теперь выселяешь и можешь делать все, что тебе угодно, но я тебя все-таки попрошу вспомнить святой стих Алькорана: "счастье никогда не покидает только того, кто творит всегда одно добро".

Хотя имам принял к сердцу это указание, но он все же собрал большой совет своих ученых и мудрых своего народа для решения вопроса, и совет этот решил выселить

¹ Заголов — ученый, арабист и философ, пользовавшийся в горах большой популярностью, в особенности за свое человеколюбие.

хунзахцев, дабы уничтожить в корне зло для восторжествования добра.

Исполнение этого решения было возложено на обязанность самих жителей совместно с мюридами: аул был разрушен до основания. Остались только часовые шейха Абдулмуслима, — да простит ему Аллах все его земные прегрешения!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Прибытие Аргута в Хунзах. Совет наибов и неодобренное имамом решение его. Освобождение осажденных в Хунзахе русских войск. Неудачное нападение Аргута на партию мюридов под Танусом. Приказ Хаджи-Мурату о предании огню близко расположенных к укреплению аулов и выселении их жителей. Выступление русских из Хунзаха.

Русские были окружены во всех сторон мюридами в Хунзахе, но в это время имам получил известие, что Аргут с большими войсками идет на выручку своих в Хунзах. Он послал мюридов, чтобы задержать его. Обе стороны встретились в Чалдах. Мюриды были побеждены. Тогда имам собрал всех наибов на совет, чтобы обсудить: какие меры должны быть приняты при создавшихся новых обстоятельствах. Единогласно решено было разойтись по домам, согласно существующим адатным правилам, захватив с собой военную добычу. Шамиль не согласился с этим общепринятым решением.

Он сказал:

— ”Во-первых, армяшка подумает, что мы испугались его; во-вторых, — от продолжения борьбы мы имеем две выгоды: первая — мы сохраним власть над врагами, вторая — за нами останутся все приобретения благ газавата, которых мы лишились бы в противном случае. Так по-

терпим же еще, поборемся с неверными до последней возможности”.

Согласно такому решению имама, мюриды приступили к устройству завалов на пути движения врага, а наибы привели свои отряды в боевую готовность.

Вскоре после этого показалась кавалерия Аргута. Шуайб просил у имама разрешения встретить ее со своими мюридами и получил его. Но конница пылкого чеченца не выдержала и обратилась в бегство.

Аргут со своими войсками прибыл на Хунзахское плато, освободил в Хунзахском укреплении своих и торжествовал победу.

Поощряемый этими успехами, он решил напасть и на самого имама в Танда, не надеясь встретить никакого сопротивления со стороны его мюридов. Подпустив неприятеля на близкое расстояние, мюриды встретили его орудийным и ружейным огнем, причинив ему большие потери и обратив его в бегство.

Имам опять справился о мнении старца Заголова о намерении выселить жителей ближайших к укреплению Хунзах аулов и на этот раз не получил его одобрения.

И опять он собрал совет тех же ученых и мудрых, которые поддакивали ему в его решении относительно Хунзаха. Совет этот изрек в ответ:

– “Ты – наша голова, поэтому можешь поступить так, как тебе заблагорассудится”.

Довольный этим ответом, Шамиль поручил Хаджи-Мурату привести в исполнение свое бесповоротное решение относительно этих аулов. Хаджи-Мурат вихрем понесся по ним и обратил их в пепел. При этом он имел стычку с русскими у самого укрепления.

В это время до сведения имама дошло, что из Гоцатля идет к Хунзаху часть русских воинов. Он послал мюридов, чтобы устроить засаду и сам направился туда же. Мюридам пришлось здесь остаться на ночь и в эту ночь русские тихо и осторожно оставили Хунзах.

Шамиль в виду наступления Рамазана месяца, распустил всю рать и вернулся домой с богатой казной и добычей, назначив в Сиух Хаджи-Мурата наибом.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Набег Шуаиба на Кумыкскую плоскость.

В то время, когда Шамиль находился в Хунзахе, Шуайб сделал набег на Кумыкскую плоскость и пригнал оттуда громадное количество рогатого скота и овец. Очевидцы рассказывают, что одних овец было 15.000 штук. Набег был совершен без всякого ущерба для мюридов. Кумыки были сильно огорчены этой удачей мюридов. Не радовались, конечно, ей и все вероненавистники.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Взятие Гергебиля. Присоединение к мюридам цудахарцев и акушинцев. Набег акушинцев на русские владения. Осада акушинцами укрепления Тарки и освобождение его новопривывшими русскими войсками.

По возвращении из Хунзаха, имам остался дома только до Байрама. В первых числах нового месяца он вступил в поход против укрепления Гергебиля. Окружив Гергебель со всех сторон, он целую неделю бился с ним. Благодаря Божьей помощи, укрепление, наконец, было взято, гарнизон его уничтожен и имущество забрано.

После падения Гергебельского укрепления, к имаму явились с изъявлением покорности Цудахарский кади Аслан и Акушинский — Мухаммед.

Чтобы окончательно поссорить русских с акушинца-

ми, имам послал сына Мухаммеда-кадия, Абакар-Хаджи с его сородичами для захвата русского скота. Большинство посланных вернулось с дороги, опасаясь встречи с неверными. 18 смельчаков сделали свое дело и пригнали до 300 штук рогатого скота, захваченного с морского берега. Всед за этим акушинцы вместе с таркинцами и другими жителями окрестных аулов захватили русское судно и поделили между собой находившееся на нем добро.

Из Гергебиля имам двинулся на плоскость через аул Дженгутай, сжег попутно дворец Ахмедхана Мехтулинского и остановился в Большом Казанище, во дворе Шамхала. Главная часть мюридов расположилась на равнине перед самой Шурой, послав конные разъезды в окрестности для захвата предметов продовольствия войск.

Шура была окружена и осаждена.

Отсюда же была послана крупная часть акушинских мюридов для взятия укрепления Тарки. Во время осады этого укрепления пришли на помощь своим значительные силы русских, нанесли поражение осаждавшим акушинцам и вошли в укрепление. Но гяуры не долго оставались там и вынуждены были уйти оттуда.¹

В это же время было взято сторонниками шариата и укрепление Бургау-Кала.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Очищение русскими Хунзаха, Зирани и Чиркея.

Взятием Гергебиля и покорением Шамхальства был нанесен сильный удар владычеству неверных в Дагестане.

¹ Укрепление Низовое, названное здесь Таркинским, было освобождено от осады генералом Фрейгатом и покинуто в силу обстоятельств того времени.

Русские везде и всюду уступали дружному натиску мюридов. Командующий их войсками в Хунзахе, в видах испытания настроения местного населения, потребовал от него аманатов в знак верности ему. Требование это было исполнено. Заложники тотчас же были возвращены назад. Глава неверных выразил благодарность за такое послушание и в то же время выразил надежду, что при уходе русских из Хунзаха отношение к ним населения не изменится.

Затем русские усиленно стали готовиться к очищению крепости и выступлению из нее. Все, что было возможно, они захватили с собой, а что не могли с собой взять — бросили. Уходя, они советовали и хунзахцам не входить в покинутое укрепление во избежание несчастья от ожидаемого взрыва.

Слепой Алибек убедил хунзахцев не преследовать русских, пока они не перевалят за хребет Танус-Бала, так как в противном случае они могли вернуться назад и жестоко наказать за выказанную им неприязнь. Вместе с этим он советовал им уведомить сиухцев о выступлении русских, дабы они преследовали их по пятам.

Как только русские скрылись за названным хребтом, хунзахцы дружно бросились за ними, догнали их и нанесли им довольно значительный урон.¹

Получив известие об оставлении русскими Хунзаха и о приходе их в Зираны, имам послал сильный отряд, чтобы окружить их. Здесь неприятель, окруженный со всех сторон, бедствовал страшно. Он съел уже весь свой провиант и питался кониной. По приказанию Шамиля ему открыли дорогу для бегства, и он ушел, потопив свои орудия, огнестрельные припасы и прочее имущество в Койсу.

¹ Этот урон ограничился потерей 1 офицера и 8 рядовых убитыми и ранеными 2 офицеров и 1 рядового, благодаря образцовому руководству отступлением талантливого начальника отряда полковника П.

Имам провел в Больших Казанищах 13 дней. Здесь к нему явилась депутация от аула Чиркея за разрешением выступать открыто против русских и получила это разрешение. Чиркеевцы предоставили возможность бежать гяурам, занимавшим оборонительную башню над аулом. Башня эта, а равно и те, которые были возведены в садах и на мосту, были разрушены. Была уничтожена и церковь, находившаяся между укреплением и одной из этих оборонительных башен.

К Шамилю сюда же явились и гимринцы, выпроводившие от себя русских и разрушившие построенные у них укрепления.

Почти все шамхальцы, за исключением тех, которые скрылись в Шуре у русских, изъявили полную покорность и выдали заложников в залог их будущей верности шариату.

Из Казанищ имам послал в Тарки унцукульца Кебет Халджиова за прахом праведника Кази-Мухаммеда. Прах был доставлен и предан родной земле в Гимри.

Шамхальцы просили имама остаться у них, пока не явится свежая сила русских для выручки осажденных, но Шамиль отказал им в этой просьбе в виду наступающих холодов и истощения запасов продовольствия войск и вернулся домой¹

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Взятие Янги-Юрта, Миатло, Зубато и Чирт-Юрта.

После появления Шамиля в шамхальском владении, русские очистили Янги-Юрт, Зубато, Миатло и Чирт-Юрт. ос-

¹ Шамиль оставил Шамхальство не вследствие этих причин, а потому, что был разбит генералом Фрейтагом под Большим Казанищем.

тавив в этих местах в громадном количестве различные военные и хозяйственные запасы. При уходе они строго наказали жителям охранять покидаемые ими пожитки до прихода мюридов и не препятствовать им в захвате его¹. Об этом был извещен из Чиркея Салатовский наиб Шахмардан Хаджи. Наиб тотчас же распорядился перевозкой всего имущества на Янги-Юртовских арбах в аул Делил. В народе ходила молва, что в числе оставленного русскими имущества имелось 18 арб одного сукна. Орудия же неприятели бросили в Сулак.

Шахмардан Хаджи возымел намерение напасть на укрепление при ауле Зубато. Зубатовцы просили его отложить это намерение дня на три, пока они приготовятся к поддержке. По окончании этого срока, на назначенное укрепление напали соединенными силами, но на помощь к осажденным прибыли войска из Шуры и, забрав с собой гарнизон, направились на правый берег Сулака. Однако неверные не могли подать помощи своим, находившимся в двух оборонительных башнях внутри аула. Брошенные на произвол мюридов и доведенные до крайности энергичными действиями последних, защитники вынуждены были сдаться наibu, а этот последний тотчас распорядился обучению их низаму имама.

После этого мюриды занялись осадой Миатлинского укрепления, но тут вовремя пришли русские на помощь осажденным и увели их с собой, предоставив укрепление в распоряжение мюридов и здесь они бросили оружие и огнестрельные припасы в Сулак, а все остальное имущество оставили в добычу мюридам. Эти же забрали с собой все, что возможно, а что нельзя было забрать – сожгли.

¹ Версия, на которую в других источниках нет указаний.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Вторжение Эфенди во главе мюридов в Кайтаго-Табасаран.

При Шамиле находился один табасаранец по имени Омар. По возвращении имама из Большого Казанища, он посоветовал ему отправить в Табасаран сильную партию мюридов. Осенью 1260 года (1844) имам послал туда партию из четырех наибов под общим командованием Мухаджира и Косого Эфенди. Последний был обязан увеличить попутно свои силы присоединением цудахорской и акушинской вольницы и кадиев, главарей этих обществ, Аслан и Мухаммеда.

На пути движения Эфенди встретил своего муталима с письмом от Мухаммед-Кадия. Он извещал воеводу имама, что акушинцы не думают добровольно присоединиться к экспедиции. Глава мюридов ответил ему, что он ни в коем случае не может отменить или изменить приказание имама и должен посетить его. Усилив себя цудахаринской конницей Аслан-Кадия, он явился в Акуши к Мухаммед-Кадю и предложил ему влиться в общий поток. Акушинцы волей-неволей должны были исполнить это требование и выступить в поход с мюридами.

В местность Гани Эфенди назначил наибом Омара и направился в Маджалис. Владетельный хан Джемау, предупрежденный вовремя о движении мюридов, бежал к русским. Командующий мюридами потребовал к себе всех влиятельных лиц из местного населения и предложил им беспрекословно покориться шарияту. Представители населения, однако, не дали согласия на въезд в их аулы и потому последние были заняты силой. Немедленно тут в занятом крае была введена в действие общая административная система имамства, с учреждением должностей наибов, сотенных командиров и мулл — сторонников шарията.

В Маджалис также были вызваны депутаты от всего

населения Табасарана в числе 60 человек. Депутаты эти изъявили согласие на покорность шарияту, но на посещение их края пришельцами мюридами не могли согласиться. Тогда мюриды двинулись вслед за возвращавшимися восвояси депутатами и завладели без всякого труда, хлопот и потерь всей Табасаранской землей, которая была администрирована по той же системе имама Шамиля.

В то время, когда происходили эти события, генерал Аргут был занят охраной вверенного ему края от вторжения мюридов.

Во время оперирования в Табасаране, Эфенди получил от акушинского кадия Мухаммеда письмо с советом вторгнуться в Даргинский округ и подчинить его население шарияту. Глава мюридов хотел было последовать этому совету, но впоследствии отказался от этого намерения в виду энергичных возражений наибов против этого похода.

Из Табасарана мюриды двинулись в Башлы, но по просьбе его населения ограничили свои действия здесь взятием 600 арб всякого рода съестных припасов, необходимых для продовольствия вольницы.

Из Башлы они отправились в Утамыш и, пробыв здесь около 10 дней, вернулись домой.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Поход Чиркеевского Амирхана.

При первом своем вторжении в Шамхальство Тарковское, Шамиль приказал жителям сел. Эрпели переселиться в горы, в места малодоступные русским. В виду приближения зимнего периода времени эрпелинцы просили у него разрешения остаться на старом месте до наступления весны и получили его. По возвращении же имама восвояси они приступили к укреплению своего аула и тем обнаружи-

ли явное неповиновение требованиям его. Поэтому Шамиль весной 1260 (1844) года послал партию чегырех наибов, под общим начальством Амирхана Чиркеевского, для разрушения аула и для примерного наказания его жителей. Перед рассветом Амирхан врасплох напал на аул и без особых препятствий завладел им. Население, за исключением немногих людей, запершихся в одной сакле, сдалось с оружием. Аул был сожжен, жители его выселены.

В Эрпели к Шамилевскому воеводе явилась депутация от сел. Карная с просьбой не являться в этот аул. Амирхан спросил депутатов: думают ли их односельцы добровольно переселиться или нет? Из ответа он понял, что дела без насилия не выйдут, и потому быстро двинулся к этому аулу. Каранаевцы, разобрав крыши своих саклей и устроив прочные завалы, решили защищаться до последней возможности. Но, вследствие своевременного прибытия на помощь русских, дело, однако, до столкновения не дошло.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Поход русских на аул Чиркей, причины его. Отношение к русским молодежи и стариков. Общее соглашение и решение. Неожиданный поворот. Поражение русских и бегство их. Добыча. Мир и неудавшаяся месть.

Русские по возвращении своем из похода на Ахульго стали преследовать чиркеевцев за сочувствие и материальную помощь, оказанную ими защитникам этого укрепления, и горели желанием отомстить им за это богоугодное благодеяние. Они двинулись на Чиркей.

При первом же приближении к себе врагов, чиркеевцы переселили свои семейства в лес, а сами приготовились к упорной защите. Но вслед затем старики раздумали и ста-

ли просить молодежь совсем очистить аул и предоставить его в распоряжение врагов.

— "Своим приходом они нам не причинят никакого вреда, — говорили они, — они скоро уйдут в Андреевский аул".

Молодежь послушалась стариков и решено было сдать аул без всякого сопротивления. Генерал Клюки с тремя тысячами солдат предстал перед аулом. Когда главная часть войск вошла в аул, то один из жителей крикнул громко:

— "Братья! Стоит ли жить после того, когда гяуры захватят и загадят наше родное гнездо?"

Этот крик отчаяния воодушевил всех. Молодежь ринулась на русских, как волки на овец. Неприятель дрогнул, не выдержал дружного натиска и обратился в беспорядочное бегство. Его косили, как траву. Особенно много его погибло на мосту: от толкотни и давки бегущих сзади передние сваливались в реку. В реку же бросались и после прохода через мост, не зная от страха и трепета, куда идти и где скрыться. Победителям досталась добыча: орудия, патроны, порох и прочее. Смертью праведных пало только два чиркеевца, — один был убит по неосторожности своей.

Русские собрались и остановились далеко за аулом, чтобы по прибытии подкрепления повторить нападение. Но чиркеевская молодежь устроила засаду и шедшим к ним на помощь гяурем. Было убито 30 солдат и захвачен начальник их. Враг вынужден был просить мира. Он обязался оставить Чиркей в покое, лишь бы были вернуты орудия и начальствующий над подкреплением офицер. Молодежь не соглашалась на это, — старики, однако, уговорили ее. Мир был заключен и русские вернулись восвояси.

Впоследствии за это поражение и унижение русские отомстили чиркеевцам: они захватили у чиркеевцев 60 тысяч овец, 5 тысяч рогатого скота и 500 ослов. Это случилось в то время, когда Чиркей служил сборным пунктом

для мюридов и когда последние были еще малочисленны и слабосильны.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Поход имама в Акушу. Бой с русскими. Поражение мюридов и отступление через Цудахар и Салты к Карадахскому мосту. Отпор гяурам.

Летом года этого события, — а именно в 1258 (1844), году имам посетил Чиркей. С его появлением, командующий русскими войсками удалился отсюда. Шамиль слышал, что он с войсками отправляется в Акушу. Оставив здесь пехоту, имам с конницей выступил туда же. Узнав через лазутчиков о стоянке русских на Акушинской равнине, он остановился в горах недалеко от них. Акушинцы обманули Шамиля: они обещали ему помощь и согласились переселиться в горы, но только немногие из них исполнили это обещание. Поэтому, не беспокоя гяуров, имам направился в Балкары. Здесь застигли его русские преследователи. Мюриды принуждены были принять бой и, проиграв его, поспешили в Цудахар, отсюда в Салты, а из Салты — к Карадахскому мосту.

Переправившись на левый берег Аварского Койсу, они разрушили мост, и, устроив завалы, решились дать отпор зазнавшемуся врагу. Кроме того, были вытребованы из Гочатля орудия и пехота, которые прибыли спешно, оглашая всю окрестность барабанным боем. Это орудие причинило русским большой вред: был убит один офицер, пробита ядром генеральская палатка и пал часовой, стоявший у шатра. Русские ушли благополучно только благодаря своей хитрости. Имам преследовал их.

В этом деле пал праведной смертью ученый муж и истинный мусульманин — Исинал Магома из Мтлы. По прибы-

тии Шамиля отсюда в Хунзах, к нему явился Даниэл Султан Елисуийский, бежавший от русских.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Осада и взятие Чоха Даниэл Султаном. Неудача Кебет Магомы под Чохом. Аргут и Ибрагим Магома. Приказание имама Даниэл Султану взять во что бы то ни стало Чох. Помощь Аглархана Казикумухского, акушинцев, цудахарцев и кудалинцев осажденным чохцам. Разгром и сожжение аула Чох.

На обратном пути из похода в Казикумух Шамиль подвергся нападению чохцев. Поэтому, отправляясь в горную Чечню для наказания населения, он приказал Кебет Магомету идти с подчиненными ему наибами на Чох и, если этот аул добровольно не подчинится шариату, взять его силой и ввести там администрацию имама.

Предложенные мюридам условия были отвергнуты чохцами: они не хотели и слышать о шариате и решились сопротивляться. Сопротивлялись они так упорно и удачно, что Кебет Магомет ушел не солоно хлебавши.

После ухода мюридов в Чох, приехал Аргут с Агларханом, похвалил его жителей за данный ими мюридам отпор и назначил в ауле старшиной Ибрагим Магомета. Новый старшина ввел в ауле порядки и дисциплину, укрепил сильно аул, устроив в нем до десяти оборонительных башен.

Вскоре после этого русские и казикумухцы Аглархана предоставили аул своим собственным силам. Тогда имам приказал Даниэл Султану выступить против чохцев и подчинить аул мирно или насильственно шариату и потребовать от него заложников в обеспечение исполнения принятых на себя обязательств. Даниэл Султан, согласно

данных ему инструкций, послал в Чох депутацию для предложения условий имама. Но чохцы надеялись на своих союзников и не пожелали иметь дело с мюридами. Депутация была непочтительно принята: с ней обращались неделикатно, возражения на ее условия и контрпредложения были дерзки и неприемлемы, и это тогда, когда Даниэл Султан с крупной партией мюридов стоял перед самым аулом, а наибы Инков и Муса Хаджи со своими подчиненными были в самом ауле.

Получив отказ на свое мирное предложение, Даниэл Султан вошел в аул с нижней его стороны. Чохцы, видно, тоже не зевали: на помощь им явилось 300 бойцов, вооруженных с головы до ног, из аула Кудали. Почти одновременно с ними и Аглархан со своими казикумухцами, акушинцами и цудахаринцами занял позицию возле кладбища.

Между обеими сторонами произошло жаркое кровавое сражение, продолжавшееся около 8 дней. От имама было получено повторение приказа: лечь всем на месте, но не возвращаться, не достигнув богоугодной цели. Обе стороны боролись упорно и ожесточенно. Наибы начали терять веру в себя и впали в малодушие. Они преподавали своему начальнику миролюбивого характера советы и указания. Но Даниэл Султан объявил им, что погибнет в Чохе, но не покажется имаму с "черным лицом".

На девятый день битвы главнокомандующий силами дал приказ своим войскам, чтобы все четыре наиба, находившиеся внутри аула, крепко держались на занимаемых ими позициях, не принимая самостоятельно никаких активных действий, а тем, которые пребывают вне аула, занять позиции, с которых можно было бы двинуться на Аглархана, верховоющего всеми местными вероотступниками. Остальные наличные силы он разделил на конных и пеших и указал их главарям на их ответственные задачи и цели.

Скопище вероотступников, под предводительством

Аглархана, атакованные с двух сторон пехотой и конницей, обратились в беспорядочное бегство. Наибы, следившие за ним, бросились в преследование и сделали хорошо свое дело. Согласно приказу главаря-воеводы — всех служивших постоянно под непосредственным начальством Аглархана убивали беспощадно, остальных казикамухцев, временно призванных на службу, только оголяли. Акушинцев и цудахарцев не щадили: их расстреливали и кромсали шашками и кинжалами. Значки, знамена и походное имущество побежденных досталось победителям.

После нанесения вероотступникам этого поражения, мюриды со всеми свободными силами обратились на Чох и атаковали аул изнутри и снаружи. Аул был взят, разгромлен и сожжен. Остались 2—3 сакли зажиточных обывателей, упорно защищавшихся и не сдававшихся. Для надзора за ними была назначена сотня мюридов из разных наибств, но они, занятые делом грабежа, плохо надзирали, и закоснелые вероотступники успели скрыться до рассвета со своими семьями и ценными пожитками.

Мухаммед из Чоха рассказывал, что куядинец Мухаммед, выходец из Ругжи, на крыше аульной мечети предвещал, что Чох будет взят и разграблен в пятницу. Предсказание это сбылось — и слава за это Аллаху!

Пробыв 4 дня в ауле после разгрома и захватив с собой добычу (с вычетом из нее установленного процента в государственный доход), мюриды разошлись по домам, похоронив на месте до 300 своих праведников и взяв с собой до 1000 своих раненых.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Поражение русского отряда Воронцова в Чечне. Казнь пленных офицеров в Дарго. Переселение семейства Шамиля. Движение Воронцовского отряда в Нагорный Дагестан

по Салаватскому хребту. Кырко-меер и Анди-меер. Зимняя стужа в горах в середине лета. Колебание местного населения между русским молотом и мюридской наковальней. Неравность сил. Жертва демонстрации беспримерной строгости наиба Лабазана. Столкновение русских с мюридами и поражение последних. Письмо Заголова к своему другу. Поражение мюридов — предвестник возрождения и вознесения шариата.

В 1259 (1845) году Шамиль получил достоверные сведения, что русские готовятся к серьезным операциям против него. Он тотчас же приказал казнить всех офицеров, взятых им одновременно в плен. Их особенно много было захвачено при очищении русскими Нагорного Дагестана в 1257 (1843) году.

Исходный пункт предпринимаемого против него похода в точности ему не был известен. Но он предполагал, что это движение начнется из Кумыкской плоскости. Поэтому он со всеми собранными силами и артиллерией выступил в этом направлении и остановился на Алмакской равнине. Но вслед за этим было извещено из гор, что русские двигаются по горному хребту Салатава и направляются в сторону Анди.

Тогда имам вернулся в Дарго и приказал своей семье переселиться в Сальбури, а сам направился навстречу врагу в сторону Андийской горы. Здесь Андийский наиб Лабазан и другие наибы поклялись ему на коране служить верой и правдой делу шариата и получили от него строгое приказание обратить в пепел те аулы, которые изменят газавату, начиная с их собственных саклей.

Имам застал русских на Кюринском перевале. Он расположился недалеко от них в Буцраке. Сюда к нему приехал его любимый наиб Гитин из Данука и спросил, что он намерен теперь делать.

— "Ничего — кроме газавата", — ответил ему спокойно имам.

— "Не будет ли, однако, наше настоящее столкновение с ними и концом газавата? Ведь у них сила, говорят, несметная!" — ответил наиб своему властелину.

— "Недели через 2—3 эти несметные силы растают как снег!" — успокоил его имам.

Вскоре же по прибытии сюда русских с погодой стало твориться что-то необычайное, невероятное: моросило 2—3 дня, затем наступили трескучие морозы, все покрылось инеем и гололедицей; после этого выпал глубокий снег, а вслед за ним началась жесточайшая метель. И все это Бог послал в середине лета. Русские в легкой летней одежде мерзли и гибли; гибли и лошади их от холода и голода. Враги сразу повесили головы. Уныние охватило весь отряд.

Гитин из Данука опять посетил имама. Наиб сообщил ему, что его предсказание сбывается. Силы неприятельские убавляются с каждым днем. Андийцы, сторонники шарията, сообщили ему, что неверные собираются опять атаковать его и просили разрешение напасть на них. Имам не дал им этого разрешения, а послал их предать огню все те аулы Андийского общества, которые отказываются подчиняться шарияту и сам во главе богомольцев двинулся в самый аул Анди.

Однако, встретив со стороны жителей вооруженное сопротивление, он хотел было вернуться опять в Буцкар, но получив потом опять от них разрешение, въехал в аул и остановился в доме Лабазана.

Здесь к нему явился наиб Самед из Инхо и заявил, что, по всей видимости, Андийцы вовсе не расположены подчиниться шарияту и что они, заняв все свои оборонительные башни, замышляют что-то недоброе и сейчас готовы сцепиться с каждым встречным мюридом.

Вызвав к себе Лабазана, Шамиль потребовал от него объяснения по предмету настоящего обвинения его подчиненных. Андийский наиб тотчас же сел на лошадь и от-

правился к оборонительным башням. Подъехав к одной из них, около которой стоял Саид с партией своих подчиненных, он позвал последних к себе и предложил им вызвать из башни тех ее защитников, которые позволили себе нанести обиды мюридам. По их зову из башни вышли двое и Лабазан, подошедший с ними к Саиду, выхватил шашку из ножен и хлестнул по шее одного из них. Голова свалилась на грудь. Он тотчас же ударил другого, и у того голова отлетела в сторону от туловища.

— "Будь тверд в отношении их вот так, — обратился он к Саиду. — Если окажутся недостаточными и такие меры, предай огню и жилища их".

Через Буцрак русские двинулись в аул Анди. Имам, заблаговременно осведомленный об этом, очистил аул и занял со своими мюридами командующую над всей окрестностью высоту. Русские дружно напали и рассеяли во все стороны правоверных.

Паника овладела мюридами. Они разбежались и скрылись. Как ни старался имам остановить это бегство и собрать бегущих, он ничего не мог сделать и остался только с десятью ратниками. Один из набов приказал своему артиллеристу стрелять по неверным. Тот ответил:

— "Я не нахожусь теперь под твоими пятнами. Если нужно стрелять — Шамиль сам прикажет мне".

Так были напуганы и расстроены мюриды после этого поражения.

— "Наше настоящее поражение, — сказал имам, — принесет нам спасение и послужит миром для врагов шариата. Мы очистимся от приставшей к нам негодн и нечисти. Одни из нас отойдут сами, вывернув перед нами свое поганое нутро; другие подвергнут свои шеи под нашу секиру. Во всяком случае мы избавимся от них. Враг опасен только тогда, когда он в личине нашего друга".

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Возвращение Шамиля в Чечню. Послание Воронцова и наибов к Шамилю и ответ последнего им. Новые жертвы строгости Лабазана и удручающие действия их на Воронцова. Безвыходное положение русского отряда в горах. Опасный путь отступления в направлении наименьшего сопротивления. Прибытие русского отряда в Дарго и встреча их с мюридами — "Шамилевскими солдатами". Неудачная попытка русских похитить сына Шамиля Мухаммед Шафи. Печальная участь части русского отряда, посланной в горы за провиантом.

После понесенной крупной неудачи, Шамиль направился в горную Чечню. Один из наибов последовал за ним, другие разошлись по домам. Ученый старец Заголов и тут проявил свое недоброжелательство к имаму. Он несколькими письмами убеждал своего друга, влиятельного у своих, Микаила из Хаакари покинуть Шамиля и вернуться домой.

— "Анди занят русскими, мы должны делать то, что делает весь Дагестан", писал он ему.

Часть русских войск занимала Буцрак, часть все еще находилась на Киркавском перевале. Сам Воронцов со своим штабом стоял между селениями Гоготль и Анди. Здесь же находились склады боевых и продовольственных продуктов, а также материал для постройки в этом месте укрепления в целях окончательного покорения местного края.

Убедившись, что русские еще не скоро уйдут отсюда, Шамиль пустился в равнинную Чечню, чтобы настроить его население в свою пользу и против общего врага. Но на пути проездом туда он встретил двух чеченцев, отправленных к нему Воронцовым с предложением или воевать или мириться. Имам ответил русскому главнокомандующему,

что он не думает вести с ним переговоры иными средствами, как при посредстве шашки.

Население Чечни встретило имама очень дружно и приветливо, как родного, по которому оно долго тосковало.

— "Теперь нам стало легче на душе: теперь мы совсем спокойны. Наше дело повиноваться, а твое приказывать", — говорили чеченцы ему.

Имам поклялся им, что он не расстанется с ними и не помирится с русскими; такое же клятвенное обещание дали и все присутствующие тут наибы.

Немного спустя по прибытии Шамиля сюда, к нему приехали два мюрида, присланные наибами Нагорного Дагестана за разрешением вступить с русскими в мирные переговоры.

— "Бороться с ними в условиях настоящего времени невозможно", — уверяли они его. — "Такой же сильный отряд их занимает теперь и Годатлинскую землю".

Шамиль резко и запальчиво отвечал наидам на их просьбу.

— "Русские потому не уходят, — сказал он. — что видят в малодушных трусах готовность подчиниться им во всем".

Получил он здесь и другую печальную весть о том, что андийцы общаются и дружат с русскими.

Андийскому наibu Лабазану был послан строгий приказ, чтобы он не допускал своих подчиненных до такого падения и казнил павших богоотступников беспощадно, а трупы их вешал на виду у русских.

По проверке наибом основательности этих сведений, выяснилось, что три андийца продали бурки русским войскам в их стане. Всех трех изменников расстреляли и трупы повесили на столбах у речки, из которой русские пользовались постоянно водой. На лбу одного из них был наклеен ярлык с надписью:

— ”Вот участь всякого, кто будет сообщаться с вами. Нам до сего времени некогда было возиться с вами. Скоро увидите, что с вами будет”.

Узнав об этих строгостях Шамилевского наиба, Воронцов пришел в неопиcуемый ужас. Он сейчас же потребовал к себе Мусу из Анди, находившегося в его стане, в числе его приближенных и выругал его.

— ”Ты, оказывается, — сказал он ему, — не человек, а шайтан — обманщик и лжец. Ты уверял меня, что с прибытием нашим все салатовцы и андийцы покорятся и подчинятся нам добровольно. Где же теперь эти наши покорные подчиненные, где же друзья и доброжелатели наши? Да и могут ли они быть, когда за одно сношение с нами самого невинного свойства твои сородичи расправляются так жестоко и бесчеловечно?”

Со времени разыгравшейся погоды сила и могущество Воронцовского отряда пошли на убыль. Кроме потери от мороза, русские потерпели и другие беды и невзгоды. Путь снабжения отряда продовольствием, проходивший по хребту Салатава, сперва подвергался постоянной опасности, а потом был и совершенно отрезан. Неожиданными и частыми нападениями на транспортные устройства, во многих местах завалов и искусственных преград мюриды сделали доставку продуктов невозможной, невысказанной. Частым ночным налетам подвергались и войсковые части. Отряд стоял здесь, сложа руки, целый месяц. Фуража не было. Запасы провианта и огнестрельных припасов истощились. Надежды на прокормление отряда средствами нищенского и враждебно расположенного населения не могло быть. Волей-неволей приходилось отступать, но отступать под маскировкой наступления. Голое же, ничем не прикрытое, отступление по уже отрезанному пути наступления сюда, могло всколыхнуть местное население и заставить его всей своей массой обрушиться на отступающих. Поэтому нужно было идти на Шамиля в Чечню, ибо движение на не-

го означало наступление, а от него отступление, и отряд выступил в Дарго в расчете пробить себе путь по тому направлению, по которому года три тому назад граф густо разбросал кости своего отряда.

Имама в это время там не было. Получив известие о болезни жены Патимат, он выехал проведать ее в Сальбери. Не было в это время здесь в сборе и чеченского отряда: имам распустил его, не ожидая наступления русских в этом направлении.

Получив известие из Нагорного Дагестана о выступлении русских, Шамиль разослал приказание наибам, чтобы они безотлагательно выехали в Дарго с партиями своих подчиненных для встречи врагов, и сам поспешил туда. Спустя несколько времени по прибытии мюридов к месту назначения, показались и русские войска, преследуемые сзади партиями горных наибов и обстреливаемые с обоих флангов успевшими собраться чеченцами.

Спустившись к самому Дарго, русские разбили здесь на равнине лагерь. Мюриды же, заняв все подступы к Дарго, приготавливались к отражению их атаки.

В это время произошел случай, не имевший ничего общего с описываемыми здесь нами военными событиями, но не лишенный общего интереса в условиях возникновения этих событий. Сын Шамилевского кунака из Салисбери служил у русских. Он был подослан русскими с предложением мерки серебра и золота тому, кто доставит сына Шамиля Мухаммеда Шафи в заранее указанное им место. Мухаммед Шафи был тогда в таком возрасте, что мог принимать участие и в играх со своими сверстниками. Однажды, играя с детьми сподвижников своего отца, он увлекся этой игрой и далеко отошел от аула. В это время в лесу раздался какой-то страшный пронзительный крик. Дети, испугавшись этого крика, пустились наутек и, прибежав домой, рассказали о случившемся. Оказывается, этот же крик слышали и мюриды. То был крик одного из вероот-

ступников, явившегося сюда со злым умыслом похитить Мухаммед-Шафи. Мюриды тотчас же пустились в погоню за злодеями, но не могли найти их. Все-таки слава Аллаху, что Мухаммед Шафи не попал в руки этих вероотступников. После этого случая семейство имама было переведено в Алисинжапул.

На зло и обиду русским Шамиль приказал вывести в поле для обучения "своих" русских солдат с барабаном и медными трубами. Узнав по музыке бывших своих, русские войска выступили из лагеря против них. Произошло жаркое сражение. Мюриды присоединились к своим солдатам и нанесли сильный ущерб противнику. В этом деле у врагов пало много воинов.

Потери наши были невелики. Вообще это дело причинило русским много горя и печали.

Смертью бессмертного праведника пал тут наиб Гитин из Данука.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Выступление отряда из Дарго. Горе горемыки Воронцова и его утешитель грузин Илья. Трехдневное бегство русского отряда под жестоким огнем мюридов. День тяжелой смерти. Воронцов в железном сундуке на спине Ильи. День тяжелых испытаний и страданий. Голод и жажда. Кукурузная початка, проданная за 15 руб. Корова — кормилица Воронцова и ее трагикомическая участь. Светский вельможа и владетельный хан — вор и убийца. Кормилицы Воронцова. Позорное положение хана. Смерть жены Шамиля Патимат и его отъезд из отряда. Радость и торжество русских. Их страшные потери и лишения. Анонимное письмо, полученное Воронцовым. Compliments и благопожелания автора этого письма.

Из Дарго Воронцов отправил часть своих войск в Анди за провиантом. Мюриды жестоко преследовали этот отряд в оба пути. Как вырубленный, но не убранный лес, валялись трупы солдат на местах боев. На помощь своим пришел генерал из Дарго. Мюриды также окружили его со всех сторон и были так же беспощадны, как и с теми. Было взято два орудия, много ружей, лошадей и всякого рода имущества. Провиант, за которым был послан отряд, почти не был доставлен.

Говорят, что известный наиб Шамяля Шуайб, спустившись однажды для совершения омовения в глубокую ложину, находившуюся в районе происхождения этих боев, насчитал там до 3000 трупов зарезанных мюридами русских.

Русские голодали и мучились в Дарго несколько дней. Воронцов плакал и умолял Бога об избавлении его от угрожающих опасностей.

Один грузин из отряда, по имени Илья, пожалел его и стал всячески утешать и успокаивать:

— "Ты, мол, такой и сякой, тебе не подобает печалиться и убиваться, на тебя все глядят, все тобой любуются и дивуются. Будь же, отец наш, бодр и весел, гляди на все с надеждой и упованием на Бога. Ты не пропадешь: за тебя все готовы умереть. Если Богу будет угодно, я тебя вынесу на своей спине".

Понравилась Воронцову эта сладкая медовая речь сердобольного грузина и с этих пор, говорили, Илья сделался любимцем и важной персоной в свите главнокомандующего русскими войсками.

Перед оставлением Дарго русские сожгли почти все имущество, сожгли даже свои палатки, за исключением 27 штук. Они налегке пустились в бегство. Мюриды теснили и расстреливали их и сзади и с боков, они бросались на них с обнаженными шашками и кинжалами и тем наводили на них ужас. Они обезоруживали их и отбирали у них все,

что им нравилось, без всякого сопротивления и помех.

Переночевав на холме Цимутари, они на рассвете на другой день продолжали свое бегство в тех же убийственных условиях, терпя всякие потери от теснивших и наседавших на них мюридов. Сделав ночлег в местности Албери, они и третий день своего бегства подвергались тому же огню и той же жесточайшей рубке правоверных удальцов.

О бегстве самого Воронцова говорят разно: одни утверждают, что его 2—3 дня несли в железном сундуке, другие же утверждают, что его нес на своей спине Илья — грузин.

На третий ночлег охваченный паникой русский отряд пришел в местечко Шамхалберди. Здесь Шамилевское ополчение окружило его со всех сторон и держало в огненном кольце несколько дней. Не надеясь более на свое спасение, русские зарыли в землю все, что сохранилось у них от захвата мюридов. Здесь погибло их особенно много. В числе павших был один очень важный русский генерал.

Воронцов выказал и тут свое малодушие и трусость. Он плакал и проклинал свою судьбу. Тот же Илья¹ опять старался утешить и успокоить его, — на этот раз, однако, без всякого успеха. Граф не переставал ныть и стонать. В обстановке жесточайшего огня и голода, в тесном, все более и более суживающемся, кольце правоверных, он не допускал, чтобы счастье когда-нибудь повернулось в его сторону.

Особенно донимали русских голод и жажда. Отряд последние дни питался только кониной истощенных кляч. Провиант весь был на исходе. Воды нигде нельзя было достать. Смельчаков, вынужденных искать воду

¹ Илья — учитель Воронцова — это князь, взятый в плен мюридами в Кази-Кумухе в 1842 году и променянный в конце этого года на 13 пленных мюридов и 9 пленных женщин. Впоследствии, а именно в 1854 году, жена и дети его тоже попали в плен к Шамилю и были выкуплены возвращением имаму его сына Джемалэдина.

вне отряда, ждала явная смерть от пули или от кинжала.

Говорят, один из вероотступников продал солдату кукурузную початку за 15 рублей.

— ”Для чего мне эти 15 рублей, — утешал себя солдат, — после моей смерти от голода?”

В отряде Воронцова была дойная корова, кормившая своего хозяина все время похода. Корова эта бесследно исчезла на месте второго ночлега. Подозрение в похищении ее пало на Джаватхана Ширинского, служившего во главе сотни своих сородичей в свите самого Воронцова. Был сделан обыск, и кости графской коровы были найдены в палатке владетельного хана Ширванского. Хану было предложено немедленно оставить отряд со своей сотней. Положение владетеля Ширвана было отчаянное. Он очутился между двух огней: с одной стороны русские, превратившиеся из друзей в ожесточенных врагов из-за Воронцовской коровы, с другой — мюриды, с которыми он до сего времени, не щадя живота, боролся. К счастью хана нашелся чеченец, который за 100 червонцев согласился вывести его из этого тупика и довести до Шуры. Однако из всей сотни благополучно дошло до указанного места только несколько человек.

Здесь же в Шамхалберди имам получил печальную весть о смерти любимой его жены Патимат. В такое тревожное время он не хотел отлучаться от своего отряда, но наибы настояли на его отъезде на похороны покойной, обещая сделать в точности все, что будет возможно.

Весть об отъезде имама русские встретили с восторгом, с музыкой и песнями. Скоро они получили и другую радостную весть, а именно, что на выручку им идет из Герзель-аула генерал с большими войсковыми силами. Скоро вслед за этим на поле брани явился и сам этот генерал.

Оба отряда дружным натиском с обеих сторон провали осадное кольцо мюридов и подали друг другу руки.

Лица, хорошо знакомые с безвыходным положением русского Воронцовского отряда, говорят, что опоздай еще на один день Герзельяульский отряд на помощь своим, Воронцов сдался бы в плен мюридам. Этот же знаток дела утверждает, что потеря русских в этой экспедиции на менее 13 тысяч человек и что из всего отряда их вернулась только одна четверть¹.

Воронцов, по возвращении своем в Тифлис, получил от своего совета письмо без подписи писавшего. Оно гласило:

— "Собака, величающаяся Воронцовым, да разобьет у тебя Аллах обе ноги, да отрубит он у тебя обе руки, да ослепит он тебя на оба глаза, да отнимет он у тебя язык. Вот все, что мы тебе от всего сердца желаем. Благодаря тебе мы лишились Божьей милости и блаженства и подверглись всем шести бедам: у нас затеянной тобой войной поглощено много народу; нас посетила и косила холера; на нас налетела саранча; донимал нас голод; нас повергло в ужас и бедствие — сильнейшее землетрясение; у нас отнято три миллиона рублей".

Это письмо сильно огорчило Воронцова. Его генералы всеми силами старались найти автора этого письма, но их старание не достигло цели. Весть о письме быстро разнеслась везде и всюду, на весь мир, дабы разбить совсем нос Воронцова толканием его в землю.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

Вторжение русских в Карах. Бегство населения. Разорение и разрушение аулов. Рекрутирование и позднее раскаяние

¹ По официальным сведениям потеря русских в этой экспедиции состояла из 3 генералов, 28 штаб-офицеров, 158 обер-офицеров и 3433 нижних чинов.

населения. Столкновение русских с мюридами. Уход русских.

Во время пребывания Воронцова в Анди, Аргут с чохскими, казикумухскими и цудахарскими вероотступниками, прошедши по ущелью Кара-Койсу, расположился лагерь на равнине Мукратль. Население края рассеялось по горам и в то же время послало несколько человек для переговоров с русскими. Русские жгли аулы, забирали скот и разное имущество, что сильно возмущало не только население, но и тех, которые были расположены к миролюбивому соглашению с ними.

Мало того: Аргут обязал население к воинской повинности и насильственно забирал в свою милицию местных жителей. Некоторые успели спастись в аул Тлетль от этой повинности. Большинство же было завербовано в милицию и ополчение. Многие из этих невольников погибли от рук мюридов. Многие получили тяжелые раны и увечья. Эти страдания и испытания привели их к сознанию своих легкомысленных отношений к шариату и его заклятым врагам русским. До сих пор к безбожникам относились доброжелательно, потому что они не обязывали население воинской повинности, в то время как имам требовал ее от каждого мусульманина.

Аргут недолго оставался в Карахе. Он отправился в Чирах по заранее наведенному мосту. Здесь между русскими военачальниками по какому-то поводу произошло разногласие. Это ли было причиной, или сведения, полученные из Чечни о поражении Воронцова, но русские поспешили вернуться восвояси. Мюриды преследовали их энергично и при этом преследовании немало пало их славной смертью праведников рая.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Закладка нового Дарго.

По отбитии нападения Воронцова, имам завел речь со своими мюридами о новом месте своего постоянного жительства. Одни из его приверженцев указывали на прежнее место старого сожженного Дарго, но имам нашел этот выбор нецелесообразным. Потом все вместе поехали осмотреть Алисинжипульские леса. Однако и там не могли найти подходящего места. Отсюда отправились на Ойданскую равнину для осмотра лично намеченного Шамилем места, и общее мнение одобрило выбор имама. Это место было куплено у собственников его по оценке местных оценщиков. На нем была заложена новая резиденция имама, названная Новое Дарго.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Причины и цель похода. Прибытие в Кабарду. Разочарование. Подарок и совет родовитого и влиятельного кабардинца. Отступление. Преследование. Испытание. Набег Шамиля в Кабарду.

Шамиль получал письмо за письмом из Кабарды, чтобы приехать туда для водворения там шариата и его правопорядка. Из писем этих было видно, что русских там недолюбливали и что у местного населения постоянно происходят с ними трения и столкновения.

В 1262 (1846) году имам выступил в поход с многочисленной конницей и пехотой и с семью орудиями. Без всякой помехи со стороны врагов он переправился через Терек и появился в Кабарде. Он был намерен остаться здесь до прочного и окончательного водворения шариата и

восприятия массой населения основных правил его догматов, но он нашел Кабарду местностью ровной, как воловая кожа, и потому сильно разочаровался в своем предприятии и решил отступить.

Кабардинцы же, узнав о его прибытии к ним, переселив свои семьи в леса, целыми партиями стали являться к имаму. Шамиль назначал им наибов из их же сородичей, а в аулы и мулл из их же ученых.

К нему в стан, расположенный на возвышенности поляны, прибыл один родовитый и, повидимому, очень влиятельный среди своих кабардинец. Он привез в подарок Шамилю красивую и породистую лошадь, долго беседовал с ним и советовал, в виду угрожающей ему опасности, вернуться домой. Имам обошел молчанием этот совет, хотя им было решено окончательно покинуть Кабарду.

Отступление было начато под покровом глубокой ночи без ведома не только кабардинского населения, но и рядовых мюридов и было произведено очень спешно, быстро и стремительно. У самой переправы Терека мюриды натолкнулись на русский отряд, стороживший их и старавшийся преградить им путь отступления. Правоверные дружным натиском опрокинули неверных и благополучно переправились под огнем неприятеля.

Когда по переправе через реку мюриды остановились здесь за леском для кратковременного отдыха, к имаму приехал его наиб Бутай и советовал ему, в виду наступающих больших неприятельских сил, поспешно удалиться с конницей, а пехоту направить в лес для временного ее скрытия там. Шамиль не внял этому совету. Он счел целесообразным выступить всем вместе, не дробясь на части, и идти в строгом порядке, напирая на врага всеми силами спереди и отстреливаясь от него сзади. Трое суток шли все в этом порядке усиленным маршем без сна и отдыха, энергично и упорно преследуемые русскими по пятам. Войско вернулось домой благополучно без всяких потерь, но

сильно измученное и изнуренное пережитыми лишениями и невзгодами тяжелого и продолжительного похода.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Поражение мюридов в Кутишах. Покорение Цудахара. Решение имама. Назначение мюрида Кебет-Магомета главноначальствующим над действующими в Акушах войсками. Решение совета набов. Занятие Кутиши. Оплошность мюрида главнокомандующего. Неожиданное нападение русских и полный разгром мюридов.

В этом (1846) году имам выступил в поход с намерением совершить газават в родной стране Даниэл Султана. В Карахе он встретился с этим последним и оба они решили двинуться в Цудахар. Цудахарцы после небольшого сопротивления покорились и за сопротивление вознаградили мюридов богатой добычей.

Из Цудахара Шамиль двинулся в Акуши и остановился на одной из ее равнин.

Главнокомандующим над действующими здесь войсками он назначил мюрида Кебет-Магомета. В его распоряжение он назначил и свой русский отряд и артиллерию.

Кебет-Магомет со всеми вверенными ему силами остановился в одном из попутных аулов, рассчитывая на другой день двинуться в самое сердце Акуши. В это время к нему прискакал находившийся на разведке мюрид и сообщил, что русское войско двигается со стороны Леваши.

Не считая выгодным принять в этом ауле бой, Кебет-Магомет переехал с отрядами в другой соседний аул. Здесь совет набов решил идти на Кутиши. Поэтому имам, Казимухаммед и Кебет-Магомет отправились в этот аул. В Кутишах утром, на другой же день по прибытии сюда, Шамиль отправил Кебет-Магомета для проверки боевой обо-

ронительной линии. Значительно ранее этого он спрашивал его: устроены ли завалы и баррикады вокруг селения, поставлена ли цепь сторожевых, приготовлены ли места для постановки орудий, на что мюрид ответил ему, что все сделано, все приведено в полную готовность для встречи врага.

Едва Кебет-Магомет вернулся, исполнив приказание имама и указав наибам на их задачи в обороне, как прискакал мюрид и сказал, что русские уже подходят к аулу. Мюриды приготовились к встрече. Имам же в это время совершал утреннюю молитву. Русские казаки ворвались в аул, и войско имама обратилось в бегство, оставив на месте орудия, лошадей и даже имамскую головосечку-секиру. Только гидатлинцы, запершись в одной сакле, защищались упорно и ожесточенно до самого ухода русских. Три раза солдаты бросались на них, но не могли ничего сделать с ними. После ухода гяуров они вышли из сакли и, сняв одежды с убитых гяуров, пришли в Салты к имаму. Он их обладал и похвалил.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Оборона Салты. Выступление Шамиля в поход. Попытки восстановления потерянного счастья. Помощь Шамиля осажденным Салтам. Любимец русского царя и его торжественная встреча Воронцовым. Взамен военных лавров — пуля в заустье. Тесная блокада и страшные потери блокирующих. Ожесточенные атаки и печальные результаты их. Вопли Воронцова и неудавшаяся хитрость его. Порча воды. Очищение защитниками укрепления. Упреки и неудовольствие Шамиля. Дорогая победа. Восторг и торжество русских. Осужденные Воронцовым.

В 1263 (1847) году имам получил извещение от свое-

го Гергебильского наиба, что на вверенное ему укрепление наступают русские. Шамиль выступил ему на помощь со всеми своими наличными силами. В Хунзахской котловине он встретился со своими наибами Кебет-Магомедом и Кази-Мухаммедом, которые ничего еще не знали о движении русских. Отсюда имам спустился к Карадахскому мосту, где уже явственно слышался гул орудий. Усиленным маршем мюриды поднялись на вершину горы Ипат и увидели вдали русское войско, бегущее в беспорядке в противоположную сторону от Гергебиля. Это были войска Воронцова, удиравшие от мюридов после понесенных ими страшных потерь при штурме этого укрепления. С этими войсками Воронцов остановился на горе Турчидаге, и Шамиль узнал из достоверных источников, что он хочет испытать потерянное под Гергебилем счастье над укреплением Салты.

Пробыв около месяца на Турчидаге, Воронцов двинулся со своими войсками к Салтам. Шамиль половину своих сил отправил на помощь защитникам этого укрепления, другую же половину держал при себе в резерве. Местом своей стоянки он избрал аул Дарада.

Русские подошли к Салтам, окружили его и приступили к осаде. Началась канонада. Русские стреляли снарядами, разрывавшимися в земле. Воронцову доложили, что их ружья всегда дают недолеты, а наши достигают всегда своей цели. Это обстоятельство, говорят, сильно огорчило русского главнокомандующего.

Однажды Воронцов получил письмо от своего царя. Он писал ему:

— "Пошлагаю к тебе молодого человека,* пользующегося моей особой любовью и благорасположением. Надеюсь, что ты его скоро назначишь на высокий служебный

* Это — царский любимец, капитан генерального штаба, граф Гейден; он был тяжело ранен при одной из многочисленных атак.

пост и вернешь его ко мне покрытым всякими знаками военной почести”.

Для торжественной встречи этого царского любимца в Кизляр было послано 3 тысячи конницы.

Прибыв к Салтам, царский любимец пожелал посмотреть на то, что происходило там, пошел к своим и получил пулевую рану в заустье. При всем старании Воронцова его не могли вылечить, и раненый скоро умер.

Убедившись в невозможности взять укрепление открытой силой, русские окружили его плотным кольцом со всех сторон и прервали сообщение с ним окрестных жителей. Однако, эта затея обошлась им очень дорого. Каждые три дня они отправляли отсюда раненых и больных. Много военачальников и офицеров было убито. Сам Аргут был ранен пулей в лицо.

6 раз русские ожесточенно атаквали укрепление и всякий раз отступали с громадной убылью. Воронцов плакал и рвал у себя на голове волосы. В довершение беды здесь в это время свирепствовала холера, которая косила и осажденных, и осаждавших.

Наконец, русские прибегли к хитрости. Они воздвигли одну высокую башню, с крыши которой можно было видеть все, что делалось в укреплении, и стрелять в его защитников. Из-под этой башни они прорыли подземный ход в сторону обители подвижников газавата и проповедников рая, чтобы взорвать ее порохом. Такой же подземный путь устроили и мюриды под осадное укрепление врага, чтобы поскорее отправить его в уготовленный ему ад. Оба пути встретились. Мюриды первые заметили неприятельские котлы с порохом, взорвали их, но не причинили особенного вреда гяуру.

Разочарованные в этой хитрости, русские прибегли к другой, оказавшейся более действенной. Они стали портить питьевую воду оборонявшихся, оскверняя ее навозом, падалью и всякого рода нечистью. С этого времени защитни-

ков стала мучить, кроме голода и всяких невзгод, и жажда. Они лишились теперь возможности совершать и молитвотворение и омовение. Узнав о новом бедствии укрепления, имам приказал находившимся при себе наibaм беспокоить и тревожить осаждавших частыми налетами и наскоками, но это ни к чему не привело. Защитники были доведены до последней степени изнеможения. Три месяца они не имели ни сна, ни покоя, ни отдыха. Теперь же силы их ослабли, а подкрепить их было нечем. Не было ни воды, ни хлеба, а главное, они лишились возможности молиться тому, кому они приносили себя в жертву.

В глубокую темную ночь защитники вышли из укрепления и, прорвав кольцо осаждавших, явились к имаму. Шамиль выразил им неудовольствие, что они оставили крепость без его разрешения.

— "Зачем вы пришли сюда? — обратился он к ним укоризненно. — Я в эту ночь послал к вам съестные припасы и небольшую помощь людьми".

Но ни тех, ни других защитники не получили и потому не заслужили упреков имама.

Русские не были здесь победителями. Это доказывает, между прочим, одно побочное обстоятельство: до прибытия Воронцова в аул Оглы из похода его в Салты, тамошняя русская войсковая часть хотела его встретить салютами из орудий, но главнокомандующий отклонил этот восторженный прием:

— "Чему вы радуетесь? — спросил он своих. — не тому ли громадному числу раненых, которых провезли недавно мимо вас? Мюриды уступили нам укрепление не вследствие наших побед над ними, а вследствие порчи нами их питьевой воды и невозможности исполнять в этих условиях требования своей веры. Мы лишились 17 тысяч одних солдат, не считая потери, понесенной нашей мусульманской милицией, и смертных случаев от холеры и других болезней".

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Встреча русских и мюридов. Бой и победа мюридов. Удаление русских из осажденных укреплений. Падение укреплений. Защита аула Гергебиля. Отступление русских и преследование их мюридами.

В 1264 (1848) году Шамиль опять был осведомлен о движении русских к Гергебилю. Поэтому он поспешил туда и, спустившись с горного хребта Имута, занял Гергебельскую долину и вступил в бой с русскими, засевшими в садах. Мюриды вытеснили неверных с их позиции и прогнали в лагерь.

Однако, скоро на помощь им пришли новые войска и они окружили и блокировали укрепление. Будучи не в силах долго выдержать осаду, защитники покинули укрепление и перешли в аул. Борьба продолжалась здесь до тех пор, пока русские, сильно утомленные, не отступили с большими потерями, энергично преследуемые правоверными.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Осада укрепления Ахты. Взятие мюридами укрепления Начик (Лучек). Блокада Ахты. Неудачная атака мюридов. Взрыв порохового погреба. Безнадежное положение укрепления и спасение его Аргутом.

В том же году имам со своими мюридами, с артиллерией и мюридом Даниэл Султаном взял укрепление Начик* с 300 защитниками вероотступниками. Эти вероотступники были отпущены на волю, а все начальствующие над ними отправлены под конвоем в Горекала.

* Вероятно – Лучек.

Шамиль двинулся дальше и остановился в Ахтах. Ахтинцы приняли его очень радушно. Мюриды окружили укрепление со всех сторон и подвергли его строгой блокаде. По временам они производили и атаки, и при этих атаках ахтинцы шли впереди и терпели большой урон. Но ахтинцы были и среди неверных защитников укрепления.

Выстрелом из орудия Яхия Хаджи из Чиркея взорвал пороховой погреб, и от происшедшего взрыва свалилась часть крепостной стены. В образовавшийся в стене провал бросились храбрейшие из мюридов, но были отражены защитниками. Тогда имам приказал взорвать стену в другом месте. Осаждавшие бросились туда, но и там им дан был отпор. Наконец, защитники оставили стены укрепления и скрылись в свои жилища. Из мюридов в укрепление мог влезть только Кади из Ичигалы. В это время со стороны Чирахских гор показались войска Аргута, спешившие на помощь осажденным. Тогда осаждавшие оставили в покое укрепление и перешли в аул Ахты.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Оборона укрепления Чох. Встречные наступления к Чоху имама и Аргута. Осмотр и укрепление мюридами двух холмов. Усиленное бомбардирование русскими Чоха. Деморализация мюридов. Разнос и угрозы имама. Оскорбительно суровый приказ Шамиля наibu Муса Хаджи. Зашивание ртов. Борьба из-за воды. Пожар баррикад и их тушение. Отступление русских и преследование их мюридами.

В 1265 (1849) году Аргут, желая взять укрепление Чох, подошел к нему, расширяя и расчищая дорогу.

Шамиль, узнав об этом, собрал свою рать на Хотинской равнине и указал наibaм на их цель и назначение

в предстоящем им деле. Затем он вызвал к себе начальника гарнизона укрепления Мусу Хаджи и приказал ему укрепить как можно прочнее два холма, под названием Сугратлинки и Алимамай, ввиду того, что, по дошедшим до него сведениям, русские намерены занять и обратить их в опорные пункты своих операционных действий. Сам имам выехал для личного осмотра этих холмов и окружающей их местности и ночевал в этом районе.

Спустя немного времени по прибытии сюда имама, явился Аргут со своими войсками. Навстречу ему была выслана небольшая партия мюридов для задерживания его наступления. Она была вынуждена отступить под натиском передовой части русского отряда, и Аргут, окружив укрепление и поставив по местам свою артиллерию, начал усиленную бомбардировку.

Русские стреляли по оборонительным башням, стреляли по партиям мюридов, занимавших позиции в окрестности. Огонь был непрерывный, сильный и меткий. Три раза Шамиль вынужден был менять место своей стоянки вследствие сосредоточения на нем артиллерийского огня. Были разрушены защитительные сооружения вышеупомянутых холмов, были разрушены крепостные стены и оборонительные башни. И сами защитники не могли показываться из своих сокровищ вследствие страшного орудийного огня.

Наибы упали духом. Их энтузиазм погас, их энергия и воля парализовались. Они впали в малодушие и отчаяние. Глядя на них, и рядовые мюриды повесили свои головы, обабались, отчаялись и дрожали за свою шкуру в трепетном страхе. Шамиль собрал их всех вокруг себя и разнес всех страшно за их женоподобность, за отсутствие мужества, самолюбия, энергии и воли, за их апатию и равнодушие к святому делу газавата, за их предпочтение ничтожных и никчемных выгод сего тленного мира вечным благам рая.

— "Посмотрите на русских, — говорил он им, — и устра-

шитесь своих слабостей, своей низости, своей ничтожности. Ведь любо-дорого видеть, как они себя ведут, как они себя держат, не щадят себя, как они жертвуют собой. И это ради чего? Ради кого? Ради одного человека, даже не человека раба божьего — а исчадия ада, ради блудного слуги сатаны. Они по приказанию армяшки Аргута придерживаются своих законов и руками, и ногами, и всем существом своим. Вы же не хотите коснуться и мизинцем того, чему вас строго обязывает создатель земли и неба и творец рая и ада. Что ожидает неверных на том свете за их самоотречение и самопожертвование? То же, что уготовано правоверным трусам за их дрожание за свою шкуру, — ад. Что ожидает подвижников газавата? Честь и слава на этом свете и вечное блаженство на том!”

Затем, обращаясь непосредственно к наибам, он пригрозил им.

— “Клянусь Аллахом и пророком и всем святым исламом, что сниму желтую чалму вместе с головой с того, кто осмелится оставить это укрепление без моего разрешения. Я вам не угрожаю, я вас не пугаю. Я только напоминаю, что вы мужчины, что вы не зря, а по воле Аллаха носите усы и папаху и что вы должны уважать и помнить его волю”.

После этого он потребовал к себе Мусу Хаджи и приказал ему занять с лучшими мюридами оборонительную башню в верхней части укрепления.

— “Я тебе сверну череп до самого мозга и набью голову солью, если ты очистишь башню без особого моего разрешения”, — сказал он ему, подавая руку на прощанье.

Согласно этому приказанию, Муса Хаджи укрепил все доступы к башне корзинами, наполненными землей. Здесь же были возведены также завалы и баррикады из земли и хвороста. Наибы по очереди несли сторожевую службу. О возможности сдачи укрепления не смели разинуть и рта. Имам зашивал такому смельчаку рот.

Однажды русские неожиданным натиском заняли источник, из которого гарнизон пользовался водой. Чтобы отбить воду, имам послал 100 сугратлинцев и столько же из своих отборных мюридов. Они бросились на гяуров и отбили от них источники и орудия. Вторичным натиском они захватили свое орудие и ушли. Русские стали прибегать к хитрости и поджигать завалы из хвороста. Для того, чтобы тушить этот огонь, мюриды, по приказанию имама, построили водохранилища и наполнили их водой, таская ее по ночам на себе. Убедившись в невозможности взять укрепление, Аргут приказал сделать залп из всех огнестрельных орудий, имевшихся в его отряде. Этой мерой он хотел навести на мюридов страх, чтобы они не преследовали его при отступлении. Русские еще до рассвета сняли осаду и стали отступать. Шамиль своевременно преследовал врагов. Скоро густой туман окутал неверных. Аргут остался на ночлег на горе. Шамиль вернулся в Чохское укрепление и занялся приведением его в боевой порядок.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Рубка просек у селения Шали.

В 1266 (1850) году пришло русское войско к сел. Шали и приступило к рубке просек. Шамиль выступил против него с пехотой, артиллерией и солдатами. Рубка производилась с утра до вечера, при чем рубленный лес сжигался в тот же день. При наступлении мюриды встречали русских орудийным огнем, при отступлении настойчиво преследовали и наседали на них. В таких встречах и проходах прошла вся зима. Потери за эту зиму у русских велики, но и смертью праведников наших пало немало.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Назначение наибом сына Шамиля Гази-Мухаммеда.

После смерти в газавате Каротинского наиба Турача, Шамиль завел разговор с учеными о назначении на место покойного — сына своего Гази-Мухаммеда. Ученые исполнили желание имама и 18-летний юноша был назначен Каротинским наибом. Новый наиб поселился в примечетской школе среди ученых, известных во всем крае своей мудростью. Свои наибские обязанности он исполнял успешно, добросовестно и справедливо, руководствуясь присущими ему чувствами милосердия, великодушия, мужества и отваги.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

Разрыв Шамиля с Хаджи-Муратом. Ходатайство табасаранцев. Неудачная командировка наиба Омара из Салты в Табасаран. Командировка Хаджи-Мурата туда же. Набег его на Буйнак и увод в плен семейства Шахвали хана. Просьба табасаранцев к Хаджи-Мурату и отказ его. Возвращение Хаджи-Мурата из командировки. Недовольство Шамиля. Причина этого. Смещение Хаджи-Мурата с наибства. Разлад. Бегство к русским. Письмо Хаджи-Мурата к Шамилю. Ответ последнего. Смерть Хаджи-Мурата.

Имам неоднократно получал письма из Кайтаго-Табасарана о высылке туда своих сподвижников мюридов для водворения там шариата и военных порядков. Это обстоятельство заставило его выступить в поход в 1267 (1851) году со своими мюридами. Он остановился на Ругжинской горе и послал отсюда в Кайтаго-Табасарань Омара из Салты во главе партии трех наибов: самого Омара, Кади из Ачигалы и Нур Мухаммеда из Кахара, общей численностью в 3000 человек.

Омар, однако, скоро вернулся, не выполнив данного ему поручения, за это он был смещен с должности наиба. Тогда Хаджи-Мурат просил убедительно имама командировать его туда с 500 конными. Шамиль исполнил это желание и сам переселился с Ругжинской горы на Чохскую. Хаджи-Мурат несколько уклонился от своего прямого назначения. Он сделал налет на селение Буйнак, на дворец брата Шамхала Абумуслима-Шахвалихана, убил последнего и увез в плен его семью, забрал золото, серебро и все драгоценности. Со всей этой богатой добычей он направился в Хайдак.

Смелый до дерзости набег этот не обошелся без жертвы. При учинении его тяжело был ранен наиб Батыр из Мехельты, который скончался вскоре по прибытии в Хайдак.

Хайдакцы убедительно просили Хаджи-Мурата освободить из плена ханскую семью, обещая за это мирное соглашение с мюридами их владетельного хана Джамова. Просьба эта была отвергнута к великому сожалению и неудовольствию просителей.

Хаджи-Мурат был послан имамом в Кайтаго-Табасарань, чтобы, утвердившись прочно в каком-либо из местных селений, склонить его население всеми доступными ему мерами и средствами к восприятию шариата и газавата. Посланный же, упустив из вида цель поездки, погнался только за богатой добычей. Такое своекорыстное отношение к выполнению своих обязанностей и несоответствие прямой цели употребления власти не могли расположить местное население в пользу Хаджи-Мурата.

Затем все видели, чувствовали и понимали, что совсем не подобает истинному джигиту, каким они себе представляли Хаджи-Мурата, таскать всюду с собой вдову, только что повергнутую им в глубокую скорбь убийством ее мужа. И Хаджи-Мурат вследствие всего этого, встреченный холодным равнодушием хайдакцев, поспешил вернуться восвояси, потеряв в беспорядочном бегстве и столь доро-

гую для его сердца вдову, а также одного своего наиба — Шангеря, убитого в одной из путевых стычек, и многих других лучших своих мюридов.

Шамиль сейчас же по прибытии Хаджи-Мурата сместил его с должности наиба.

Хаджи-Мурат считал себя сильно обиженным и оскорбленным. Он стал интриговать не только против своего преемника, но и против самого имама. Он стал открыто издеваться над теми, которые беспрекословно повиновались Шамилю. Он не хотел слушаться и своего нового наиба.

Узнав об этом, имам послал несколько своих мюридов, чтобы вразумить его и заставить подчиниться местной власти. Хаджи-Мурат в свою очередь с несколькими приверженцами заперся в сел. Ботлихе и заявил шамилевским посланным, что он не хочет иметь с ними никакого дела. Но скоро, оставленный своими товарищами, он вынужден был подчиниться имаму, который искренно простил ему все случившееся: его шалости и дерзости.

Однако, Хаджи-Мурат после всего случившегося не мог никак успокоиться и утихомириться. Врагов и завистников у него было очень много. Имам же был крайне подозрителен к одним и доверчив к другим. Он легко поддавался наветам и наговорам. Поэтому Хаджи-Мурат, опасаясь за свою безопасность и за свою голову, бежал к русским, захватив с собой небольшую сумму денег и оставив семью на произвол имама. В бытность свою в Шали, имам получил от него письмо. Он просил его отпустить к нему его семью. Шамиль наотрез отказал ему в этой просьбе.

Он писал ему:

— "Послать к тебе твою семью, чтобы она обезбожилась, как ты? Нет, я такого греха на свою душу не приму!"

Хаджи-Мурат прибыл в Закатлы и сильно каялся в своем бегстве, тосковал по родине, по семье и был всегда печален. Из Закатлы он поехал в местность Миху. Здесь поссорился с одним влиятельным туземцем, убил его и

его товарищей и скрылся со своими спутниками в Элису, где и был убит.

Да простит Аллах его и все его грехи!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Поход в Кайтаго—Табасарань наиба Мак-Мухаммеда. Просьбы кайтаго-табасаранцев. Ходатайство за них шейха Джемалэддина. Согласие имама. Миссия наиба Мак-Мухаммеда и осуществление ее. Встреча и бой с русскими. Гибель мюридов. Смерть Мак-Мухаммеда. Великодушные врагов.

Шамиль и Джемалэддин продолжали получать письма из Кайтаго-Табасарани с просьбой, чтобы они выслали туда наиба для водворения шариата и его порядков. Джемалэддин усиленно упрашивал не отказать в этой просьбе.

— "Хорошо, — сказал, наконец, имам своему высокоуважаемому шейху и ученому: — пусть будет по-твоему; я исполню твои и их желания и пошлю туда благонадежного наиба. Но знай, что эта затея будет делом твоего ума и сердца, а не моего желания и решения. Что выйдет из этой затеи — сын или дочь, это будет делом твоей радости или печали, твоей гордости или огорчения".

И Шамиль отправил в 1268 (1859) г. в Кайтаго-Табасарань Мак-Мухаммеда с 200 лучшими испытанными мюридами. В числе их были и поборники газавата из Казикумуха и Ахты.

По прибытии на место, Мак-Мухаммед ввел там шариат со всеми его правопорядками и назначил из местного населения наибов, мулл и помощников.

Дней 20 спустя после их прибытия сюда, на них нагрянули русские с вероотступниками из Башлы, Дарго, Табасарана, Дербента, Кубы и Ахты. Мак-Мухаммед укрепил прочно аул Шелуги устройством завалов и баррикад и ре-

шил бороться с врагами шариата до последней капли крови, до последнего своего вздоха. Такое же решение приняли и многие правоверные Кайтаго-Табасарани.

Бой начался в пятницу утром и продолжался целый день. Мюриды дрались как львы. Три раза они бросались в рукопашную и косили русских и их приверженцев беспощадно и ожесточенно. Но с каждой минутой ряды их слабели, а у врага уплотнялись приливом свежих сил. Местные добровольцы стали оставлять прищельцев, и горсти мюридов приходилось бороться с полчищами неверных — приходилось одному состязаться с сотней.

Неверные все теснее и теснее сжимали правоверных в кулак. Они окружили толстым и плотным кольцом их последнее убежище, они разрушили его стены, продырявливали штыками его крышу; бросали в помещение защитников огонь и горючий материал, чадили и дымили, стараясь заглушить удалцов джигитов дымом и чадом. Ночью мюриды выскочили из своего помещения. Их сразу и со всех сторон окружили. Произошла жестокая кровавая рубка. Мак-Мухаммед пал тяжело раненный двумя пулями. Спасти его не было возможности. Он попал в руки врагам. Но враги эти отнеслись к нему благородно и великодушно: его доставили в Дербент, лечили и ухаживали за ним. Однако раны оказались смертельными. Он умер и был похоронен в этом же городе. Одни из его сподвижников пали в неравной борьбе, другие рассеялись во все стороны. Вместе с мюридами погибло богоугодной смертью много табасаранских ханов и беков.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Поход Шамиля в Закаталы. Причина похода. Неоправдавшиеся надежды. Голод и лишения. Неудачные битвы. Приближение Аргута. Возвращение из похода.

Во исполнение постоянной и усиленной просьбы мюридов своих из Закатал и уверенный, что он встретит со стороны всего местного населения горячее сочувствие и симпатию к шариату, Шамиль выступил туда в 1269 (1853) году. Особенного сочувствия населения к своему делу имам не встретил: почти вся знать при его приближении переселила свои семьи в русское укрепление. И сами они находились у русских на службе.

Недалеко от Закаталы произошло первое сражение с русскими войсками. Имам наблюдал за ходом боя с вершины одной горы. В этом бою пало много неверных. Немало осталось на месте и правоверных. Укрепление, расположенное у "Золотого пруда", хотя и было оцеплено партиями двух наибов, однако, цель этого предприятия не была достигнута. Кроме того, Шамиль послал мюридов за добычей по разным направлениям, но и из этого ничего не вышло.

Мюриды провели здесь без толку и без всякой выгоды немало дней, голодая и терпя всякого рода лишения и невзгоды.

Скоро Шамиль своими глазами увидел, как Аргут с большими силами наступает на него со стороны Кази-Кумуха. Мюриды сосредоточились у "Золотого пруда". Здесь с неверными опять произошел большой бой, кончившийся большими потерями для правоверных и уходом русских в Закаталы.

И Шамиль со своими войсками вернулся домой, совершенно неудовлетворенный результатами своего похода.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Набег на грузин и захват в плен семейства Чавчавадзе и Орбелиани. Посылка в Закаталы и Кахетию шпионов-смутьянов и цель ее. Доверчивость и беспечность русских зака-

тальских и кахетинских властей. Назначение Даниэл-Султана и Гази-Мухаммеда. Взятие имамом пограничного кахетинского укрепления. Набег на Цинондал и захват семейства князей Чавчавадзе и Орбелиани. Богатая добыча. Разделение и назначение пленных. Дележ добычи. Потери Грузии от набега.

В 1270 (1854) году имам выступил в поход со всеми войсками и остановился у речки Зона. О цели этого похода он ничего и никому не сообщил. Отсюда он послал в Закаталы шпиона-смутьяна для сообщения тамошним русским властям о наступлении его с несметными силами для расправы за прошлогоднюю получку. Тому же шпиону он приказал посоветовать начальнику гарнизона укрепления Закаталы привести это укрепление в боевой порядок, так как оно, повидимому, является объектом нападения мюридов. Это поручение было исполнено посланным в точности. Закатальское русское начальство поверило ему: оно отовсюду потребовало и притягивало к себе войска и ждало с напряженным вниманием нападения.

По прибытии в Тинды, имам послал в Кахетию другого смутьяна с таким же поручением смущать и взбудоражить местную русскую власть подобными же сведениями о наступлении туда мюридов. Кахетинская власть, вовремя предупрежденная закатальским начальством об угрожающей Закаталу несчастья, не поверила этому шпиону и не предприняла никаких охранительных мер. Так же недоверчиво и пренебрежительно отнеслась она к донесению начальника гарнизона маленького пограничного укрепления о наступлении больших сил Шамиля на Кахетию. Она объяснила это обстоятельство себе демонстрацией партии двух-трех набобов, предпринятой с целью отвлечения внимания от главных сил имама, направленных в Закаталы.

В таком бездействии и такой беспечности пребывала Кахетия, когда на нее нагрянули мюриды. Оставаясь сам с

резервом при вышеназначенном пограничном кахетинском укреплении, Шамиль направил в Кахетию свою конницу под начальством сына своего Гази-Мухаммеда, а пехоту под командованием Даниэл-Султана, назначив последнему в помощники Раджабия Мухаммеда.

Наступление совершилось ночью. Впереди шла пехота, сзади конница. Встречавшиеся на пути наступления селения сжигали, жителей забирали в плен, все ценное имущество захватывалось, пленных и добычу направляли к имаму на место его пограничной стоянки перед грузинским укреплением, взятым им вскоре же штурмом.

Немного отдохнув за селением Шильты, мюриды продолжали наступление. На берегу Алазана они встретили небольшой грузинский отряд, который рассеялся при их приближении. Отсюда конница усиленно понеслась в Залиндар (Цинондалы), родовое селение князей Чавчавадзе, взяла в плен княгиню, — дочь грузинского царя, — с детьми и англичанку, обучавшую княжеских детей, жену упомянутого выше нами в сказании о Воронцове грузина Ильи и всех молодцев князя.

Захватили дорогие женские украшения: браслеты, серьги и кольца и много других золотых и серебряных вещей. Была захвачена и корона царя Ираклия, — неописанной красоты и ценности. Предав огню опустошенный дом князя, мюриды вернулись к главным своим силам.

На обратном пути мюриды встретились с русскими войсками, явившимися сюда на помощь из укрепления Квараш, и, после небольшой схватки, отбросили их, не потеряв ни одного пленного, ни одной вещи из богатой и обильной добычи.

Опять всех пленных и все захваченное добро отправили к имаму на границу. Мюриды хотели повторить свои набег, но было приказание закончить свои операции и вернуться.

Много, очень много всякого добра было захвачено

мюридами в этот раз. За одну подкову, говорят, можно было получить хорошую буйволицу. Пленных было забрано 884 человека. Из них, по приказанию имама, были выделены все богатые и знатные для обмена их на мюридов, разновременно взятых русскими в плен. Более богатые и знатные из них, взятые под стражу, были отправлены в Дарго для заключения в тюрьму. Жена и дети грузинских князей, а также более или менее знатные, — в том числе и молодая англичанка, которая занималась обучением княжеских детей, — были окутаны в чадры и отправлены также в Дарго. Конвою, сопровождавшему их, был отдан строгий приказ обходиться с ними, как можно мягче и вежливее.

По выделении в пользу бедных установленной шариа-том одной десятой доли добра и по вознаграждении захватчиков, вся остальная добыча была распределена между всеми участниками похода: пешему по одной части, конному по три части.

Побыв в том пограничном грузинском укреплении около недели и разрушив его перед уходом до основания, войска имама вернулись назад.

Очевидцы вышеописанного дела утверждали, что от этого набега Грузия лишилась убитыми, пленными и насильственно лишившими себя жизни — не менее двух тысяч человек. 18 селений было предано огню. Семьи были потом выкуплены и за них было уплачено так много денег, что Грузия надолго осталась без денег.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Взятие русскими Дарго и Ведено. Охват русскими Дарго. Смерть Раджабил Мухаммеда. Переселение семейства Шамиля и дарговцев. Двухмесячная оборона. Ночной штурм.

Рассеяние мюридов. Чеченец-единоверец. Имам с немногими соратниками.

В 1275 (1859) году русские войска в несметном числе двинулись в Дарго. При первой же стычке тут был убит Раджабил Мухаммед. Шамиль и дарговцы заблаговременно переселились со своими семьями в Нагорный Дагестан. Имам свою семью, а также и семейства сподвижников своих, казну, артиллерию и огнестрельные припасы послал в сел. Ичичали. Неприятель, по прибытии на место, окружил и обложил Дарго со всех сторон. Мюриды, во главе с Гази-Мухаммедом, очутились в железном кольце. Не было запасов продовольствия, не было топлива. Холод и голод мучил защитников. Трудно было чего-нибудь достать. В таких невыносимых условиях боролись осажденные 2 месяца.

Наконец, русские произвели ночной штурм. Штурмовали со всех сторон и штурмовали так сильно и стремительно, что не было никакой возможности отбить. Ночью защитники, воспользовавшись темнотой, вышли из укрепления и рассеялись во все стороны.

Таким образом вся Чечня подпала под власть русских. Из всех чеченцев только один не покинул имама и сопровождал его в Нагорный Карабах.

Имам с самыми близкими своими соратниками основался в ауле Ичичали. Вся же партия его приверженцев рассеялась по всем селениям Гумбетовского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берге, Адольф et al. (eds). *Акты, собранные кавказской археографической комиссией (Архив главного управления наместника Кавказа)*, 12 т., Тифлис. Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1866-1904.

Бушуев, Семен Кузмин, "Государственная система имама-та Шамиля", *Историк Марксист*, 1937, №5-6 (63-64), стр. 77-104.

Бушуев, Семен Кузмин, "Письма Виконта Г.Кастильона к Гизо (24 апреля 1844 — 4 марта 1846 г.)". *Историк Марксист*, 1936, №5 (57), стр. 105-123.

"Взятие в плен Шамиля", *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*, т. СXLII, №566, стр. 177-187.

Волконский, Н.А., "Семь лет в плену на Кавказе (1849-1856). Очерк политического и домашнего быта кавказских горцев", *Военный Вестник*, 1882, №5, стр. 217-283.

Габричидзе, М.М., *Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов)*, Тбилиси, Госиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953.

Гаджи, Али, "Сказание очевидца о Шамиле", *Сборник сведений о кавказских горцах*, т. VIII (1873), 76 стр. (Translation from Arabic.)

Гаджиев, В.Г. и Рамазанов, Х.Х. (eds), *Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века. Сборник документов*. Махачкала, Дагестанское книжное издательство, 1959.

[Головин, Евгений Александрович] "Очерк положения во-

енных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года”, *Кавказский Сборник*, т. II (1877), стр. 1-74.

Горчаков, Николай, “Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 году. Из записок офицера Куринского полка”, *Кавказский Сборник*, т. IV (1879), стр. 19-37.

Горчаков, Николай, “Экспедиция в Дарго (1845 г.). (Из дневника офицера Куринского полка)”, *Кавказский Сборник*, т. II (1877), стр. 117-141.

[Граббе, Павел Христофорович] “Из дневника и записной книжки графа П.Х.Граббе”, *Русский Архив*, №6, стр. 101-132.

Гржегржевский, Изидор А., “Генерал-лейтенант Клюки фон Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818-1850”, *Русская старина*, 1874, №9, стр. 131-152, №11, стр. 497-515, 1875, №3, стр. 545-554, 1876, №1, стр. 144-162, №2, стр. 377-387, №3, стр. 646-658, №6, стр. 351-382.

Грюнберг, Г.Е., Бушуев, Семен Кузмин, (eds). *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т. III, часть I, 1801-1839, Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940.

Дагестанский филиал Академии Наук СССР, Институт истории, языка и литературы, “Документы о движении горцев северо-восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX в. под руководством Шамиля”, *Ученые записки*, т. II (1957), стр. 262-287.

Зиссерман, Арнольд Л., *Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867)*, Петербург, типография А.С.Суворина, 1879.

Ильин, П., “Из событий на Кавказе. Набеги Шамиля в 1843 году”, *Русский Вестник*, 1872, №7, стр. 216-314.

Кашаев, Гаджи-Мурат Омарович (ed), *Феодальные отношения в Дагестане XIX – начала XX в. Архивные материалы*. Москва, Наука, 1969.

Косвен, М.О. и Кашаев, Х.В. (eds), *История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы*, Москва, издательство восточной литературы, 1958.

Костенецкий, Якоб, *Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.*, Петербург: типография Эдурада Праца, 1851 (Reprint from *Современник*, 1850, №10, 11, 12).

Крачковский, Игнатий Юльянович, "Неизданное письмо Шамиля", *Избранные сочинения*, т. 6, Москва и Ленинград: издательство Академии Наук СССР, 1960, стр. 551-558.

Крачковский, Игнатий Юльянович и Генко, А.Н. "Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии", *Советское востоковедение*, т. 3 (1945), стр. 36-58.

Марков, Т., "Шамиль, гражданский и военный правитель. (Отрывок из описания левого крыла)", *Кавказ*, 29 ноября, 1859, (№94), стр. 525-526.

Милютин, Димитрий Алексеевич, "Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане", *Военный журнал*, 1850, №1, стр. 1-144.

"Низам Шамиля" (Материал для истории Дагестана) "Сборник сведений о кавказских горцах", т. 3, 1870, 18 стр. (Reprinted in *Северный Кавказ*, №53 (1938), стр. 30-33.

Николай, А.П., "Эпизод из истории кавказской войны 1855-1857", *Русская старина*, №11, стр. 251-282.

"Один из фанатических поступков Шамиля", *Кавказ*, 30 мая 1853 (№40), стр. 103-105.

Олсзевски, Мелети Яковлевич, "Кавказ и покорение восточной его части. Князь А.И. Барятинский 1856-1861", *Русская старина*, 1880, №2, стр. 289-318.

Олсзевский, Мелети Яковлевич, "Князь Александр Ивано-

вич Барятинский на левом фланге кавказской линии, 1851-1853". *Русская старина*, 1879, №6, стр. 307-332, №7, стр. 415-436.

Омаров, А.С., "К вопросу о формах государственности и права, сложившихся в ходе движения горцев Дагестана и Чечни 20-50 гг. XX в.", *Ученые записки*, т. 19, кн. II (1969), стр. 225-271.

Омар-оглу, Абдуллах, "Воспоминания мутаалима", *Сборник сведений о кавказский горцах*, т. 1, 1868, ч. 2, 1869.

Рамазанов, Х.Х. и Шихсаидов, А.Р. (eds). *Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века*, Махачкала, типография Дагестанского филиала Академии Наук СССР, 1964.

Руновский, А., "Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля", *Русский вестник*, 1862, №12, стр. 646-685.

Румянцев, И.Н. *В плену у Шамиля. Записки русского*, Петербург, типография А.Н. Букова, 1877.

Толстой, Лев Николаевич, "Хаджи-Мурат", *Посмертные художественные произведения*, т. 3, Москва, типография И.Д. Сутина, 1912, стр. 3-125.

Толстой, Лев Николаевич, "Набег. Рассказ волонтера", *Сочинения*, 12-е изд., т. 2, Москва, стр. 65-102.

Толстой, Лев Николаевич, "Вырубка леса. Рассказ юнкера", *там же*, т. 2, стр. 423-467.

"Успехи в борьбе с мюридами на восточном Кавказе при князе М.С. Воронцове. (Эпизод из кавказской войны)" *Военный сборник*, 1896, №9, стр. 5-35.

Халилов, А.М., "Шамиль в истории и в памяти народа", *Советский Дагестан*, 1988, №5, стр. 31-37.

Хурш, Бахаеддин, "Военная операция в Дагестане в 1843 году", *Горцы Кавказа*, №39, стр. 7-20, №40, стр. 10-14, №48 (1933), стр. 10-14, №49 (1934), стр. 12-20.

Чичагова, М.Н., *Шамиль на Кавказе и в России. Библиографический очерк*, Петербург, 1889.

Яндаров, Андарбек Дудаевич, *Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70 годы XIX века)*, Алма-Ата, Наука, 1975.

Allen W.E.D. and Paul Muratoff, *Caucasian Battlefields, a History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828-1921*, Cambridge University Press, 1953.

Baddeley, John Frederic, *The Rugged Flanks of the Caucasus*, London, Oxford University Press and Humphrey Milford, 1940.

Baddeley, John Frederic, *The Russian Conquest of the Caucasus*, London, Longmans, Green and Co., 1908.

Benkendorff, Constantine, *Souvenirs intimes d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845*, Paris Imprimerie de l'Institut Impérial, 1858, ed. Grigorii Gagarin. (Russian version: "Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года", *Русская старина*, 1910, No. 4, pp. 185-201, No. 5, pp. 291-306, No. 10, pp. 79-94, No. 11, pp. 273-288, No. 12, pp. 518-532. 1911, No. 1, pp. 97-112, No. 2, pp. 270-284, No. 3, pp. 457-470, ed. В.М. Koliubakin).

Bennigsen, Alexandre, «Un témoignage français sur Chamil et

les guerres du Caucase», *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, Vol. VII, No. 4 (October-December 1965), p. 311-322.

Berkok, Ismail, *Tarihte Kafkasya*, Istanbul, Istanbul Matbaası, 1958.

Blanch, Lesley, *The Sabres of Paradise*, London: John Murray, 1960.

Bodenstedt, Friedrich M., *Die Völker der Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Ein Beitrag zur Neuesten Geschichte des Orients*, Frankfurt-on-Main: Verlag von Karl Bernard Kizins, 1849 (second edition).

Büntig, *Ein Besuch bei Schamyl. Brief einer Prussen*, Berlin: Schneider und Co., 1855, (English translation: *A visit to Schamyl*, London: John W. Parker and Son, 1857).

Gammer, Moshe, «Vorontsov's 1845 Expedition Against Shamil: A British Report», *Central Asian Survey*, Vol. 4, no 4, Autumn 1985, pp. 13-33.

«Ghazi Imam Rahmat Allah Alayhi Avalin Rahbar-e Jangha-ye Gorila-ye Islam», *Vatan* (organ of the Islamic Union of the Provinces of Northern Afghanistan), April 1983.

Henze, Paul, «Fire and Sword in the Caucasus: the 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers», *Central Asian Survey*, Vol. 2, no. 1, 1983, pp. 5-44.

Kalinowski, Karol, *Pamiętnik mojej żołnierzki na Kaukazie i niewoli u Szamilia od roku 1844 do 1854*, Warsaw: Nakład W. Davida, 1883.

Lesure, Michel, «La France et le Caucase à l'époque de Chamil à la lumière des dépêches des consuls français», *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, Vol. 19, no. 1-2, 1978, pp. 5-65.

Marx, Karl, *The Eastern Question. A Reprint of Letters Written*

1853-1856 *Dealing with the Events of the Crimean War*, Eds Eleanor Marx-Aveling and Edward Aveling, London: Swan Connonchein and Co. 1897.

Merlieux, Edouard, *Les Princesses russes risonnieres au Caucase. Souvenirs d'une française captive de Chamyl*, Paris: F. Sartorius, 1857 (second edition: E. Dentu, éditeur, Librairie de la Société des Gens des Lettres 1860).

al-Qadari al-Daghistani, Mirza Hasan ibn 'Abdallah, *Kitap Asari Dagistan*, Baku, 1903.

Saray, Mehmet et al (eds), *Kafkas Araştırmaları*, Vol. 1, Istanbul, Acar Yayınları, 1988.

«Shamil: New Documents and Correspondence», *Central Asian Survey*, Vol. 4, no. 4, pp. 1-46.

Traho, Ramazan, «Literature on Chechno-Ingushes and Karachay-Balkars», *Caucasian Review*, No. 5, (1957), pp. 76-96.

Traho, Ramazan, «The 'Rehabilitation' of Imam Shamil», *Caucasian Review*, No. 1 (1955), pp. 145-162.

Yama'uchi, Massayuki, «Sheikh Shamil and the Ottoman Empire in the Period of the Crimean War Enlightened by the ATASF Archives in Ankara», *Orient* (Tokyo), Vol 22, (1986), pp. 143-158.

СОДЕРЖАНИЕ

Introduction	5
ТРИ ИМАМА	7
Библиография	168

100

100

100

100

100

100

100

100

100

Date	Description	Debit	Credit	Balance
10/1	Balance			100.00
10/2	...			100.00
10/3	...			100.00
10/4	...			100.00
10/5	...			100.00
10/6	...			100.00
10/7	...			100.00
10/8	...			100.00
10/9	...			100.00
10/10	...			100.00
10/11	...			100.00
10/12	...			100.00
10/13	...			100.00
10/14	...			100.00
10/15	...			100.00
10/16	...			100.00
10/17	...			100.00
10/18	...			100.00
10/19	...			100.00
10/20	...			100.00
10/21	...			100.00
10/22	...			100.00
10/23	...			100.00
10/24	...			100.00
10/25	...			100.00
10/26	...			100.00
10/27	...			100.00
10/28	...			100.00
10/29	...			100.00
10/30	...			100.00
10/31	...			100.00

100

100

100

100

100